

ROSSICA OLOMUCENSIA

XLII

(ZA ROK 2003)

2. část

Ročenka katedry slavistiky
na Filozofické fakultě
Univerzity Palackého

Olomouc 2004

Za jazykovou a stylistickou správnost odpovídají autoři.

© Zdeněk Pechal, 2004
ISBN 80-244-0830-9
ISSN 0139-9268

OBSAH

Vstupní referáty	13
<i>Флидрова, Г., Выслоужилова, Е.:</i> Диалог в письме на страницах газеты	15
<i>Пехал, З.:</i> Художественный образ города в русской литературе	27
<i>Степанова, Л.:</i> Диакронический анализ русской фразеологии: результаты и размышления.....	37
A. Lingvistika	43
<i>Богачева, М., Русинова, И.:</i> Образ погоды в русской народной речи	45
<i>Бранднер, А.:</i> Тенденции развития неизменяемых существительных в русском языке в сопоставлении с чешским	49
<i>Будняк, Д.:</i> Взаимодействие субъекта речи со средствами выражения субъективной модальности на уровне русского и польского текстов.....	55
<i>Вагнерова, М.:</i> Предложения с предикатом действия, построенные по структурной модели $S_{\text{ном}} - V_f - S_{\text{ак}}$ (в сравнении с чешским языком).....	61
<i>Вакулова, Е.:</i> Служебный документ как текст.....	67

<i>Воборжил, Л.:</i> Договор как коммуникат.....	73
<i>Гузи, Л.:</i> Русская языковая система в современном этнокультурном освещении.....	79
<i>Задонская, Г.:</i> Прагматика и оценка в искусствоведческих текстах.....	85
<i>Козакова, В.:</i> Термины маркетинг, брэндинг, паблик рилейшенз в языке бизнеса	91
<i>Коростенски, Й.:</i> К проблеме чешско-русской лексической эквивалентности (на материале иноязычных заимствований)	97
<i>Купчик, Т.:</i> Языковая симметрия рекламного слогана.....	103
<i>Лещак, О.:</i> Тезисы к онтологии текста (функционально-прагматический взгляд на проблему)	109
<i>Лещак, С.:</i> Тексто- и смыслообразующая функция языковых клише в художественных текстах малой формы.....	115
<i>Мануйлова, Н.:</i> Концепт «совесть» и его отражение в русской прозе (на материале романа Ф. М. Достоевского «Идиот»).....	121
<i>Овчинникова, И., Боронникова, Н.:</i> Глагол в языковом сознании ребенка (сравнительный анализ ассоциаций на <i>vediet'</i> и <i>znat'</i>).....	127

<i>Оганесян, Д.:</i> Текст как социокультурное явление и вопросы перевода.....	133
<i>Пазио, Д.:</i> Искажение образа действительности в лексикографической дефиниции (на материале религиозной лексики)	141
<i>Пилатова, Й.:</i> Контраст стандарта и экспрессии в информационном газетном тексте	147
<i>Ситарски, А.:</i> К вопросу о функционировании наречий в современном русском предложении.....	153
<i>Соболева, Л.:</i> Взаимодействие лексических, грамматических и фонетических структур поэтического текста	159
<i>Терехова, С.:</i> Этнокультурные особенности экспликации дейктических понятий (на материале русского языка в сопоставлении с украинским и английским).....	165
<i>Франковска-Козак, Б.:</i> Способы номинации в образовании собственных имен в устной речи учеников Гожовской земли	171
<i>Фролова, О. Е.:</i> Жестко структурированные тексты: модус и референция.....	177
<i>Харцярек, А.:</i> К вопросу о фатическом общении в польском, русском и чешском языках.....	183

<i>Хисамова, Г.:</i> Диалог как компонент художественного текста в рассказах В. М. Шукшина	189
<i>Яковлева, О.:</i> Особенности функционирования вида глагола в современном русском рассказе	195
В. Литература	201
<i>Антанасиевич, И.:</i> Современная городская легенда в системе постфольклора	203
<i>Апанович, Ф.:</i> Параметры современного города в ранней лирике Владимира Маяковского	215
<i>Арустамова, А.:</i> Образ Перми в творчестве М. Осоргина	223
<i>Бревнова, С. В.:</i> Феномен города в русской антиутопии конца XX века	229
<i>Выходилова, Э.:</i> Русская литература в оломоуцких издательствах между двумя мировыми войнами	235
<i>Герасимчук, В.:</i> Духовное пространство средневекового города в западноевропейской и восточнославянской традиции	241
<i>Гордович, К.:</i> Символика и мистика города в русской прозе XX века	247

<i>Догнал, Й.:</i> Модель изображения города в русской литературе: горизонтальное и вертикальное.....	253
<i>Дорошкевич, М.:</i> Оппозиция «свой – чужой» в образе города в польско-русском переводе.....	259
<i>Заградка, М.:</i> «Город» и города в названиях литературных произведений. (Тезисы и материалы к главе)	265
<i>Комендова, Й.:</i> Город в древнейшей литературе Руси (до XIII в.).....	273
<i>Костенок, Н.:</i> Иерусалим в «Пророческих книгах» У. Блейка	279
<i>Марцинкевич, Н.:</i> Своеобразие интерпретации образа города в творчестве А. А. Блока.....	285
<i>Павлюкевич, Т.:</i> Цветовой спектр «Повести о жизни» К. Г. Паустовского	291
<i>Поздеев, В.:</i> Городское/патриархальное как художественная доминанта в ранних рассказах А. М. Горького.....	297
<i>Рихтерек, О.:</i> К чешскому переводческому трансферу образа Санкт-Петербурга в «Поэме без героя» А. Ахматовой.....	303
<i>Рычлова, И.:</i> Элементы антиутопии в пьесе Л. Лунца «Город Правды».....	313

<i>Сабо, Б.:</i> Севилья как феномен города в пьесе Евгения Замятина «Огни святого Доминика».....	319
<i>Серебрякова, Е.:</i> Город и человек в прозе М. А. Булгакова 1920-х годов.....	323
<i>Спивак, Р.:</i> Город в лирике Б. Поплавского	329
<i>Теллингер, Д.:</i> Культурная компетенция переводчика художественной литературы (на примере слов-реалий)	335
<i>Франек, И.:</i> От трагедии ракетоплана к Шолохову	341
<i>Щедрина, Н.:</i> Концепт города в романе Татьяны Толстой «Кысь»	353
<i>Шевченко, Л.:</i> Концепт города в русской прозе конца XX века (киевский текст).....	359
<i>Яковлевич, А.:</i> Город детства в сценарии Сергея Параджанова «Исповедь»	367
C. Lingvodidaktika	387
<i>Бендова, Г. К.:</i> Авторская песня – исполнительский жанр	389
<i>Вавилина, Т.:</i> Отображение картины мира в русских и немецких народных сказках	393

<i>Горбатенко, О.:</i> Национальная специфика тестирования.....	399
<i>Данецка, И., Хлебда, Б.:</i> Составляющие культурологического комментария в процессе преподавания русского языка в польскоязычной аудитории (мультимедийный аспект).....	403
<i>Зеленицка, Е.:</i> Диалог культур на современном этапе обучения русскому языку.....	411
<i>Кагушева, М.:</i> К вопросу об отрицательных конструкциях в русском и чешском языках.....	417
<i>Кузина, В.:</i> Использование лингвостатистики в обучении языкам.....	423
<i>Милевская, Т.:</i> Роль памяти в процессе порождения мемуарного текста.....	431
<i>Михайленко, О.:</i> Развивающее взаимодействие как основа поликультурного диалога в многонациональном детском саду.....	437
<i>Морозова, Г.:</i> Обучение русскому словесному ударению в нерусской аудитории.....	443
<i>Овчинникова, И.:</i> Темпоральность в детском повествовании.....	449
<i>Плыгавка, Л.:</i> Белорусская культура в Литве.....	455

<i>Сипко, Й.:</i> Прецедентные феномены как средство косвенной оценки	461
<i>Тарса, Я.:</i> Текст в тексте, или почему и как люди используют чужие тексты.....	469
<i>Татарникова, Е.:</i> Спонтанная речь как вид коммуникации.....	475
<i>Чумак, Л. Н.:</i> Социокультурная информативность текста в аспекте РКИ.....	481
<i>Яковлева, Е.:</i> Вариативный русский язык в полиэтническом социуме.....	489
D. Frazeologie	499
<i>Антопякова, Д.:</i> Уверение и клятва в зеркале русско-словацкой фразеологии	501
<i>Беляев, М.:</i> Трансформации фразеологических единиц (на материале русской рекламы).....	507
<i>Богданова, Л.:</i> Проблема понимания в аспекте межкультурной коммуникации.....	515
<i>Вахитов, С.:</i> «Музыка» до Трахтенберга. О словаре русского воровского жаргона XIX века	521
<i>Гренарова, Р.:</i> Устойчивые сравнения с антропонимами и союзом как в русском и чешском языках.....	527

<i>Дюрчо, П.:</i> Межъязыковая фразеологическая интерференция.....	533
<i>Игнатович-Сковроньска Й., Митурска-Бояновска Й.:</i> Зооморфические глаголы как результат компрессии компаративных фразем (на материале русского и польского языков)	541
<i>Ивченко, А.:</i> Мотив чудесного рождения в славянской фразеологии	547
<i>Королёва, Е.:</i> Образы диалектной фразеологии (на примере сравнительных конструкций в старообрядческих говорах Латгалии)	553
<i>Малоха, М.:</i> Жизненный век человека в вегетативных метафорах и фразеологизмах.....	559
<i>Милютина, Т. А.:</i> Фразеологизмы в повестях В. Распутина: смысловые наслоения как проблема перевода	565
<i>Мокиенко, В.:</i> Перспективы историко-этимологического описания русской фразеологии	571
<i>Мровецова, Л.:</i> О некоторых фразеологических единицах в современной русской и чешской «экономическо-коммерческой периодике»	583
<i>Обицка, С.:</i> Стилистико-семантическая нагрузка лексем <i>око</i> и <i>глаз</i> (на материале евангелий)	591

<i>Опалкова, Я.:</i> Этимологический экскурс в словацкую фразеологию	597
<i>Пастыржик, С.:</i> Имена собственные в предсказаниях некоторых славянских народов в сборнике Челаковского	605
<i>Пачаи, И.:</i> Парные слова, отражающие специфику русской культурной зоны.....	611
<i>Селиверстова, Е.:</i> О причинах варьирования пословиц: образ и идея	617
<i>Складана, Я.:</i> Диахрония в современной словацкой фразеологии.....	625
<i>Федосов, О.:</i> Русские коллокации 2-й половины XIX века (на материале «Курса русской истории» В. О. Ключевского)	631
<i>Финк, Ж.:</i> Хорватские фразеологизмы <i>dobiti/dobivati košaricu</i> и <i>dati/davati košaricu</i>	641
<i>Чокинова, Л.:</i> Фразеологические обороты русского языка с точки зрения их происхождения	647
<i>Эккерт, Р.:</i> Роль древнерусского и русского фольклорного материала при изучении фразеологизма * <i>naglaja (skoraja) sьmьrtь</i>	653
Е. Kronika	659

C. LINGVODIDAKTIKA

АВТОРСКАЯ ПЕСНЯ - ИСПОЛНИТЕЛЬСКИЙ ЖАНР

Гана Карловна Бендова, Чешская Республика, Пардубице

Размышляя о вопросах **инкультурации**, я пришла к грустному заключению, что строгий поворот в нашей стране к пониженному уровню культуры: к эстрадным развлечениям, к чтению розовых книжных серий и желтой прессы в средствах массовой информации, прежде всего в телевидении или во многих летних массовых музыкальных акциях на так называемых музыкальных фестивалях – типа Хип хоп, стал довольно быстро вытеснять влияние русской культуры на территории Чешской Республики. Писатель и сценарист Зденек Малер недавно высказался по радио так: «...средства массовой информации вытесняют культуру; сниженный уровень развлечения, который продюсируют в последнее время, достигает уровня идиотизма...».

Нам, таким образом, предстоит искать и находить ключ для открытия пути, для проникновения к молодому поколению, для привития в молодежи интереса к русской культуре.

Одно из русских культурных явлений, которое молодежь принимает безоговорочно, это так называемая **авторская песня**. Духовно и эстетически активным средством этого жанра является творчество русских **бардов**: Окуджавы, Галича, Высоцкого, Розенбаума, Карпова, Кима, Н. Матвеевой, Ж. Бичевской и других.

С какого времени мы стали говорить об авторской песне?

В начале 60-тых годов в мировой – и в том числе и в русской песне – появились новые направления: это **песни-монологи**, **песни-размышления**, песни, использующие высокую поэзию. От певца они требуют нового отношения к себе, **новой исполнительской манеры**. Эти же годы выдвинули и необычных исполнителей, т. е. **авторов-исполнителей, или же бардов**. Бард един в трех лицах: он автор стихов, автор музыки, он же – исполнитель. Чем так привлекает искусство бардов – особенно Окуджавы и Высоцкого? – Бард всегда имеет позицию, личную позицию, свою точку зрения. Авторская песня представляет собой **аутентичную исповедь** о себе и о времени. Эмоциональное сопереживание, которое обуслов-

ливают способность разделять свое сообщение с аудиторией, ничем не обеспечено, не гарантировано. Понятие аутентичности связано с условиями восприятия художественного произведения. В авторской песне становится драматичной фигурой ее певец – автор и исполнитель в одном лице. Аутентичность – это не только дело нашего внутреннего мира – она становится и своего рода заангажированностью в окружающем нас мире. Авторская песня 60-тых годов – поэзия песенного характера – стала широко известной при посредстве самиздата, расширилась посредством магнитофонных записей. Вечера поэтов проводились тогда на стадионах. Для этого времени была характерна тяга к сборности, к массовым зрелищам. Окуджаву, Галича и Высоцкого в то время слушали на квартирах. Может быть, это и была причина поворота восприятия от публичного интереса к современной поэзии, к индивидуальному вкусовому восприятию. Искусство стало более личным.

Горлом Высоцкого хрипело и орало время. Конечно, нельзя говорить и петь вообще от имени народа. Каждая песня Высоцкого имеет конкретный адрес и очень многое в его творчестве автобиографично. Он стал кумиром миллионов сограждан. За свою популярность он благодарен своей способности полностью впитывать жизнь людей и правдиво ее и передать. Его глубокое духовное увлечение конкретной темой полностью переносилось на русскую аудиторию.

В России его бум пришел с горбачевской перестройкой, уже после смерти Высоцкого. В Чехии такое не состоялось до сих пор – ни в 80-тые, ни в 90-тые годы, ни в начале нового тысячелетия. Причина опоздания в России ясна – критическое содержание его текстов. Мы в Чехии не успели спохватиться ни в 90-тые годы, так как с этого времени у нас начинается уклон от российского искусства. Массовые российские издания сборников его стихов, воспоминаний его коллег, издания песенников, картинок, снимков, сайтов с его творчеством и о его творчестве нашли в Чехии отражение хотя бы в том, что некоторые его песни вошли в учебники русского языка. Большая заслуга в распространении его песен у нас принадлежит моравскому барду Яромиру Ногавице.

Мы переходим к следующему очень важному вопросу – как воспользоваться в учебной практике мастерством русских бардов? Как справиться с задачей применения всех полезных характеристик, содержащихся

в жизни и в творчестве Владимира Высоцкого в лингводидактическом смысле? Чем он близок и сегодняшним молодым людям?

На мой взгляд, им близок прежде всего **ритм его песен**, который является ведущей музыкальной характеристикой его песенного творчества. Как раз ритм вызывает интерес к произведению, при посредстве ритма мы воспринимаем дальнейшие художественные качества текста.

Одной из задач образовательного процесса гуманной школы является необходимость быть открытой для познания потребностей детей и молодежи, ориентируя их к постепенному сопереживанию более высоких потребностей, с целью направлять молодого человека в процессе воспитания все выше к потребности правды, красоты и добра, чтобы он остался верным своей человеческой идентичности. В процессе иноязычного обучения напрашивается для этого достаточное количество возможностей, если мы понимаем учебный процесс как **инкультурацию** (термин проф. Риса и книге Дидактика иностранных языков), т. е. процесс познания и вхождения в культуру в широком понимании.

В учебной практике, при решении проблемы как исполнять авторские песни студентами, можно идти своеобразным путем – не подражание автору в сольном выступлении студентов (охрипших подделок Высоцкого бывало много), а внедрение специального варианта исполнения, комбинирующего разнообразные приемы интерпретации художественного слова.

Русская традиция художественного слова кроме сольных выступлений чтецов, упоминает о следующих двух типах прочтения автора или темы – солистом или художественной группой – это так называемые **монтажи** и **композиции**. Под композицией подразумеваем такой состав материала текста, который тематически отличается, он тематически разнообразен (напр. воспоминания политзаключенных из концлагерей в соотношении с лирическими стихами о природе). К лучшим представителям нового пути складывания художественного материала принадлежал Владимир Яхонтов. Монтаж представляет собой такой состав текстового образца, который составлен из тематически единого материала (напр. Строки любви Щипачева).

Чешская декламаторская традиция приводит еще третий способ организации художественного материала, подвид монтажа **монтажную цепочку** или же **монтажный ряд**. Своими корнями монтажные цепочки

восходят к школьной традиции создания циклического материала литературно-исторического характера.

В учебных целях мы тогда можем подойти к текстам бардов, прежде всего к текстам Высоцкого, как к своеобразному учебнику русской культуры, истории и языка.

Использованная литература

- Высоцкий, В.: Нерв. М. 1982.
Высоцкий, В.: Я, конечно, вернусь... М. 1987.
Hejko, M.: Asteroid 2374. Praha, 1999.
Okudžava, B.: Kapela naděje. Praha. 1980.
Nakonečný, M.: Sociální psychologie. Praha. 1999.
Choděra, R. a kol.: Didaktika cizích jazyků. Praha. 2001.
Hůrková, J.: Mluvený projev a přednes. Praha. 1985.

Key words:

russian protest songs, enculturation, art image

Summary

The article deals with the position of Russian protest singers in lingvodidactic process of enculturation and recommends different types of art image works in schools.

ОТОБРАЖЕНИЕ КАРТИНЫ МИРА В РУССКИХ И НЕМЕЦКИХ НАРОДНЫХ СКАЗКАХ

Тамара Вавилина, Российская Федерация, Пермь

В рамках исследования проблем взаимодействия и взаимовосприятия культур ставится вопрос изучения национальных менталитетов, особенностей мышления и мировосприятия, когнитивных и коммуникативных стилей, характерных для представителей конкретных лингвокультурных сообществ, что оказывает определяющее воздействие на закономерности категоризации окружающей действительности и формирование национальных «картин мира».

«Картина мира» есть *глобальный образ объективного мира, репрезентирующий его свойства в том виде, в котором они осмысляются его носителями, и являющийся интеграцией всех моментов психической жизни человека как представителя того или иного этноса на той или иной ступени развития* (1: С. 52). «Картина мира» включает тем самым субъективные и объективные отношения.

Культурные традиции, ценностные приоритеты, специфика мироощущения и стереотипы национального мировидения находят свое отображение в такой семиотической системе как язык в виде текстов. Сказочный же текст для всех языковых культур признается стереотипом текста (иногда даже своеобразной «моделью языка»), в котором воплощается идеальный образ объективного мира или «концептуальная картина мира».

Предметом исследования послужили русские народные сказки под редакцией А. Н. Афанасьева и немецкие народные сказки, собранные и обработанные братьями Гримм. Рассматривались парные тексты, т. е. сказки, обладающие схожей фабулой, но имеющие различные сюжеты. Изменение сюжетных линий происходит в силу существования определенных различий в картинах мира русского и немецкого народов. Учитывая двухплановый характер культуры, которая проявляется, с одной стороны, в материальных явлениях (внешняя форма существования культуры), с другой стороны, в развитии и совершенствовании самого

человека как общественного существа, как цельной и гармонической личности (внутреннее содержание культуры), представляется целесообразным выделение следующих структурных элементов в картине мира или уровней культуры (2,3): духовный, социальный и материальный. Рассмотрим подробнее особенности каждого из выделенных уровней.

Духовный уровень культуры: под ним принято понимать все субъективные аспекты жизни, идеи, стереотипы и установки, ценности, нормы и ориентирующиеся на них способы поведения (2). Особый интерес представляют внешняя и внутренняя характеристики героев. Внешняя характеристика предполагает поступки и действия, внутренняя соотносится с характером, менталитетом. При этом, признаки, которые носят общечеловеческий характер, занимают разные места в системе ценностей соответствующих культур, различаясь по степени распространенности и способам реализации. В картине мира социума присутствуют некие усредненные, считающиеся наиболее обычными представления о признаках, предметах, событиях, явлениях, относящиеся либо к фонду знаний членов данного социума, либо базирующиеся на опыте, приобретенном в процессе практического освоения действительности. Оценочная деятельность детерминирована всем социальным и культурно-историческим опытом народа – носителя языка, на который опирается принятая в конкретном языковом коллективе система стереотипов, стандартов и норм. Таким образом, ценностная картина мира, являющаяся составной частью концептуальной картины мира, обладает отчетливо выраженной национально-культурной спецификой.

Обратимся к материалу исследования.

Герои немецких сказок отличаются тем, что всегда пребывают в состоянии активности, они, как правило, энергичны, деятельны и инициативны, решительны и смелы. Сравним начало сказок о братце и сестрице. Русский вариант: *Вот царь с царицей померли; остались дети одни и пошли странствовать по белу свету* (4: С. 27). Немецкий вариант: *Взял братец сестрицу за руку и говорит: «нету нам на свете радости...собачонке и то под столом лучше живется... Давай уйдем вместе с тобой куда глаза глядят, будем бродить по свету»* (5: С. 36). В тексте немецкой сказки эксплицирован активный характер героев, стремление избавиться от гнетущих обстоятельств, в то время как в русской сказке очевиден вынужденный характер поступков героев, их фаталистическая предопределенность, зависимость от обстоятельств.

Относительная бездеятельность, пассивность русских героев неоднократно подчеркивается в текстах сказок и воплощается в сюжетных линиях. Сравним сказку «Семь Симеонов» и «Четверо искусных братьев». И в той, и в другой сказках воспеваются народные таланты, мастерство. Основная идея одинакова: это прославление труда, высокой степени профессионализма. Однако, мастерство русских героев носит волшебный характер, в то время как немецкие герои приобрели свои умения обучаясь. В русской сказке *царь приказывает семи Симеоном показать свои ремесла* (4: С. 53), посылает их за полюбившейся ему царевной: «...*доставай царевну... чтоб была мне во что бы то ни стало!*» (4: С. 54). В немецкой сказке братья принимают самостоятельное решение: *И они порешили выступить все вместе и освободить королеву* (5: С. 329).

В судьбах героев русских сказок большую роль играет случай, немецкие же герои больше полагаются на себя, хотя не исключается так же их зависимость от объективной необходимости. Проведенное исследование духовного уровня культуры позволяет сделать следующие выводы: **основными чертами героев немецких сказок является их деятельность, активность, стремление к самоутверждению в жизни, независимость от обстоятельств внешнего мира и окружающих, трудолюбие, хозяйственность, прагматичность, рациональность, набожность. Характерными чертами русских сказочных героев являются относительная пассивность, исполнительность, терпеливость, зависимость как от обстоятельств внешнего мира, так и от других людей, фатализм. И те, и другие хитры, ловки и предприимчивы.**

Данные характеристики героев прослеживаются и при анализе семейных отношений, которые являются одним из основных элементов изображения в волшебной сказке. Герой и семейные отношения раскрывают одну из сторон второго структурного элемента картины мира, а именно социального.

Социальный уровень: под ним понимаются отношения между людьми, система статусов и социальных институтов, явления, реально существующие в процессах взаимодействия людей (2). Рассмотрение данного уровня предполагает исследование семейных и общественных отношений. Обращение к материалам исследования показало, что в русских сказках часто акцентируется определяющая роль родителей в жизни и судьбе детей, в то время как немецкие дети, обладая большей свободой и независимостью, достигая определенного возраста, покидают родительский дом и живут самостоятельно. Этот факт так же нашел отражение в на-

родных сказках. Обратимся к сказкам об искусных братьях. Русский вариант: *Отец мучился-мучился с ними и повез к царю: привозит туда, сдаст всех в царскую службу* (4: С. 71). Немецкий вариант: *...вот когда они выросли, говорит он им: «Милые дети, пора вам идти странствовать по свету, – ведь помочь вам я ни в чем не могу; собирайтесь да идите в чужие края и земли и научитесь там какому-нибудь ремеслу, а там оно уж видней будет, как себе дорогу дальше пробить»* (5: С. 326).

В немецких сказках отношения между родителями и детьми и братьями и сестрами представлены, с одной стороны, как более теплые, верные и преданные, с другой же стороны, эти отношения отличаются своей специфичностью: в них присутствует определенная доля эгоизма. Если героиня русской сказки беспокоилась только о своем брате, то в немецком варианте она часто думает, размышляет и о своей судьбе. В последний раз она не хотела отпускать своего брата в лес, думая, прежде всего, о себе: *«...и останусь я здесь одна в лесу, покинута всеми. Нет, не пущу я тебя нынче в лес»* (5: С. 39).

Еще одной составной частью социального уровня является отношение к правосудию, к суду как правовой инстанции. Следует отметить, что этот элемент наблюдается только в немецких сказках, где суду отводится важная роль. Его решения являются законом даже для членов королевской семьи. А все, что совершалось незаконным путем, влечет за собой наказание.

Таким образом, в немецких сказках чаще акцентируются семейные отношения. Они представлены как более теплые, верные, дружелюбные. Но при этом они могут носить эгоистичный характер. Дети в немецких сказках более самостоятельны, независимы и свободны, чем в русских. В немецких сказках выражена вера в правосудие, доверие к суду как правовой инстанции.

Следующий рассмотренный нами уровень – **материальный**. Под ним понимается все то, что принадлежит к отношениям человека со средой его обитания, к удовлетворению его потребностей для дальнейшего существования, к технологической стороне жизни (2). Немецкие сказки выделяются, в первую очередь, своей детальной проработкой описания интерьера, окружающей обстановки, большое внимание уделяется предметам быта, уюту, комфорту, что не характерно для русской сказки. Так, в немецком варианте сказки о волке и козлятах герои прятались под стол, на кровать, на печку, в кухню, в шкаф, под умывальник и даже в футляр

от стенных часов. В русских сказках часто употребляются такие понятия, как «очаг», «изба». С давних времен они воспринимаются как хранители традиции, семейной связи и поэтому всегда были значимы для русского человека.

Таким образом, материальный мир становится предметом достаточно подробного рассмотрения в текстах немецких сказок, в которых отображается интерес к интерьеру, внимание к комфорту, к деталям обстановки, а не к традиционно значимым и ценным понятиям, как это типично для русских сказок.

Подводя итоги исследованию, следует отметить, что анализ картин мира, отображаемых в сказках, дает возможность с известной степенью допустимости охарактеризовать тип соответствующей культуры.

Использованная литература

- Маковский, М. М.: *Язык - миф - культура: символы жизни и жизнь символов*. М. 1996.
Kroeber, A. L., Kluckhohn, C.: *Culture, a critical review of concepts and definitions*. Cambridge 1952.
White, L.: *The science of culture*. New York 1949.

Источники фактического материала:

- Афанасьев, А. Н.: *Народные русские сказки*. М. 1979.
Братья Гримм. *Сказки*: перевод Г. Петникова. Минск 1983.

Key words:

culture, Text, Folk tale, World picture, Worldview, Mentality, Values, Priorities, Levels of culture: spiritual, social, material

Summary

In this article structural elements of Russian and German world pictures are analyzed on the basis of a comparative study of Russian and German folk tales. There is an attempt to show differences and similarities of the cultures on spiritual, social and material levels. In this work such aspects as individual worldview in different cultures, particularities of communicative behavior, value priorities of the society are shown.

НАЦИОНАЛЬНАЯ СПЕЦИФИКА ТЕСТИРОВАНИЯ

Ольга Горбатенко, Россия, Москва

Тестирование – самый современный и самый объективный, на наш взгляд, вид контроля знаний, навыков и умений по иностранным языкам.

Контроль, являясь совокупной частью процесса обучения (в нашем случае русскому языку как иностранному) представляет собой взаимодействие обучаемого и тестера, т. е. человека, проводящего тестирование. Обе стороны активно участвуют в лингводидактическом тестировании, каждая сторона по-своему: тестер организует процесс контроля таким образом, чтобы он дал наибольший эффект, «направляет» языковые, речевые, коммуникативные действия испытуемого, тестируемый, с точки зрения избранных им целей тестирования, демонстрирует, насколько овладел языком, знает ли он и может ли реализовать в коммуникации многообразные способы выражения мысли, умеет ли он производить самооценку речевой деятельности и ее коррекцию, способен ли находить решение не встречавшихся ранее учебных и внеучебных задач и т. д.

Поскольку тестирование по русскому языку как иностранному является составной частью методики преподавания РКИ, которая ориентирована на усвоение учащимися данного предмета, то и научные основы тестирования предполагают учет закономерностей обучения языку как средству общения, а также особенности образования и воспитания личности обучаемого (тестируемого) средствами языка.

Качество обучения русскому языку зависит от организации и управления учебным процессом. С этой целью необходимо иметь систематическую информацию о качестве усвоения учащимися учебного материала, о соответствии методики конкретным потребностям обучения. Такого рода обратная связь осуществляется при помощи лингводидактического контроля и его (контроля) актуализировавшейся формы – тестирования.

Одним из наиболее важных вопросов является вопрос о критериях оценки. Задача заключается в том, чтобы сократить субъективный фактор в оценке до минимума. Для объективности результатов необходимо,

чтобы таблица оценок прогнозировала возможные ответы учащихся, оценки при этом должны соответствовать требованиям, предъявляемым к учащимся. Чтобы результаты тестирования были объективными, необходимо учитывать все требования, предъявляемые к лингводидактическим тестам, а также изучить их функции.

Следует отметить, что тестирование имеет национальную специфику. Здесь необходимо учитывать не только, как строит человек свое высказывание (внутреннюю и внешнюю речь), но и как ее (речь) варьирует, какие речевые навыки и в какой последовательности выбирает в зависимости от целей и условий общения. Как известно, общение может быть социально ориентированным, предметно ориентированным и личностно ориентированным. Различия этих видов общения существенны для обучения письму и говорению, в частности, для обучения диалогической речи. Квалифицированный составитель теста, опираясь на знание психологических сторон общения, может заложить в тест адекватную проверку вербальных и невербальных средств и способов общения, свойственных соответствующей (в нашем случае – русской) культуре.

Важны для тестолога как разработчика теории и практики тестов и проблемы общей психологии, в первую очередь, психологии эмоций, мышления, памяти. В последнее время все более весомую роль в содержании языковых тестов играют данные этнопсихологии (науки о национальных особенностях психики), возрастной и социальной психологии.

Как известно, к духовной культуре относят традиции, обычаи, бытовую культуру, привычки людей, темы общения, национальные картины мира. Все это отражает специфику восприятия предметов, понятий, а также национальные особенности мышления представителей какой-либо культуры. В связи с этим необходимо изучить опыт обучения учащихся в родной стране. Здесь важно выявить, какие типы заданий наиболее привычны учащимся, чтобы постепенно их ознакомить с теми способами контроля, с которыми они не сталкивались.

Важную роль в тестировании играет лингвострановедение, так как при составлении тестов необходимо учитывать, с одной стороны, духовную и материальную культуру той страны, которую представляет тестируемый, а с другой – проверить знание им изучаемой культуры. На занятиях по практикуму русского языка проблематика лингвострановедения находит отражение в тематике бесед и анализе тестов, в процессе которых преподаватель знакомит учащихся с культурным компонентом

обшелитературного слова, способами семантизации фоновой лексики. Поэтому тесты по РКИ, безусловно, могут быть включены в задания на понимание таких выражений или слов, которые не имеют точных эквивалентов в родном языке учащихся.

Как указывает Т. М. Балыхина, тестирование по русскому языку иностранцев находится под воздействием процессов, происходящих в мировом образовании. Разработчики новых форм контроля не могут не учитывать того, что система оценивания, имеющаяся в каждой отдельно взятой стране перестает быть статичной, замкнутой в себе одной, используемой, к примеру, как способ дисциплинарного воздействия, поощрения или наказания. В задачу оценивания знаний, умений, навыков иностранца по РКИ все мощнее вливается функция совершенствования, оптимизации обучения.

Использованная литература

Балыхина, Т. М.: *Словарь терминов и понятий тестологии*. М. 2000.

Балыхина, Т. М.: *Структура и содержание российского филологического образования. Методологические проблемы обучения русскому языку*. М. 2000.

Key words:

control, culture, method, national particularities, world national scope, tasks, test, testing, test function, test results

Summary

The thesis presents national particularities of the test control method in teaching Russian as a foreign language. Special emphasis is laid on the role of the foreigners' world national scope. Spiritual culture deals with traditions, life style, habits, and the national world scope. The thesis analyses the role of experience in learning languages in their home country. The scientific testing approach naturally intends to take into account that teaching a language serves as means of communication and also as a method of educating an individual.

СОСТАВЛЯЮЩИЕ КУЛЬТУРОЛОГИЧЕСКОГО КОММЕНТАРИЯ В ПРОЦЕССЕ ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА В ПОЛЬСКОЯЗЫЧНОЙ АУДИТОРИИ (МУЛЬТИМЕДИЙНЫЙ АСПЕКТ)

Ирена Данецка, Барбара Хлебда, Польша, Ополе

Каждый человек является носителем определённых национальных традиций, отражённых в языке, истории, литературе, а также своего жизненного, интеллектуального опыта, своих знаний, умений и навыков, традиций и привычек, формулирующихся в определённой культурной среде.

Культура, понимаемая в широком смысле, обозначает произведённое и накопленное человечеством материальное и духовное богатство: это система ценностей, идей, традиций, образ жизни, видение мира, национальный характер, менталитет¹.

Национальный характер культуры предполагает взаимодействие языков и культур разных народов, их взаимное обогащение. Культура в таком понимании является единством национального и интернационального элементов.

Главное назначение любой национальной культуры – быть средством духовного обогащения личности; человек, осваивая другие языки, погружается в новый мир культуры. Он выходит тогда за рамки своей культуры, вступает в новые культурные круги, доступные ему соразмерно иноязычным знаниям и умениям. Изучая иностранный язык, человек обогащает свой интеллект знаниями, умениями, недоступными монолингвальным индивидам.

Усвоить иностранный язык – обозначает не только понять интенции носителя в области общепонятных бытовых поведений, но также понять богатое содержание, очевидное для носителя, и скрытое для изучающего

¹ См.: *Теоретические основы лингвокультурологии.* /в./
<http://gramota.ru/book/ritorika/index3.htm>

иностранный язык. Источником и инспирацией этого содержания является именно национальная культура.

Предметом лингвокультурологии по В. В. Воробьёву являются «*национальные формы бытия общества, воспроизводимые в системе языковой коммуникации и основанные на его культурных ценностях, всё, что составляет 'языковую картину мира'. Лингвокультурология ориентируется на новую систему культурных ценностей, выдвинутых новым мышлением, современной жизнью общества, на полную, объективную интерпретацию фактов и явлений и информацию о различных областях культурной жизни страны. Объективная, полная и целостная интерпретация культуры народа требует от лингвокультурологии системного представления культуры народа в его языке, /.../ а также разработки понятийного ряда, который способствует формированию современного культурологического мышления*»².

Расцвет лингвокультурологии - науки о взаимосвязи и взаимовлиянии языка и культуры – обусловлен глобализацией, а значит, необходимостью узнать общее и различное, учитывать универсальное и специфическое, уметь вести межкультурный диалог, предупредить межкультурное непонимание, культурный шок и возможные конфликты.

Одним из аспектов изучения материальной культуры является культурологический комментарий. Его элементы – это вербальный ряд (слова и выражения), образный ряд (фотографии, фильмы), звуковой, поведенческий и т. п. – всё необходимое для представления понятия. Совокупность понятийно однородных единиц, в которых находит отражение соответствующий фрагмент культуры и которые объединены общим содержанием, составляет культурологический комплекс, культурологическую парадигму или культурологическое поле. То, что становится непонятным для учащегося без добавочной информации – она часто является излишней для носителя языка – назовём культурологическим комментарием. Имеем в виду все те составные такого комментария, которые идут от духа языка, от явлений, связанных с ментальностью народа, обычаями и традициями, культурным опытом носителей данного языка, данной культуры.

Польский лингводидакт В. Возневич в программной для преподавателя РКИ статье *Культурологический компонент в теоретической*

² <http://www.ecourses.ru:9000/courses/18/Part4/lingvo/cadr9.html>

парадигме преподавания русского языка как иностранного определяет составляющие лингвометодической парадигмы овладения иностранным языком, а также место и роль лингвокультурологического компонента в этой парадигме³.

Именно через культурологическую парадигму раскрывается демонстрируемый фрагмент мира вместе с его этическим, эстетическим, интеллектуальным, нравственным и другими аспектами. Благодаря комплексно разработанной лингвокультурологической парадигме мы не только сможем провести всестороннюю её презентацию, но также способствуем комплексному изучению этой парадигмы нашими студентами. Для лингвокультурологии важна не только вербальная сторона (употребление слов и словосочетаний), для неё важны реалии, то есть как языковой, так и внеязыковой (культурный) уровень. Основной единицей описания в лингвокультурологии является лингвокультурема. Она соотносима с логоэпистемами, речеповеденческими тактиками или социокультурными стереотипами общения в работах В. Г. Костомарова, В. В. Воробьёва, Ю. Е. Прохорова.

Справедливо говорит Возьневич, что усвоение «русского языка равнозначно постепенному вхождению в мир русской культуры, познаванию арсеналов национальных и универсальных смыслов лингвокультурем»⁴. Структура лингвокультуремы более сложна, чем у языковых единиц: слово составляет часть лингвокультуремы, которая аккумулирует в себе языковое представление и внеязыковую среду (ситуацию, реалию).

Таким образом, лингвокультурема как единица культурного знания предполагает познание и постижение единства двух сторон – словесной (языковой) и реальной. Слово у человека, хорошо знающего язык, сопровождается «культурным гипертекстом», при его же отсутствии невозможно проникнуть в смысл любого проявления культурного феномена. Именно наличие «гиперссылок» ведёт изучающих язык в направлении от значения – к знанию (источником этого знания может стать звуковой или зрительный образ) и включению знака-предмета в сеть ассоциаций, свойственной той или иной культуре.

³ W. Woźniewicz: Культурологический компонент в теоретической парадигме преподавания русского языка как иностранного. «Przegląd Rusycystyczny» 2002. nr 4 (100), с. 128.

⁴ W. Woźniewicz, op. cit, с. 131.

Для преподавателя русского языка существенно важным становится применение результатов исследований лингвокультурологии в процессе отбора культурем, в процессе формирования лингвокультурологической компетенции. Эти единицы должны удовлетворять познавательные, интеллектуальные и общественные потребности и запросы изучающих русский язык с учётом возможных ситуаций и ролей. Исследователи отмечают, что зачастую иностранцам не хватает именно тех знаний о культуре, которые обеспечивают коммуникативно-результативное общение на русском языке.

Исходим из частотности необходимых для общения ситуаций и реалий. *«Достаточным признаком для того, чтобы говорить о лингвокультурной специфике обозначения мира, является способ конкретизации (экземплификации): какие конкретные явления или предметы приходят в голову носителям данной культуры в первую очередь и, повторяясь, фиксируются в языке? Ясно, что это будут те явления и предметы, с которыми люди чаще всего сталкиваются в повседневной жизни»*⁵.

Мы видим свою задачу в том, чтобы выявить то, как связаны язык и культура и показать эту взаимосвязь в процессе обучения, исходя из того, что лингвокультурологическая компетенция является важнейшим аспектом дидактической и образовательной деятельности.

Из ряда разработанных нами лингвокультурологических полей мы хотим представить вниманию наших уважаемых коллег только два. Предметом наших особых дидактических забот стали такие поля как *Пасха, Рождество, Жильё, Школа* и некоторые другие. Многие элементы именно этих полей нуждаются в развёрнутом культурологическом комментарии в польской аудитории. Благодаря разработанным мультимедийным презентациям мы создали свою знаковую систему, особую модель определённых фрагментов действительности, своего рода **сеть**, благодаря которой довольно обширный лингвокультурологический материал помещается в виде небольших файлов на любом компьютере, подключённом к сети Интернет.

Составными частями наших лингвокультурологических комплексов являются вербальные и невербальные средства. К первым относятся

⁵ см.: Г. М. Васильев: «...ты один мне поддержка и опора...» (размышления об актуальных задачах лингвокультурологии)
<http://learning-russian.gramota.ru/journals.html?m=mirrs&n=2002-02&id=332>

как отдельные слова, словосочетания, в том числе фразеологические единицы, так и различного типа тексты, в основном аутентичные. Ко вторым, невербальным средствам, относятся единицы зрительного ряда (фотографии, иллюстрации, схемы, карты), слухового (записи песен, интервью, радиопередач). Используются также мультимедийные источники (видеозаписи, виртуальные экскурсии).

Два года тому назад мы уже имели возможность демонстрировать выполненные в программе PowerPoint наши языковые презентации, применяемые нами в преподавании грамматики и орфографии. За эти годы мы убедились в их преимуществе перед традиционными способами подачи языкового материала при объяснении сложных языковых явлений⁶. Оказалось, что с помощью презентаций можно также эффективно и занимательно обучать лексике и страноведению. На слайдах имеются гиперссылки к сайтам Рунета, а это даёт возможности прямого (но вполне управляемого) выхода в неограниченное пространство русской культуры. Русскоязычный Интернет предоставляет, например, видео- и аудиозаписи, виртуальные экскурсии по городам, музеям и выставкам, даёт возможность посетить виртуальную библиотеку, «полистать» свежие газеты и журналы и многое другое.

Понятным критерием для отбора определённого культурного концепта (лингвокультурного поля, парадигмы) можно считать, например, понятия, выражаемые безэквивалентными лексическими единицами, т. е. такими словами, которые в процессе лингвокультурного комментирования требуют не только описательного толкования, но часто и наглядности. Примерами из наших презентаций могут послужить *заутреня*, *кулич*, *яйца Фаберже* (презентация *Пасха*), *коммуналка*, *хрущёвка*, *новоселье* (презентация *Дом*). Представляют несомненный интерес те концепты, которые отражают специфическую логику, свойственную носителям определённой лингвокультуры. У таких концептов может не быть однословного обозначения, они представляют собой своеобразные коды – ключи к пониманию ценностей этой культуры. Осмыслить условия жизни людей, стереотипы их поведения (традиции, связанные с Пасхой или условия жизни в коммунальной квартире) – это действительно

⁶ см.: И. Данецка, Б. Хлебда: Мультимедиа в процессе преподавания русского языка. *Rossica Olomucensia XXXX*, Olomuniec 2000, с. 437–441.

сложно для представителя иной культуры. Следовательно для наших лингвокультурологических презентаций нами выбираются те реалии, которые объективно присущи главным образом русской этнокультурной общности и требуют для хорошего понимания особого комментария, дополнительной информации о русской культуре.

Да, действительно XXI век – время переоценки ценностей. Глобализация экономики и революция в сфере информационных технологий заставляют переосмыслить образовательные постулаты. Устаревшую педагогическую технологию «объяснил – закрепил – проверил», в результате которой содержательный компонент в учебном процессе преобладает над технологическим, должна заменить деятельностная педагогика, которая предполагает включать в содержание учебных предметов формы, методы и технологии обучения, механизмы их оптимального подбора и применения⁷. И мы стараемся следовать этим новым тенденциям.

Применяемое нами комплексное обучение русскому языку переключается с теми приёмами глоттодидактики, которые определяются В. Возьневичем как «*поисково-проблемная методика овладения знаниями и умениями*»⁸.

Key words:

culturology, culturologic paradigm, culturologic field, culturologic hypertext, multimedia presentation, language presentation, culturologic presentation

Summary

“Components of the Culturological commentary in the process of teaching Russian language within group of Polish learners (multimedia aspect)”

The article is devoted to formation the cultural (transcultural) competence in the process of teaching and learning Russian language by Polish students. The authors analyze the possibilities of using multimedia such as PowerPoint

⁷ <http://gramota.ru/book/ritorika/index3.htm>

⁸ W. Woźniewicz, op. cit, c. 133

presentations. Their experience in this matter shows that presentations may be used not only in teaching grammar and spelling, but in the process of formation cultural competence as well. The process then appears to be faster and more effective. Each presentation contains 15–20 slides with links to websites of Russian Internet. Students may visit many libraries, theatres and museums in the cyberspace. Such an activity serves its purpose well, enabling direct contact with Russian culture.

ДИАЛОГ КУЛЬТУР НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ ОБУЧЕНИЯ РУССКОМУ ЯЗЫКУ

Елена Зеленицка, Словакия, Нитра

Межкультурному общению «диалогу культур» в последнее десятилетие посвящено немало исследований. Это понятно, потому что коммуниканты, неподготовленные к межкультурному общению уже как бы заранее «запрограммированы» на конфликт, плохое понимание и даже непонимание. То, что для одного партнера по коммуникации кажется значимым, для другого может не иметь никакого значения. И готовя русистов, как преподавателей и как переводчиков, мы не можем ориентироваться на одну лишь прагматику его будущей профессиональной деятельности, акцентируя лишь отдельные сферы общения.

Как известно, отдельные национальные языки отличаются друг от друга не только специфическими системам лексических свойств и грамматических правил, но и целым рядом мелких, но тем не менее коммуникативно важных различий в области речевого поведения носителей данного языка. Эти различия вытекают из факта, что каждая нация представляет собой известную лингвокультурную общность, которая сложилась в результате многовековой истории. Причем совокупность этих специфических черт данного этника отражается не только в речевом (вербальном), но и в неречевом (невербальном) поведении носителей данного языка.

Выпускник филологического факультета должен уметь владеть как вербальными, так и невербальными средствами общения, владеть всеми коммуникативными умениями, должен быть компетентен в сфере делового общения, уметь вести переговоры, выступать перед различной аудиторией, знать особенности русского языка, быть в курсе всех изменений, происходящих в сфере языковых норм, и т. д. Любое общение с иностранным собеседником, в нашем случае с русским, требует широких знаний лингвострановедческого характера, поэтому обучение общению не должно ограничиваться изучением только стандартных форм. От субъекта, овладевающего языком, требуется функциональное использова-

ние всех языковых элементов во всей полноте. Особое внимание следует обратить на национальную специфику, на лингвострановедческие и культурологические проблемы. Все расширяющиеся деловые и культурные межнациональные контакты требуют, как видим, хотя бы минимальных знаний о том, что принято, а что не принято в другой стране, какие из несловесных сигналов могут оказаться неверно воспринятыми т. д. Культурологические знания, к которым относится знание и речевого этикета, и национальных жестов, и характера коммуникативного поведения человека в различных ситуациях, связанных с особенностями общения того или иного народа и с другими национальными особенностями, – являются очень важными.

В последнее время, именно, в связи с деловым общением, возрос интерес к вопросам лингвострановедения, паралингвистики вообще и невербальным средствам коммуникации в частности. Язык как социальное воплощение человеческой деятельности стал рассматриваться с точки зрения его воздействия с другими функциональными компонентами общения.

В процессе общения вербальный язык является главной естественной формой выражения мысли человека. Изучение форм человеческого общения должно быть комплексным и разносторонним, т. е. в нем должно учитываться множество факторов, влияющих на коммуникацию, таких как тип ситуации, социальные роли говорящих, тип коммуникативного акта, структура вербального средства, невербальные средства и т. д. Однако, хотя язык (словесная речь) является первичным и самостоятельным средством реализации общения, нельзя пренебрегать невербальными средствами и их ролью в живом общении, в целях достижения оптимальной передачи информации и воздействия на собеседника. Устное непосредственное общение немислимо без невербальных контактов. Поскольку коммуниканты видят и слышат друг друга, одни невербальные знаки рассчитаны на зрение: жест, мимика, поза и др. – а другие на слух: интонация, тембр, темп и др. Немаловажное место в общении занимают именно жесты. Известно утверждение о том, что жесты выполняют коммуникативную функцию. Она проявляется прежде всего в их способности служить средством облегчения взаимопонимания при общении, поддерживания коммуникативного контакта и средством достижения оптимального воздействия на адресата. В широком его значении жест облегчает вербальное описание предметов и имеет вспо-

могательную функцию по отношению к речи. Жест может нам сказать о многом. Он может характеризовать адресата – производящего жест – со стороны национальных, территориальных, собственно социальных особенностей. Жест может указать и на то, молод человек или принадлежит к старшему поколению, живет он в городе или это деревенский житель. Таким образом, жесты, могут дать нам более или менее полную характеристику существенных черт говорящего.

Известно, что при общении мы следим не только за словами, но и за жестами и мимикой собеседника. Жесты иногда подскажут больше, чем слова, и часто выдают и скрытые мысли. Это очень важно для деловых людей, потому что во время переговоров они часто меняют свое поведение в зависимости от мимики, жестов собеседника. Им надо знать смысл отдельных жестов. Они помогут не только лучше понять собеседника, но и предвидеть его реакции на сказанное. Нельзя рассматривать жесты как полноценное, самостоятельно действующее явление в отрыве от словесной речи. Все сопровождающее речевой акт формы общения, включая прежде всего паралингвистические, являются факультативными. Языковое общение без этих форм вполне возможно (Ф. В. Колшанский, 1974). Но это не значит, что вербальные и невербальные компоненты коммуникации функционируют отдельно друг от друга. При изучении жестов, по нашему мнению, целесообразно говорить об отношении между вербальными и невербальными элементами не как об односторонней зависимости, но как о взаимодействии.

В процессе общения жест и речь опираются друг на друга, поддерживают друг друга и помогают друг другу. Многие жесты, принятые в русской и словацкой культурах, во многом совпадают. Вместе с тем в русской и словацкой культурах существуют и большие расхождения в форме и значении жестов. Как пример можем привести перечисление, которое у словаков выполняется из сжатого кулака, повернутого пальцами вверх, путем «раскрытия» начиная палец за пальцем с большого. Русские при перечислении, наоборот, загибают пальцы в кулак, начиная с мизинца. Расхождение находим и в тех случаях, когда приходится постучать в дверь. В Словакии постучавший ждет, пока не скажут «Войдите», и лишь после этого открывает дверь, а в России принято постучать и, не входя приоткрыть дверь и спросить: «Можно войти?» («Разрешите войти?»). В русской школе ученики, когда хотят ответить, ставят руку на парту, раскрывая ладонь, и спокойно ждут, когда их вызовут. В нашей

школе ученик поднимает целую руку как можно выше, показывая два пальца. Интересная ситуация для словака возникает в городском транспорте, когда посторонние люди передают талоны для компостирования или деньги шоферу с целью покупки билета. Неовладение этими, хоть бы на первый взгляд и банальными, невербальными средствами коммуникации может в некоторых случаях и выдать иностранца, прекрасно владеющего русским языком. Незнание иностранными учащимися русских невербальных компонентов коммуникации при общении с носителями языка затрудняет восприятие и понимание существенных сторон передаваемого-получаемого смысла.

В каждой языковой общности возникают и закрепляются определенные повседневные нормы поведения. Владение нормами поведения для иностранца, попавшего в иную культуру, – задача, сопоставимая с овладением вербальным языком.

Важным принципом культуроведческой работы в сфере поведенческих норм и правил является требование спокойного, рационального сопоставления культур.

В качестве примера можем привести некоторые наблюдения: русский обед, как правило, состоит из трех-четырех блюд и за обедом непременно едят хлеб; обед в словацкой среде состоит из двух блюд и может обойтись и без хлеба. Гостей в Словакии угощают чашкой кофе, или вином, каким-либо другим спиртным напитком, но без закуски, – что неприемлемо в русской культуре. При встречах, не обязательно близких или знакомых, в словацкой среде целуются обе щеки (всего два раза), а у русских принят троекратный поцелуй. Нормы и правила поведения в среде изучаемого языка должны стать таким же предметом преподавания, каким являются нормы и правила вербального языка.

Для профилактики ошибок в сфере поведенческих норм и правил необходимо, на наш взгляд, вести культуроведческую работу на занятиях по развитию речи. Прежде всего важно довести до сознания учащегося, что, говоря по-русски, он жестикулирует «по иностранному», поэтому во избежание недоразумений или отвлечения внимания собеседника, он должен исключить из общения с русскими невербальные средства своей национальной культуры.

Исследуя невербальные компоненты общения, нельзя обойти вопрос о том, являются ли они экономным средством для выражения волеизъявления адресата. Вопрос этот является дискуссионным. Некоторые

исследователи считают, что жесты имеют чисто сопровождающую роль и, следовательно, не могут служить средством снятия избыточности. Другие подходят к этому с другой позиции: под экономией они имеют ввиду экономию вербальных средств или, другими словами, экономию речевой энергии.

Мы считаем, что главная цель любого жеста не в достижении экономии коммуникативных средств, а главным образом, в реализации оптимального воздействия на собеседника и в удовлетворенной реакции адресата в ответ на побуждение.

Следовательно, если в процессе преподавания русского языка должна быть обеспечена способность незатрудненно участвовать в коммуникации, из преподавания не могут быть исключены невербальные способы передачи информации.

Обучение невербальным компонентам общения имеет большую практическую значимость для преподавания русского языка в иностранной, в нашем случае, в словацкой аудитории. Мы считаем целесообразным и необходимым включать невербальные средства в учебники русского языка для иностранных учащихся.

Использованная литература

- Верещагин, Е. М. – Костомаров, В. Г.: Язык и культура. Москва 1998.
- Воробьев, В. В.: О статусе лингвокультурологии. Русский язык, литература и культура на рубеже веков. Братислава 1999, с. 125–126.
- Gadušová, Z. – Malá, E.: Cross Cultural issues in Teaching foreign languages. In: VI. konferencia anglických, amerických a kanadských štúdií: Slezská univerzita, Ústav cizích jazyků. Opava 2000, str. 140–145.
- Колшанский, Г. В.: Паралингвистика. Москва 1974.
- Костомаров, В. Г. – Прохоров, Ю. Е. – Чернявская, Т. Н.: Язык и культура. Новое в теории и практике лингвострановедения. Москва 1994.

Key words:

dialogue, culture, study, verbal communication means, non-verbal communication means, communication

Summary

A wide variety of communication means participates in actualization of communicative process. The basic communicative means are verbal language means. They build, form and modify every language performance. But there exists also non-verbal communication, which is realized by the help of non-verbal communicative means and that is why we have to pay attention to preparation of future Russian translators in order to make their performance complex.

К ВОПРОСУ ОБ ОТРИЦАТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЯХ В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Мария Кагушева, Российская Федерация, Пермь

В русском языке, как известно, при отрицании происходят определенные трансформации структуры предложения, а именно: в бытийном, посессивном и локативном предложении именительный падеж подлежащего (соотносящегося в семантической структуре с субъектом состояния) заменяется родительным падежом; ср.: *В озере есть русалки - Русалок нет (русалок не существует); У меня есть лодка - У меня нет лодки; Иван был на озере - Ивана не было на озере.* Насколько нам известно, с подобными формальными изменениями до сих пор сколько-нибудь существенные семантические сдвиги не связывались. Так ли это? Действительно ли превращение конструкции с подлежащим (субъектом существования или принадлежности) в бесподлежащее предложение есть чисто формальный процесс, не затрагивающий смысла?

Замечено, что говорящие по-русски, имея выбор, часто предпочитают использовать косвенно-субъектные (косвенно-агентивные) конструкции; наиболее ярким проявлением этого выбора может считаться посессивная конструкция с глаголом быть (ср. английские конструкции *с to have*, немецкие *с haben*, польские *с mieć* или чешские *с mít*) (с. 120, В. А. Мишланов). Не исключено, что в «*быть-ориентации*» русского синтаксиса отражается особая ментальность, особый «взгляд» на мир. Если в нашем предположении есть рациональное зерно, можно ожидать, что в «*habeo-ориентированных*» языках, в частности, в западнославянских, реакция на отрицание в аналогичных по семантике структурах будет иной.

Сопоставим под этим углом зрения русский и чешский языки. Если в русском языке при отрицании в бытийном или локативном предложении, как было сказано, замена именительного падежа родительным неизбежна, то в чешском это не обязательно. Ср.: *Matka doma není - Мамы нет дома* (дословно: «Мать не есть дома»); *Matka nebyla doma - Матери дома не было* (дословно: «Мать не была дома»); *Aleša nebyl na fakultě - Алеши не было в университете; Nejsm doma - Меня нет дома* («Я не

есть дома»). Конечно, возможно, и *Matky nebylo doma*, но это скорее исключение из правил, для носителя чешского языка воспринимается как нечто книжное. Однако мы видим, что чешский язык допускает прямые конструкции в тех контекстах, где в русском языке возможны только косвенно-субъектные. Что касается неодушевленных агентов в чешском языке, то в будущем и прошедшем времени, так же возможна «пассивизация субъекта» в некоторых контекстах, ср.: Настоящее время – *Knihy nejsou*. (Дословно: «Книги не **есть**»). Прошедшее время – *Knih nebylo*. (Дословно: «Книг не было»). Будущее время – *Knih nebude*. (Дословно: «Книг не будет»). Возможно, это связано с грамматическими особенностями глагола быть в настоящем времени. В русском языке при сохранении быть в настоящем времени тоже было бы **Книги не суть* (а в слове *нет* нет уж и следа от быть, т. е. от *не есть*). Это и понятно, ведь русский и чешский язык, как и любые славянские языки, в процессе независимого развития, получили разные способы представления онтологического бытия, однако, кое-какие элементы этих двух языков остались между собой сходными. (с. 322, В. Ф. Васильева).

Считается, что в особой частотности косвенно-субъектных конструкций (безличных, неопределенно-личных, страдательных) отражается некий чуть ли не фатализм, иррационализм «русской души», однако в данном случае – в этой своеобразной объективации субъекта бытийного или локативного предложения – вполне можно найти рациональное зерно. Если вдуматься в смысл отрицательных бытийных (и генетически с ними связанных посессивных и локативных) предложений, то «объективация» субъекта отнюдь не должна выглядеть странной процедурой. Ведь речь идет в этих предложениях об отсутствии чего-то или кого-то, что не может быть, по логике вещей, результатом активности «субъекта несуществования». «Функция Именительного падежа имеет ещё функцию контроля со стороны субъекта над событием» (с. 149, Ким И. Е.), что, с точки зрения логики русского языка при отсутствии субъекта в конструкции является ненормальным. В чешском же языке такие предложения не противоречат логике, что, по-видимому, связано с расхождением языков на языки-*иметь* и на языки-*быть*. Таким образом, для русского языка странной оказывается «прямая» бытийная или локативная конструкция с отрицанием (русское *Иван не был в Москве* деривационно связанная с бытийным предложением, но имеет значение характеризующего вы-

сказывания: «Иван никогда не приезжал в Москву/не жил в Москве»). Кроме того, «пассивизация» агенса означает ещё и сысловое выделение предиката – «производитель действия находится в косвенной форме, когда внимание направлено на само действие» (с. 95, И. Юзвяк). Что так же является вполне логичным при отрицании субъекта. Ведь нам важен не сам субъект, а процесс его отрицания.

Три варианта констатации факта несуществования Иисуса в романе Булгакова «Мастер и Маргарита» на русском и чешском языке.

1. Берлиоз же хотел доказать поэту, что главное не в том, каков был Иисус, плох ли, хорош ли, а в том, что **Иисуса-то** этого, как личности **не существовало** на свете.

Варианты: *Иисус не жил. Иисуса не было (не существовало). Иисус не существовал.*

Berlioz se pokoušel básníkovi vštípít, že v podstatě není důležité, jaký Ježíš vlastně byl, jestli dobrý nebo zlý, ale že zde jde o to dokázat, že **Ježíš** jako osobnost vůbec **neexistoval** a všechno, co se o něm vypráví, že jsou pouhé výmysly, prachobyčejný nesmysl.

Перевод: Берлиоз попробовал поэту внушить, что по сущности не важно, какой Иисус в целом был, хороший ли, либо плохой, но, что здесь нужно то доказать, что Иисус как личность вообще не существовал, что это простые выдумки, обычная ерунда.

В русском варианте субъект «пассивизирован» – это подчеркивание того, что Иисуса не существовало. Данная конструкция подразумевает, что Иисус вообще не был активным деятелем. Ведь по-русски были и другие способы передачи данной информации: *Иисус не жил. Иисус не существовал.* Однако избран был именно данный способ, чтобы подчеркнуть, что Иисуса действительно не существовало, не было его. В чешском языке используется глагол *existovat* (существовать) с активным агенсом, хотя теоретически возможен и вариант с пассивным агенсом.

Понятно, что отрицание существования кого-то или чего-то в любом синтаксическом варианте – это логически одно и то же. Но язык выше логики, и, как это ни парадоксально, получается, что в чешском варианте Берлиоз предстает перед читателем как бы менее неверующим, так сказать, не таким воинствующим атеистом, как у Булгакова.

2. И христиане, не выдумав ничего нового, точно так же создали своего Иисуса, **которого** на самом деле **никогда не было в живых**.

Když křesťané nevymysleli nic nového, stejným způsobem vytvořili svého Ježíše, **který** ve skutečnosti nikdy **neexistoval**.

Когда христиане не выдумали ничего нового, таким же способом создали своего Иисуса, который в действительности никогда не существовал.

В русском языке подчеркивается отрицание существования не только косвенным падежом субъекта, а еще и эмотивным выражением «в живых». С выражением «в живых», действительно, представляет некоторую трудность употребление субъекта в прямом падеже: *Он никогда не был в живых*. Грамматические правила сказать такую фразу позволяют, но смысл фразы в этом случае выглядит примерно так: «мертворожденный человек», то есть тот, который был где-то (субъект-то активен!!!), но который не был в живых, а был, по-видимому, сразу среди мертвых. *Его никогда не было в живых, его никогда не было* – это уже более рационально с точки зрения языка.

3. Если я не ослышался, вы изволили сказать, что **Иисуса не было на свете?**

Pokud jsem se nepřeslechl, račil jste tvrdit, že **Ježíš neexistoval?**

Если я не ослышался, вы изволили утверждать, что Иисус не существовал?

Иисус на свете не был – фраза, с точки зрения носителя языка означающая, что Иисус был не на свете, а во тьме. Или даже в аду. Смотря что противопоставлять слову «свет». В чешском варианте опять субъект отсутствия активен. Возможно, это связано с тем, с каким глаголом употребляется слово Иисус. Может быть, употребление его с глаголом *být*, изменило бы чешскую фразу? Остается выяснить, скажет ли средний носитель чешского языка: *Ježíše nikdy na světě nebylo*.

Таким образом, русскому языку в большей степени, чем чешскому языку свойственна пассивизация субъекта при отрицании. Скорей всего это связано с выражением отношений принадлежности в языках, что в русском языке функционирует «*быть*»-конструкции, пассивизирующие субъект обладания чем-то. Поэтому и в отрицательной форме в русском языке значительно легче строить конструкции, в которых несуществу-

ющий субъект (агенса) пассивен, нежели в чешском языке – где агенс (по крайней мере, одушевленный) при отрицании остаётся активным. Такого рода трансформации отнюдь не универсальны, и мы полагаем, что с ними коррелируют определенные смысловые противопоставления, касающиеся так называемой языковой картины мира.

Библиография

- Васильева, В. Ф.: *Характерологическая типология как метод сопоставительного изучения языков (на материале русского и чешского языков)*. // Сопоставительная русистика. – М. 2001.
- Ким, И. Е.: *Русский этнограмматический тип*. // Отражение русской языковой картины мира в лексике и грамматике. Межвуз. сб. науч. тр. Новосибирск: НГПУ, 1999. с. 141–153.
- Мишланов, В. А.: *Семантика русских предложений с глаголом «быть»*. // Филологические заметки. Сб. ст. Пермск. ун-та, 2002. с. 117–128.
- Jóźwiak, Jolanta: *Cechy rosyjskich zdań jednoczłonowych w porównaniu z ich polskimi odpowiednikami (na przykładzie schematów strukturalnych $N_3 + [Mod] + V_{inf}$ i V_{3pl})* // Przegląd Ruscystyczny. Nr. 1(89) 2000. – s. 90–107.

Материалы:

- М. Булгаков. *Мастер и Маргарита*. – М.: Современник, 1984.
- М. Bulgakov. *Mistr a Markétka*. Praha, Edice Klasik, 2003.

Key words:

the Czech language, the Russian language, syntax, negative sentences, agens, inderect case of agens, indirect agens constructions, negation

Summary

Passivity of subject in negative sentences is more usefull in the Russian language, than in the Czech language. It is connected with expression of belong's relations in the languages. These way of negation is not only conneted with grammatic of the laguages, it is more correlated with mentality of the ethnoses.

ИСПОЛЬЗОВАНИЕ ЛИНГВОСТАТИСТИКИ В ОБУЧЕНИИ ЯЗЫКАМ

Виктория Кузина, Латвия, Рига

В связи с расширением международных связей с сфере экономики, политики и культуры, образования овладение двумя и даже несколькими языками для каждого человека стало объективной необходимостью. В политике иноязычного образования Латвии учитывается, с одной стороны, неизбежный процесс глобализации английского языка, его престижность, а, с другой стороны, исторически сложившиеся культурные связи с Германией, Россией, Францией (1, 4). В иерархии иностранных языков, изучаемых в школах Латвии, русский язык, как показывают статистические данные отдела Информации и анализа МОН, в большинстве общеобразовательных школ прочно занял нишу второго иностранного языка.

Практическое овладение иностранным языком ставит перед методистами задачу научно обоснованного, целенаправленного отбора лексического материала. Анализ учебных пособий показал, что нередко отбор лексических (грамматических и других единиц) для учебных целей происходит интуитивно и основывается на личный опыт методиста, учителя, автора учебного пособия. Изредка лексический материал преподносится в свободном плане, без строгой связи с программными требованиями. Авторы учебных пособий не проводят лингвостатистический анализ учебных текстов, также составители программ по иностранным языкам не пользуются компьютерной техникой, ибо в учебных программах нет никаких намёков относительно системности в преподавании лексики, работе над расширением словаря учащихся. Большую помощь в этом может оказать лингвостатистика, которая способствует решать вопросы по разработке учебных пособий и оптимизации методов обучения иностранным языкам. Лингвостатистические методы позволяют дать объективную оценку отбираемого учебного материала, определить наиболее употребительные слова, которые необходимы для разработки лексических минимумов, поскольку при преподавании любого ино-

странного языка важна информация об употреблении лексических (грамматических и других) единиц в разговорной речи, художественной литературе, публицистике и других функциональных стилях. Здесь уместно упомянуть один из принципов лингводидактики: чем чаще слово употребляется в лексической системе языка, тем более важным элементом оно является для педагогического процесса (должно использоваться в первую очередь). Наиболее употребительные слова имеют преимущество по сравнению с редко употребительными в том, что они запоминаются быстрее и осваиваются в короткое время, и ещё в том, что в словнике (например, в лексическом минимуме) их количество очень ограничено, между тем их повторяемость, их доля в тексте велика. Однако данное положение в теории и практике обучения языкам почти не соблюдается. Об этом свидетельствует лингвостатистический анализ учебных пособий (например, в Литве такая работа ведётся Ю. Корсаком, М. Стрейкутой и др., в Латвии – В. Кузиной). Разные по тематике учебные тексты состоят из переплетения высокочастотной и низкочастотной лексики, составляя для первой особый фон или стилистику текста. Как показывают статистические данные (2, 149), наибольшую долю словника (почти 70 %) любого учебного пособия составляет низкочастотная лексика (с индексами частот от 1 до 4), поэтому такие тексты требуют от учителя наибольшего лингводидактического внимания. Нужные, незнакомые или малоизвестные слова в текстах должны повторяться как минимум на уровне лингводидактической приемлемой зоны функционирования лексики (т. е. среднечастотной лексики с индексами частот от 5 до 9), чтобы учащиеся её успешно освоили. Высокочастотные единицы текста (с индексами частот от 10 до n) отличаются очень большой повторяемостью и относятся к общеупотребительной, активной лексике, а низкочастотные слова отличаются разнообразием и образуют пассивный лексикон. Высокочастотные слова учебных текстов имеют значительно большее количество значений, а низкочастотные слова не обладают разнообразием значений (3, 156; 4, 32). Результаты сопоставительного анализа высокочастотной лексики (повседневные реалии и связанные с ними словоупотребления, в том числе и лексические заимствования) и низкочастотной лексики (нетематические или эпизодические явления жизни) балто-славянских языков очень близки (5, 65–69).

Частотная структура текстов должна быть известна не только составителям учебных программ, учителям-словесникам, но и преподавателям

иных общеобразовательных дисциплин, ибо они также формируют активный и пассивный словарь учащихся (в особенности за счёт тематической терминологии).

Общеизвестно, что статистическую структуру текстов помогает выявить частотный словарь, поскольку он представляет собою модель распределения лексики по частоте и выявляет такую важную в лингвометодическом плане закономерность, как покрываемость текста определёнными зонами лексических единиц частотного словника. Эти статистические данные имеют большое значение для повышения эффективности методики обучения языкам. Принцип частоты слова в методике преподавания языков актуален и в настоящее время, однако реализовать этот принцип при наличии компьютерной техники стало намного легче. В качестве примера рассмотрим частотную структуру словника текстов учебника по географии (для 10–11 классов) (6, 125), которая показана в таблице 1.

Таблица 1:

Частотная структура словника текстов учебника по географии

Частотные группы	Кол-во слов в словнике	%	Кол-во словоупотр. в тексте	%
1–4	4117	71.2	6896	10.7
5–9	694	12.0	4557	7.0
10–100	863	14.93	23971	37.1
101–1000	106	1.83	24522	37.9
1001–n	2	0.04	4740	7.3
Всего	5782	100 %	64686	100 %

По данным таблицы видно, что здесь, как и в других словарях текстов преобладает статистически недостоверная, низкочастотная лексика (с индексами частот от 1 до 4), составляющая 71 % словаря. В 4 и 5 колонках, где дано количество словоупотреблений в текстах, наблюдается обратное явление: низкочастотные словоупотребления составляют меньшую часть текста (свыше 10 %). Низкочастотные слова – это признак пассивного словаря, объём и состав которого должен быть известен учителю. Лингводидактически приемлемая лексика (с индексами частот от 5 до 9) занимает 12 % словаря и 7 % текста. Большинство слов данной группы может быть отнесено к активному словарю. Группы слов с индексами частот 10–100, 101–1000, 1001–n, как правило, относятся к активному словарю и обладают большой повторяемостью в текстах. Таким образом, этот лингвостатистический анализ учебных текстов по частоте функционирования слов позволяет весьма точно и целенаправленно корректировать словарную работу.

Компьютерная дифференциация лексики изучаемых текстов по частоте словоупотреблений дает конкретные перечни слов, на основании которых можно определить лингводидактическую ценность каждого слова. Данные такого отбора лексики необходимы для составления частотных словарей-минимумов. Как показывают авторитетные исследования в области лингвостатистики (7, с. 140–151), оптимальный объём лексического минимума составляет 1000 наиболее употребительных слов, покрывающих 70 % текстовых словоупотреблений. Несмотря на то, что количество часто употребительных слов в лексических минимумах по сравнению с переводными или толковыми словарями незначительно, им присуща значительная текстообразующая способность, обеспечивая большую покрываемость текста. Это можно продемонстрировать на примере Частотного словаря латышского языка (в 4-х томах), в котором отображена лексика текстов различных типов. Полученные данные о текстообразующей способности (покрываемости текста) наиболее употребительных слов (8, 23) обобщены в таблице 2.

Таблица 2:

Текстообразующая способность слов в текстах различных типов

Кол-во слов с начала част. словаря	Покрываемость текста %			
	Публ. тексты II том	Тексты худ. лит. III том	Научно-техн. тексты I том	Научн. тексты IV том
10	14	17	14	15
50	28	36	27	28
100	35	45	34	36
1000	66	73	70	70
2000	77	81	80	80

В таблице 2 видно, какую часть текста покрывают первые 10, 50, 100 и т. д. слова частотного словаря этого словаря. При сравнении этих статистических данных, полученных на материале латышского языка, с аналогичными исследованиями других языков (9, 23-24; 137), оказывается, что существенных различий по отношению статистических данных не наблюдается. У слов разных языков имеется относительно одинаковая текстообразующая способность, поэтому можно сделать вывод - 1000-2000 наиболее употребительные слова покрывают 70-80 % текста. Знание не менее 70 % словоупотреблений позволяет удовлетворительно понять смысл текста на иностранном языке. Следовательно, на начальном этапе изучения иностранных языков достаточны словари, в которых даются около 1000 наиболее употребительных слов.

В нашей стране и за рубежом на основе частотных словарей уже созданы для учебных целей двуязычные (10) и многоязычные (11) лексические минимумы, в которых включены великочастотные слова, образующие основной словарный фонд, или базовый список слов, а также среднечастотные слова, учитывая лингводидактическую ценность (частотность)

слова, высокую словообразовательную способность слова, способность слова входить в разные словосочетания, семантическую ценность, стилистическую немаркированность.

Все результаты лингвостатистического анализа учебных и других текстов по частоте функционирования слов, а также лексические минимумы, разработанные на основе частоты слов, тематики и других критериев, позволяют учителям целенаправленно вести словарную работу, они могут быть как ориентиры при формировании активного словаря учащихся. Этими статистическими данными могут воспользоваться составители учебников, учителя-методисты, а также другие исследователи лексики разных языков. Следовательно, анализ текстов и созданных на их основании словников методами лингвостатистики является весомым аргументом в пользу того, чтобы труды по учебной лексикографии заняли достойное место в лингводидактическом процессе.

Использованная литература

1. *Svešvalodas. Pamatizglītības standarts*. Projekts. Rīga, 2001, с. 4.
2. См., напр.: Лауринене, И.: *Лингвостатистический анализ учебника английского языка для 12 кл. школ Литвы*. In: Skolotājs 21. gadsimtā. Konf. materiāli. Rīga, 2001, 149. lpp.
3. Стрейкуте, М.: *Учёт функционирования частоты тематических слов - терминов и понятий в дидактике*. Konf. materiāli. Rīga, 2001, 156. lpp.
4. Кузина, В.: *Особенности лексики и семантики научных подъязыков*. Рига, 1991, с. 32.
5. Korsakas, J.: *Definiciju leksika*. Šiauliai, 1998, 65-69.
6. Корсакас, Ю.: *Учитель будущего века и его словарь*. In: Skolotājs 21. gadsimtā. Konf. materiāli. Rīga, 2001, 125. lpp.
7. См., напр.: Алексеев, П. М.: *Серийные учебные частотные словари*. In: Структурная и прикладная лингвистика. Вып. 5. С. - Петербург, 1998, с. 140-151.
8. Kuzina, V.: *Zinātnes valodas leksiskais minimums: 1000 biežāk lietotie latviešu valodas vārdi*. In: LZA Vēstis. A., 1993, Nr. 8, 23. lpp.
9. См., напр.: Кондратов, А. М.: *Звуки и знаки*. М., 78, с. 23-24.; Kuzina, V., Drizule, V.: *Par jaunu darbu statistiskajā leksikogrāfijā*. In: LZA Vēstis, A daļa, 1991, Nr. 7, 137. lpp.
10. См., напр.: Алексеев, П. М., Турыгина, Л. А.: *Частотный англо-русский словарь-минимум газетной лексики*. М., 1984.
11. См., напр.: *Лексический минимум по русскому языку как иностранному*. Москва - Санкт-Петербург, 2000; Kuzina, V.: *3000 biežāk lietotie sarunvalodas vārdi ar tulkojumu krievu, vācu un angļu valodā*. Rīga, 1998.

Key words:

linguostatistic methods; Linguodidactic; The statistic structure; Frequency of words; The majority of the words; The lexical minimum

Summary

Learning or teaching any foreign language, it is important to know, which words in conversational languages, in fiction, in publicism etc. are used more or less often. It should be recognized, that often for the purpose of learning, selection of lexical units or grammatical and other ones as well, takes place intuitively, regardnig the teachers', methodologists' or the authors' of the teaching aids personal experience. Linguostatistic methods help to adjust process of linguodidactics.

РОЛЬ ПАМЯТИ В ПРОЦЕССЕ ПОРОЖДЕНИЯ МЕМУАРНОГО ТЕКСТА

Татьяна Милевская, Россия, Санкт-Петербург

Вспоминать – идти одному
обратно по руслу высохшей
реки!

О. Мандельштам

Говоря о мемуарах, невозможно не говорить о памяти, так как именно способность сохранить и воспроизвести событие прошлого в настоящем делает возможным существование произведений этого жанра.

Психологи выделяют несколько видов памяти (см., например, Блонский, Рубинштейн): моторную (память – привычку), аффективную (память чувств), образную (память – воображение) и логическую (память – рассказ). Говоря о человеческих способностях, они опираются, прежде всего, на два последних типа, т. к. *«образная память связана с идеей времени и прошлой жизнью человека, логическая имеет отношение к запоминанию мыслей и их последующему воспроизведению»* (Дмитровская: 78). Но недаром Эмма Гернштейн говорила, что *«писать мемуары не всякий может <...> у мемуариста должна быть специальная память. Настоящий автор воспоминаний может десятилетиями где-то в глубине сознания хранить интонацию или жесты того или другого персонажа, возрождающие содержание важных эпизодов индивидуальной или общественной жизни»* (Гернштейн: 18–19), поэтому мы никак не можем исключить аффективную память, ибо *«память нечто очень личное, субъективное. Она питается зрением и слухом того, кто видит и слышит не только слово, произнесенное другим, но и звучание этого слова»*. (Шаховская: 5) Именно чувства, или вернее, воздействия на органы чувств рождают воспоминания, которые рождают другие и в конце концов рождают желание или чувство необходимости писать мемуары: *«Милая моя кормилица! Уже взрослой девушкой я любила выслушивать ее постоянно повторяющиеся рассказы. <...> И я чувствую* (Выделено нами – Т. М.), *что мое детство и детство моих старших меня братьев и сестры лелеялось заботами, – предо мной встает*

образ (Выделено нами – Т. М.) *беззаветно любимого мной папы, этого сильного человека с нежной душой и великодушным сердцем.*» (Харузина: 20); *«У меня в памяти осталось яркое пятно»* (Мелетинский: 431).

Воспоминания вообще *«сводятся к впечатлениям, а не к фабульно связанным биографическим фактам»* (Бенчич: 164) а впечатления, как известно, сохраняются дольше и извлекаются из памяти именно в тот момент, когда в мозг приходит сигнал от органов чувств. Это может быть слово, музыка или даже просто вид, звук или запах.

Мысль об особенностях памяти мемуариста находит свое подтверждение в работах психологов, которые, во-первых, рассматривают память не как врожденную, а как приобретенную в процессе развития человека способность, а во-вторых, считают ее *«усложненной производной формой речи»*, актом речи, для построения которого требуется развитое сознание. (Жане: 92)

Важным для осознания особенностей памяти мемуариста являются также размышления философов и психологов о самом механизме воспоминания как психологического и философского феномена. Так, по А. Бергсону, *«воспоминания не может родиться, если оно не создается постепенно самим восприятием»*. (Цит. по Делез: 137).

То есть в настоящем происходит восприятие, становящееся образом, далее оно превращается в воспоминание, *«чистое воспоминание»*, по А. Бергсону, находящееся в виртуальном состоянии. А уже затем оно становится образом-воспоминанием, *«тем, что может быть 'воспроизведено в памяти'.* Они (чистые воспоминания – Т. М.) *актуализируются и воплощаются. <...> При этом мы идем не от настоящего к прошлому, не от восприятия к воспоминанию, а от прошлого к настоящему, от воспоминания к восприятию.»* (Делез: 141)

Таким образом, к особенностям памяти мемуариста мы отнесем способность образного восприятия и образного воспроизведения воспринятого. Может быть это имел ввиду В. Набоков, говоря: *«...сдается мне, что в этом смысле раннего набирания мира русские дети моего поколения и круга одарены были восприимчивостью поистине гениальной, точно судьба в предвидении катастрофы, которой предстояло убрать сразу и навсегда прелестную декорацию, честно пыталась возместить будущую потерю, наделяя их души тем, что по годам им еще не причиталось.»* (Набоков: 29)

Но при этом нужно осознавать, что воспоминание актуализируется в другое время, в другом настоящем, приобретая его черты и оценива-

ясь с его позиций. Оно начинает принадлежать другому «Я», по-иному окрашивается, так как *«призма памяти проявляет себя также в том, что корректируется эмоциональная окраска того, что отошло в прошлое. <...> Поэтому если яркость восприятия радости и печали одинакова, это свидетельствует о том, что началась работа памяти.»* (Сливинская: 98–99)

Весьма ценным для понимания специфики памяти мемуариста является также рассмотрение взаимоотношения настоящего и прошлого. Почти все, кто так или иначе задумывался над этой проблемой, (см. например, Св. Августин, о. П. Флоренский, Рикер и т. п.) акцентируют внимание на мгновенности настоящего и постоянности прошлого. С этой точки зрения интересно анализируемое Ж. Делезом утверждение А. Бергсона: *«настоящего нет <...>. Его не существует, но оно действие. Присущая ему стихи - не бытие, а действительность и полезность. Прошлое, с другой стороны, прекратило действовать или быть полезным. Но оно не перестало быть. <...> В конечном счете здесь пересматриваются изначальные определения: о настоящем каждое мгновение мы должны говорить, что оно 'было', а о прошлом, что оно «есть», что оно вечно, дано на все времена.»* (Делез: 133)

Это внутреннее осознание вечности прошлого и порождает взволнованный интерес к нему, желание проникнуть за завесу времени, *«сохранить и накопить прошлое в настоящем»* (Бергсон: 177) которые роднят всех, кто берется за создание мемуаров.

Вторжение человека в реально и вечно существующее прошлое приносит субъективность в его оценку, рождая единство противоположностей «воспоминаний» и «памяти». Так, Ф. А. Степун считал, что *«в противоположность туманно-трепетным воспоминаниям светлая память чтит и любит в прошлом не то, что в нем было и умерло, а лишь бессмертное вечное <...> В противоположность воспоминаниям память со временем не спорит, она не тоскует о его безвозвратно ушедшем счастье, т. к. она несет его непреходящую правду в себе. Воспоминания - это романтика. Память же, анамнезиз Платона и вечная память панихиды, - это, говоря философским языком, онтология, а религиозно-церковным - литургия.»* (Степун: 6)

На наш взгляд, здесь это противопоставление возможно как результат полисемии слова «воспоминания», которое здесь используется в значении «мемуары», т. е. письменные произведения о прошлом. Кроме того, Ф. Степун говорит о специфической ситуации - эмиграции. Мемуары

эмигрантов проникнуты мотивами «утраченного рая», что и придает им «романтику и туманную трепетность». Но идея вечности Памяти – это идея философа, которая пронизывает все исследования, посвященные этому феномену.

Взаимодействие и взаимозависимость памяти и времени прекрасно отражено в дефиниции о. Павла Флоренского, определившего память как *«деятельность мыслительного усвоения, т. е. творческое воссоздание из представлений, – того, что открывается мистическим опытом в Вечности, или, иначе говоря, создание во Времени символов Вечности. <...> прошедший момент Времени должен быть дан не только как прошедший, но и сейчас, как настоящий, т. е. все Время дано мне, как некое 'сейчас', почему сам я, смотрящий на все время, зараз мне данное, – сам я стою над временем»*. (Флоренский: 201–202) В этом определении обозначены два принципиально важных для постижения особенностей памяти мемуариста момента: положение автора *«над временем»* и *«творческое воссоздание из представлений»*. Это утверждение коррелирует с мыслью И. Бунина, сказавшего, что *«Пока человек не вышел из чего-нибудь, не возвысился над ним, – не он владеет им, а оно им»*. (Цит. по Сливинская: 97)

Важной способностью именно мемуариста, возможно, его особенной способностью к особому виду творчеству, является умение актуализировать моменты прошлого, обычное состояние которого *«представляет собой неопределенное чувство всей массы забытого»* (Блонский: 285), т. е. *«латентная память, криптомнезия, или подсознательное, которая постоянно сопровождает все факты нашего сознания»* (Там же), существует у всех, а реализовать ее в воспоминаниях могут лишь избранные.

Использованная литература

- Блонский, П. П.: *Основные предположения генетической теории памяти*. In: Хрестоматия по общей психологии. М., 1979.
- Рубинштейн, С. Л.: *Основы общей психологии*, 2-изд. М., 1946.
- Дмитровская, М. А.: *Философия памяти*. In: Логический анализ языка. М., 1991.
- Гернштейн, Э.: *О мемуарах и шире*. In: Вопросы литературы, N 1, 1999, с. 18–19.
- Шаховская, З.: *Отражения*. Париж, 1975.
- Харузина, В. Н.: *Прошлое. Воспоминания детских и отроческих лет*. М., НЛЮ, 1999.
- Мелетинский, Е. М.: *Избранные статьи. Воспоминания*. М., 1998.
- Бенчич, Ж.: *Роль автобиографической памяти*. In: Автоинтерпретация. СПб, СПбГУ, 1998, с. 155–167.

- Жане, П.: *Эволюция памяти и понятие времени*. In: Хрестоматия по общей психологии. М., 1979.
- Делез, Ж.: *Критическая философия Канта: Учение о способностях. Бергсонизм, Спиноза*, М., 2000.
- Набоков, В. В.: *Другие берега*, Л., 1991.
- Сливинская, О. В.: *Сюжетное и описательное в новеллистике И. А. Бунина*. In: Русская литература, 1999, N 1, с. 89-101.
- Св. Августин: *Творения Блаженного Августина, Епископа Иппонийского*, Киев, 1901.
- Флоренский, П. А.: *Столы и утверждение истины*. Т.1. М., 1990.
- Рикер, П.: *Время и рассказ. Т.1. Интрига и исторический рассказ*. М., СПб, 1998.
- Бергсон, А.: *Материя и память*. СПб, 1914.
- Степун, Ф. Я.: *Бывшее и несбывшееся*. М., 1996.
- Блонский, П. П.: *Память и мышление*. СПб., 2001.

Key words:

memory, reminiscences, memoirs, time, times, the present, the past

Summary

The article considers memory as a philosophical and psychological phenomenon, and analyses its role in the process of creating a “memorial text” and examines the relationship between past and present, and describes memoirs as a literary form which preserves in the present time the immortal past.

РАЗВИВАЮЩЕЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ПОЛИКУЛЬТУРНОГО ДИАЛОГА В МНОГОНАЦИОНАЛЬНОМ ДЕТСКОМ САДУ

Ольга Михайленко, Россия, Сочи

Социокультурные изменения и процессы европейской интеграции на рубеже XX и XXI веков обусловили становление новой парадигмы образования, в основе которой отказ от авторитарного педагогического мышления.

Рассматривая образование как фундаментальное средство культуры и развития индивида, современная педагогика ставит задачу формирования самостоятельной, творчески активной личности, готовой к продуктивному участию в разнообразных областях жизни поликультурного общества. Формирование таких качеств важно осуществлять уже в дошкольном детстве, когда закладываются стереотипы поведения, основные механизмы мышления, вырабатывается система ценностных отношений к себе и окружающим. Пути решения данной задачи лежат в плоскости совершенствования педагогического процесса и рассматриваются в контексте проблемы оптимизации взаимодействия его участников.

Развивающее взаимодействие воспитателя с детьми старшего дошкольного возраста представляет собой сложную целефункциональную и регулируемую систему, сущностными характеристиками которого являются: отношение к ребенку как субъекту деятельности и общения; диалогический стиль общения воспитателя с детьми; построение совместной деятельности участников взаимодействия на принципах партнерства и сотрудничества; направленность педагогического взаимодействия на формирование субъектной позиции в деятельности и общении посредством развития общих способностей дошкольников.

Доминанта развивающего взаимодействия – отношение к дошкольнику как субъекту деятельности и общения. При этом субъект рассматривается как *центр координации всех психических процессов, состояний, свойств, способностей, возможностей (ограничений) личности соотносительно с объективными и субъективными (цели, интересы, задачи)*

условиями деятельности, общения (В. Н. Дружинин). Активность, уникальность и свобода личности являются универсальными характеристиками субъекта, востребованными современным обществом.

Субъектная позиция ребенка-дошкольника специфична в силу особенностей и возможностей возраста и представляет собой способность адекватно действовать в соответствии с целями и задачами деятельности в различных условиях, проявляя самостоятельность и творческую активность.

Анализируя развивающее взаимодействие воспитателя с детьми старшего дошкольного возраста, мы считаем, что оно невозможно вне диалога его субъектов.

Диалог предполагает уникальность партнеров и их принципиальное равенство друг другу, различие и оригинальность точек зрения, ориентацию каждого на понимание и активную интерпретацию его точки зрения партнером, ожидание ответа и его предвосхищение в собственном высказывании, взаимную дополнительность участников взаимодействия. Соотнесение позиций является целью диалога. Смысл диалога культур и диалога людей в преодолении единой для всех логики, единственно заданных содержания, средств и форм взаимодействия.

Диалог является уникальным средством воспитания, образования и развития индивида, поскольку позволяет актуализировать творческий потенциал личностей, в нем участвующих, обогатить их за счет приобщения друг другу, ввести ребенка в мир человеческой культуры, создает возможность расширения сознания субъекта, формирует понимание иной культуры.

Поликультурный диалог, в который включены воспитатель и дошкольники, принадлежащие к различным национально-культурным традициям, оптимизирует личностное развитие ребенка: знакомит его с разнообразием человеческого опыта, закрепленного в различных культурах; пополняет арсенал средств и способов взаимодействия с окружающим миром; обогащает субъектный опыт, тем самым, способствуя формированию толерантности и открытости, готовности к активному и продуктивному взаимодействию в любом социокультурном контексте.

Диалог позволяет максимально активизировать ребенка, придать его активности определенную направленность, а, следовательно, решать поставленные педагогические задачи. Формирование поликультурного диалога воспитателя с детьми старшего дошкольного возраста, в свою

очередь, является важной задачей многонационального детского сада, решение которой возможно посредством педагогического проектирования.

Сущностный анализ развивающего взаимодействия воспитателя с детьми старшего дошкольного возраста позволяет представить его как педагогически целесообразно организованный процесс формирования общих способностей детей, осуществляемый в субъект-субъектом диалоговом режиме на основе принципов сотрудничества и взаимопонимания в специально сконструированной предметно-развивающей среде и разработать модель педагогического сопровождения процесса формирования развивающего взаимодействия в дошкольном учреждении.

Содержание и специфику данной модели характеризуют четыре компонента. Первый – целевой – как основополагающий задает культурно-образовательное пространство взаимодействия, определяет его инструментально-технологическую проработку и систему педагогического управления.

Второй – инфраструктурный – определяет возможности использования культурно-образовательной среды, раскрывает условия для межсубъектного диалогического взаимодействия, развития способностей ребенка путем активного присвоения культурно-исторического опыта, освоения различных видов детской деятельности (игровой, познавательной, конструктивной и др.), становления субъектной позиции в деятельности и общении, развития самостоятельности, активности и инициативности дошкольника. Инфраструктурный компонент включает в себя характеристики образа жизнедеятельности группы и динамики предметно-развивающей среды.

Третий компонент – инструментально-технологический – предполагает инструментарий по организации, стимулированию и корректировке процесса развивающего взаимодействия (способы включения детей во взаимодействие с воспитателем, методы и приемы построения развивающего взаимодействия, формы его организации, педагогические технологии развивающего взаимодействия) и систему психолого-педагогического мониторинга развития детей и процесса формирования развивающего взаимодействия.

Четвертый – организационный – компонент модели ориентирован на обеспечение целенаправленного и планомерного формирования процесса развивающего взаимодействия воспитателя с детьми стар-

шего дошкольного возраста. Данный компонент неразрывно связан с целе-функциональным, инфраструктурным, инструментально-технологическим компонентами и отражает динамику функциональных ролей участников взаимодействия, координацию и кооперацию педагогов, организационно-педагогические условия управления процессом формирования развивающего взаимодействия.

Таким образом, развивающее взаимодействие воспитателя с детьми старшего дошкольного возраста является основой поликультурного диалога в многонациональном детском саду. Диалоговый режим субъект-субъектного взаимодействия, расширяющий субъектный опыт дошкольников за счет присвоения ими общественно-исторического опыта как культурного богатства представителей различных наций и народностей, и соответственно совокупной культуры человечества, требует специальной организации педагогического процесса.

Использованная литература

1. Батищев, Г. С.: *Социальные связи человека в культуре* // Культура, человек и картина мира. - М., 1987.
2. Безрукова, В. С. *Педагогика. Проективная педагогика*. - Екатеринбург, 1996.
3. Гинецинский, В. И. *Проблема структурирования мирового образовательного пространства* // Педагогика. - 1997. - № 3. - С. 10-15.
4. Горшкова, В. В. *Проблема субъекта в педагогике*. - Л., 1991.
5. Дружинин, В. Н. *Психология общих способностей*. - С-Пб., 1999.
6. Заир-Бек, Е. С. *Педагогическое проектирование в системе образования*. - С-Пб., 1994.
7. Маралов, В. Г. *Психология педагогического взаимодействия воспитателя с детьми*. - М., 1992.
8. Петровский, В. А. *Психология воспитания*. - М., 1995.

Key words:

dialogue, person, interaction, kinder-garten, culture, polycultural dialogue, pedagogical projecting, model

Summary

The developing interaction between an educator and the children of upper under-school age is the basis of polycultural dialogue in the multinational kindergarten. The dialogical position of the person-to person interaction gives us the opportunity to enlarge the personal scope of a child under-school age by means of giving access to the culture of different nations and nationalities. The polycultural dialogue is actual especially for the modern system of education, because it satisfies the sociocultural changes and processes in the European integration. Forming of the dialogue requires the pedagogical projecting. As for the model of the dialogue, it includes the four components: the component of purpose, infrastructural, instrumental-technological and organizing.

ОБУЧЕНИЕ РУССКОМУ СЛОВЕСНОМУ УДАРЕНИЮ В НЕРУССКОЙ АУДИТОРИИ

Галина Морозова, Чешская Республика, Брно

Вопрос о словесном ударении является одним из самых сложных вопросов в обучении нерусских русскому языку. Знание места ударения в русских словах является необходимым условием разговорной речи. На продвинутой стадии обучения русскому ударению необходимо исходить из содержания и особенностей всей сложной системы русского ударения с учетом особенностей ударения родного языка, так как они очень сказываются на произношении нерусских. Поэтому правильная постановка обучения русскому ударению невозможна без анализа акцентной системы родного языка, которую необходимо сопоставить с русской системой ударения, выявив их различия и сходства.

Привычка улавливать ударение на слух, выделять ударный слог приобретает нерусскими медленно или вообще не приобретает, если не уделять этому серьезного внимания. Успешному усвоению русского ударения способствует последовательное и систематическое применение акцентных норм. В связи с этим возникает необходимость создать при развитии навыков говорения систему упражнений, в которых сочеталась бы отработка отдельных акцентных закономерностей с усвоением ударения слов, которые изучаются в процессе развития речи.

Отдельные трудности обусловлены специфическими национальными особенностями. Так, у чешских студентов, язык которых обладает фиксированным ударением, наблюдается лексико-акцентологическая интерференция по месту ударения. Они склонны произносить русские слова по образцу чешских (с ударением на первом слоге), поэтому делают ошибки типа: *Она, вода, с людьми* и т. д.

Для нерусских студентов полезно использовать словники различий по месту ударения в лексически идентичных единицах. Необходима также отработка ударения в словах «интернациональной» лексики типа: *транспорт, космос, фундамент*.

Из анализа русской акцентной системы следует, что основной особенностью русского ударения является его непосредственная связь с морфологической и словообразовательной системой языка. Для усвоения норм русского ударения нет необходимости заучивать каждый отдельно взятый словообразовательный тип и присущее ему ударение.

Для учащихся, изучающих русский язык как иностранный, нужны разнообразные акцентологические упражнения. Сложность для нерусских заключается в подвижности русского ударения, являющегося показателем грамматических словоформ: *доскА* - *дОску*, *городА* - *гОрода*, *люблЮ* - *лЮбит* и т. д. Целесообразно выделить в качестве учебного материала наиболее продуктивные модели словообразования и словоизменения по частям речи в двух основных направлениях:

- а) слова с фиксированным ударением (на флексии, суффиксе, слоге, предшествующем суффиксу);
- б) сдвиги ударения (с основы на флексию и с флексии на основу).

Необходима отработка лишь основных случаев, без излишней теоретизации.

В существительных мужского рода обращается внимание на случаи с постоянным ударением. Задания могут быть такими:

- а) образовать существительные множественного числа с ударными окончаниями *-а (-я)* по образцу: *дОктор* - *докторА*, *бЕрег* - *берегА*.
- б) запомните слова с ударным окончанием в предложном падеже (*на полУ*, *в КрымУ*, *на берегУ* и т. д.), слова в скобках поставьте в нужной форме, вставьте предлоги: *Дети играют (луг)*. *Заболело (бок)*. *Мы сидели (второй ряд)* и т. д.

Постоянное ударение в существительных женского рода во всех падежных формах имеют суффиксальные образования, обозначающие абстрактные понятия.

С ударением на суффиксах (*-овк*, *-ёвк*, *-ур*, *-ель*): *путёвкА*, *литератУра*, *метЕль*.

С ударением на окончаниях: *красотА*, *беготнЯ*, *белизнА*, *стрельбА*.

Сдвиги ударения наиболее типичны в следующих случаях:

- а) с окончания -а (-я) на основу в В. п. (*гора* - *гОру*);
- б) с окончания -а (-я) на основу при образовании множественного числа (*стена* - *стЕны*).

Упражнения могут быть такими:

- А) слова в скобках поставьте в нужной форме. *Отойди в (сторона). Дай (рука). Сотри с (доска).*
- Б) запомните ударение в существительных мн. числа, составьте с ними предложения (*Зелёные тРавы. Родные сЁстры. Спортивные Игры* и т. д.)

В ряде двусложных слов среднего рода происходит сдвиг ударения при образовании форм множественного числа. Могут быть предложены следующие упражнения:

- а) образуйте множественное число от следующих существительных: *окно, лицо, вино, число* и т. д.
- б) образуйте отглагольные существительные от следующих глаголов при помощи суффиксов *-ение, ание*. *Поздравлять, страдать, направляться, объединяться*.

Подобного рода упражнения могут проводиться и на примере других частей речи.

Не менее важны акцентологические упражнения, направленные на развитие у учащихся навыков устной речи. При работе над словосочетаниями и предложениями уделяется внимание не только постановке ударения в заданных словах, но и умению учащихся расчленять предложение на синтагмы, расставлять фразовое ударение, соблюдать правила интонации. Задания могут быть такими:

1. Дайте отрицательные ответы на вопросы, например: *У Вас есть билет?*
Нет, у меня нет билета.
2. На вопрос о наличии первого предмета отвечайте положительно, наличие второго предмета отрицайте, например: *Книга и тетрадь у Вас есть?* - *Книга есть, а тетради нет.*
3. Прореагируйте на услышанное по образцу: *Коля в буфете?* - *А когда он вернется из буфета?*

4. Из услышанного сделайте вывод о будущей профессии упомянутого в разговоре лица. Например: *Мой сын учится на факультете журналистики. – Значит он будет журналистом.*
5. Преобразуйте действительные обороты в страдательные.
Образец: – *Журналист написал очерк. Очерк написан журналистом. Студент выполнил домашнее задание.*
6. Услышанную конструкцию замените синонимичной.
Образец: *Моя сестра была переводчица. – Моя сестра работала переводчицей. Моя мать была врач.*
Образец: *гора – эту гору, эти горы. Стена, сторона, рука и др.*

Задания могут быть и другого характера, например, расставить ударения в пословицах и поговорках, выучить их наизусть, употребить в определенной ситуации, заменить синонимичным выражением. Такого рода задания обогащают словарный запас учащихся.

Ударение в сложных словах и аббревиатурах представляет определенные трудности для студентов в связи с тем, что в большинстве сложных слов, многосложных по составу употребляется одно ударение, и оно падает на последний слог (или предпоследний). У иностранных студентов наблюдается тенденция к употреблению двух ударений. Предлагаются такие упражнения:

- а) произнесите слова и следите за ударением и редукцией гласных: *ежегОдник, двухтОмный, многомЕстный, многолЕтний* и т. д.
- б) составьте аббревиатуры из следующих слов: *стенная газета, универсальный магазин, главный врач, сок выжимает* и т. д.

На занятиях по русскому языку учащиеся должны слушать поэтические произведения. Их рифма фиксирует особенности произношения и ударения. Стихотворения являются прекрасным материалом для выработки самоконтроля при усвоении ударения.

На рубеже XIX–XX вв. окончательные акценты (*варЯт, грузЯт, дружАт*) и т. п.) считались нормативными, а их конкуренты отвергались. Автор «Опыта словаря неправильностей» (1909) В. Долопчёв категорически запрещал ударение *дрУжишь*; правильным признавалось *дружИшь*. Постепенно исконное ударение вошло в речевую практику.

Таким образом, встречаясь с необычными ударениями в поэтическом языке, мы должны умело и правильно объяснить их или существовавшими нормами ударения, или стилистическими задачами произведения.

Работа над ударением должна проводиться не только в связи с изучением фонетики, но и всех остальных предметов по русскому языку, особенно морфологии.

Можно использовать разные виды работ, но единственный путь в обучении русскому ударению – упражнения на слуховое восприятие, постоянное внимание к ударению при изучении любой темы. Постановка правильного ударения проводится путем долгой систематической работы, так как акцентологические отклонения в речи учащихся являются наиболее устойчивыми.

Использованная литература

- Ожегов, С. И.: Русское литературное произношение и ударение. М. 1959.
Редькин, В. А.: Акцентология современного русского литературного языка. М. 1971.
Горбачевич, К. С.: Нормы современного русского литературного языка. М., Просвещение, 1989.
Горбачевич, К. С.: Словарь трудностей произношения и ударения в современном русском языке. СПб. «Норинт», 2000.
Лебедева, Ю. Г.: Звуки, ударение, интонация. М., «Русский язык», 1975.
Straková, V.: Ruský přízvuk. SPN, Praha 1978.

Key words:

stress, accentology, accentual exercise, nativ language, word collocation, linguistic usage, object, subject, proverb, teaching

Summary

On the problem of teaching the word stress in Russian and some types of accentual exercises in our article we are dealing with teaching the stress placement in Russian words to foreign students. Using examples of accentual exercises connected with word-formation, word collocations and sentences, we have tried to explain not only the methodological principles of teaching

the word stress but also related methods of developing communicative skills. Another important aspect of accentual exercises is that they can be successfully employed for teaching vocabulary using stress placement in proverbs and sayings. In addition to that, we recommend frequent usage of poetry with a regular metre, and thus fixed stress placement. In our opinion, well organised and carefully planned methodological work can lead to surprisingly good results.

ТЕМПОРАЛЬНОСТЬ В ДЕТСКОМ ПОВЕСТВОВАНИИ¹

Ирина Овчинникова, Российская Федерация, Пермь

Изучение дискурса в современной лингвистике предполагает как анализ речевого жанра, т. е. универсальных для данной коммуникативной ситуации характеристик, так и вариативности воплощения коммуникативной интенции. Актуальность исследования вариативности дискурса обусловлена прежде всего интересом к языковой личности и индивидуальным стратегиям речевого поведения, которые при всем своем разнообразии отражают национально-культурные стереотипы. Настоящая работа нацелена на выявление вариативности выражения взаимосвязи событий в повествованиях детей. Обращение к онтогенезу речи позволяет обнаружить наиболее существенные, формирующиеся в первую очередь характеристики повествования и установить меру вариативности их языкового воплощения. Предметом нашего анализа является темпоральность.

Повествование занимает особое место в системе речевых жанров, поскольку оно имеет отношение и к первичным, и к вторичным речевым жанрам по М. М. Бахтину (1). Развитие повествования от элементов в диалоге с взрослым собеседником на втором году жизни до самостоятельно развернутого монолога отражает становление коммуникативной компетенции (2). Различают несколько подвидов повествования, из которых наиболее четко определена история (story) (3). Материалом нашего исследования являются устные рассказы по серии картинок *Frog where are you?* Банк данных насчитывает 120 диктофонных записей (4). Поскольку серия картинок *Frog where are you?* представляет собой стандартный материал для сопоставительного изучения детских повествований (5), мы можем сопоставить наши данные с иноязычными и обнаружить специфику выражения темпоральности маленькими русскими рассказчиками.

Средствами выражения темпоральности в дискурсе являются как абсолютное и относительное время, так и таксис. Таксису в повествовании

¹ Работа выполняется при поддержке РФФИ (02-06-80227)

принадлежит особая роль, поскольку отношение между несколькими сообщаемыми фактами вне зависимости их отношения к моменту речи выражается именно категорией таксиса, которая включает прежде всего аспектуальность (вид) соотносимых во времени действий и взаимодействует не столько с временным, сколько с причинно-следственными и т. п. значениями (6). Русский глагол, обладая самостоятельной категорией вида, позволяет тонко отразить контраст между мгновенным и длительным, целостным и нецелостным, ограниченным и неограниченным пределом действиями. В таком случае временной контраст играет вспомогательную роль, отражая прежде всего темпоральную характеристику действия относительно момента речи. А. В. Бондарко трактует таксис как *временное отношение между действиями (в широком смысле, включая любые значения предикатов) в рамках целостного периода времени, охватывающего значения всех компонентов выражаемого в высказывании полипредикативного комплекса* (6: 16), подчеркивая важность указания на целостность временного периода, объединяющего соотносящиеся во времени действия. Таксис, в отличие от времени, имеет синтагматическую и синтаксическую направленность; таксис выражается сочетанием форм, а не отдельной формой (6: 18).

Обратимся к анализу повествований русских шестилетних детей. Рассмотрим способы обозначения контрастных в аспектуальном отношении действий: мгновенного и длительного. Наиболее ярко и недвусмысленно такой контраст проявляется на картинках, изображающих упавшего с дерева мальчика и убегающую от пчел собаку. Мальчик, испугавшись вылетевшей из дупла совы, лежит на земле в позе, характерной для только что упавшего человека. Собачка, прижав уши, убегает от пчел. В детских повествованиях эти события выражаются четырьмя способами. Во-первых, половина рассказчиков прямо не упоминает о событиях, выпуская либо падение мальчика (*Сова толкнула мальчика*), либо бегство собачки (*они вместе побежали*). Во-вторых, в трети повествований использованы формы совершенного вида, противопоставленные как целостное мгновенное действие и результат длительного действия: *Он испугался и упал с дерева, а собачка убежала* и даже *Мальчик, мальчик упал, а собачка наутек*. В-третьих, 10 % авторов, употребляя формы совершенного вида, противопоставляют единичное целостное мгновенное действие (*упал*) действию, ограниченному начальным пределом (*побежала, помотала*). Наконец, оставшиеся 10 % детей используют контрастные по виду

(А мальчик, его испугала сова, и он упал в метр от лужи, и почти на середине. А собачка в то время убежала от пчел) и времени глагольные формы (Мальчик упал с дерева. Собака бежит... по земле... от этих... от пчел). Таким образом, стоит признать, что типичным для повествования русских шестилетних детей оказывается противопоставление повествуемых событий моменту речи; контраст между сообщаемыми фактами оказывается второстепенным. Таксис выражается прежде всего упорядоченностью действий. Очевидно, таксис как более сложная по сравнению с временем функционально-семантическая категория осваивается позднее.

Сопоставим наши данные с иноязычным материалом, представленным в (7). Д. Слобин установил, что использование темпоральных характеристик в повествованиях отражает избирательность внимания к различным аспектам действия, сформированную родным языком. В частности, носители английского языка не склонны употреблять одну и ту же видо-временную форму глаголов *to fall* и *to run*, описывая те же картинки. Морфология английского глагола позволяет выразить контраст мгновенного и длительного действия, и это используют даже самые маленькие рассказчики (в три года восемь месяцев): *He's [dog] running through there, and he [boy] fell off* (7: 79). Три четверти авторов историй мальчика и его лягушки стремятся использовать разные видо-временные формы глаголов *to fall* и *to run* (7: 80). Носители немецкого языка, напротив, предпочитают употреблять одинаковые видо-временные формы глаголов: *Der Junge fällt vom Baur... und die Bienen gehen hinter dem Hund her*. Так строят свои повествования 54 % дошкольников (там же). Пытаясь противопоставить действия мальчика и собачки, немецкоязычные рассказчики зачастую маркируют предельность, хотя встречаются единичные случаи противопоставления времени глаголов: *Der ist vom Baum runtergefallen und der Hund läuft schnell weg* (7: 81). Насколько мы можем судить, темпоральность сходным образом выражается в повествованиях носителей русского и немецкого языков, что, вероятно, обусловлено большим сходством морфологии русского глагола с немецким, чем с английским.

По мнению Д. Слобина, наиболее существенным оказывается то, что отступления от центральной тенденции для каждого из языков сравнительно редки (7: 82). Зависимость мышления от способа вербализации, предлагаемой национальным языком, имеет не абсолютный, а вероятностный характер. Именно поэтому Д. Слобин ведет речь не

о взаимосвязи мысли и слова, а о «размышлении для говорения» (*«thinking for speaking»*), т. е. о смысловом планировании речевого высказывания. Родной язык формирует избирательную готовность *обращать внимание на такие характеристики события, которые соответствуют его концептуальному представлению, во-первых, и имеют регулярные способы языкового воплощения, во-вторых* (7: 76). Д. Слобин полагает: осваивая родной язык, ребенок усваивает специфические способы «размышления для говорения», необходимые для коммуникации.

Д. Слобин доказал зависимость смыслового планирования сообщения от особенностей национального языка, т. е. взаимозависимость языковых и когнитивных факторов в коммуникации. Насколько позволяет судить наше исследование, обсуждая такую зависимость, не стоит упускать из виду и коммуникативные факторы. В частности, хотелось бы четко разграничить время и таксис. В русском языке время, как и аспект, – «прозрачная» грамматическая категория, а таксис – функционально-семантическая категория. Для освоения функционально-семантической категории необходим более высокий уровень коммуникативной компетенции. В немецком и английском языках представлена категория темпоральности, таксис выражается формами относительного времени и не является самостоятельной грамматической категорией. У английского прогрессива нет прямого соответствия в немецком языке, поскольку английский прогрессив имеет, с одной стороны, более узкое видовое значение, чем имперфект, а с другой – неуклонно расширяет сферу своего использования (8: 21–25). Таким образом, противопоставление в англоязычном повествовании мгновенного и длительного действия обеспечивается наличием формы прогрессива, в то время как в повествовании на немецком и русском языках для такого противопоставления необходимы другие средства. Именно этим, наряду с относительным сходством морфологии глагола, обусловлено сходство способов воплощения темпоральности в немецкоязычных повествованиях с русскоязычными.

Как нам кажется, дело не только в избирательной готовности, сформированной у русскоязычного ребенка родным языком, но и в сложности функционально-семантической категории таксиса, обеспечивающей эпизодическую структуру повествования-истории. Итак, темпоральность в русскоязычных детских повествованиях-историях отражает прежде всего целостность и завершенность истории к моменту речи. Таксисные семы обычно выступают как упорядоченность действий, воплощаясь

в порядке следования глагольных форм. Иные способы выражения таксиса, в том числе и относящиеся к центру функционально-семантического поля таксиса, русскоязычными шестилетними детьми пока не освоены. Вербализация временной последовательности и причинно-следственной связи действий широко варьирует: родной язык сформировал избирательную готовность акцентировать внимание на аспектуальной характеристике действия, однако коммуникативный опыт пока не достаточен для того, чтобы адекватно передать соотношение различных событий относительно друг друга в повествовании.

Использованная литература

- Бахтин, М. М.: *Эстетика словесного творчества*. М., 1979.
- Цейтлин, С. Н.: *Язык и ребенок. Лингвистика детской речи*. М., 2000.
- Shiro, M.: *Genre and evaluation in narrative development*. In: *Journal of Child Language* 2003, 30, p. 165-195.
- Овчинникова, И. Г.; Береснева, Н. И.; Дубровская, Л. А.; Пенягина Е. Б.: *Рассказы русских детей (по серии картинок «Frog where are you?»)*. *Звучащая хрестоматия*. In: Бюллетень фонетического фонда русского языка. Приложение № 10. Пермь - Бохум, 1999.
- Berman, R. & Slobin, D.: *Relating events in narrative: a crosslinguistic developmental study*. Hillsdale, NJ: Erlbaum 1994.
- Бондарко, А. В.: *Темпоральность*. In: Теория функциональной грамматики: Темпоральность. Модальность. Ленинград, 1990, с. 5-58.
- Slobin, D.: *From «thought and language» to «thinking for speaking»*. In: *Rethinking Linguistic Relativity*. Cambridge University Press 1996, p. 70-96.
- Маслов, Ю. С.: *Очерки по аспектологии*. Ленинград, 1984.

Key words:

developmental psycholinguistics, narratives, frog story, crosslinguistic study, temporal description, aspect, taxis

Summary

The problem of temporal description of events in the narratives (*Frog stories*) of preschool Russian children is examined. The questions addressed are: (1) How do the preschool Russian children describe contrast between two

simultaneous events, one punctual, completed, and the other non-punctual, durative? (2) Is there any specifics in the Russian children temporal description of these events (compared to D. Slobin's materials)? (3) Are different ways of temporal description of these events by children speaking different languages determined by their native language features or by the other factors? Findings suggest that (1) the preschool Russian children make use of different ways for temporal description of the events; (2) specific features of their temporal description are determined both by the Russian verb morphology and communicative characteristics of discourse (taxis first of all).

БЕЛОРУССКАЯ КУЛЬТУРА В ЛИТВЕ

Лилия Плыгавка, Литовская Республика, Вильнюс

Современная культурная карта Литовской республики характеризуется полифоничностью, которая, с одной стороны, отличается стремлением осмыслить ценность отдельного национального меньшинства в комплексном сочетании с культурой титульной нации, а с другой стороны, активными интеграционными процессами.

В этом отношении существенно выделяется Юго-Восточная Литва (Вильнюсский край) – уникальный мультикультурный регион, где рядом веками довольно компактно живут представители разных этнических групп. Объединённые общей судьбой в результате различных обстоятельств и испытавшие определённые взаимовлияния культурных традиций и ценностей друг друга, они сохранили своё национальное отличие.

Благодаря этому сформировался особый тип локальной культуры, который базируется на взаимной толерантности и исключает этнические и религиозные конфликты. Ему свойственен и своеобразный тип личности, свободно ориентирующейся в нескольких культурах, владеющей несколькими языками и более открытой культурным новациям.

Каждая национальная группа в Литве живёт насыщенной культурной жизнью и таким образом существенно влияет на культурно-цивилизированное пространство страны и прежде всего через трансляцию определённых элементов, количественно и качественно зависящих от политической, экономической и т. д. ситуации. В качестве таких определяющих компонентов выступают национальные традиции, родной язык, образование.

На данный момент белорусы в Литве являются третьим по величине национальным меньшинством и преимущественно проживают в Вильнюсе, Клайпеде, Шауляе, Висагинасе, Друскининкае, Каунасе, Паланге. По времени проживания их можно условно разделить на две группы: 1. автохтонное население, сохранившее свою традиционную культуру и аутентичный фольклор; 2. те, кто приехал в Литву после Второй мировой войны на работу или учёбу.

Специфика поликультурного региона накладывает свой отпечаток на взаимоотношения людей в культурной, бытовой, политической и экономической сферах. В культуре белорусов Вильнюсского края мы находим определённые черты польской, русской, литовской и других культур, в культурах этих народов – определённые черты белорусской.

Традиционная культура белорусов проявляется в сохранении национальных обычаев и привнесении их в инациональную культурную среду. В таких случаях интеграция создаёт своеобразный социально-культурный фон, на котором культурные особенности не выделяются, а создают синтезную картину мировосприятия.

Существование национальной культуры невозможно без реализации в ней национальных образов-символов и этнических стереотипов, отражающих национальную ментальность. Эти образы удерживают свойственную народу этнокультурную информацию и, являясь национальной особенностью, одновременно переходят в разряд общекультурных структур. В инвариантных знаках белорусов Литвы отражаются фольклор, природно-климатические особенности (лес, поле, болото), архаичные черты язычества, страницы истории, этнографические особенности региона (кухня, одежда, быт), некоторые черты характера (трудолюбие, доброта, уравновешенность, толерантность и т. д.).

Сферу реализации белорусского языка в республике можно определить трёхаспектно: 1. проявление влияния белорусского лингвистического элемента в речи представителей всех национальных групп Виленщины; 2. использование белорусского литературного языка в профессиональных культурно-образовательных институциях; 3. функционирование белорусского диалектного языка в районе белорусско-литовского пограничья.

1. Белорусское влияние в речи информантов-небелусов наблюдается на всех уровнях, но наиболее на лексическом и синтаксическом, например: использование лексем: *бульба, бураки, цыбуля, аграст* для названия сельскохозяйственных культур, *сходки* «ступеньки», *фарбы* «краска», *фальбоны* «оборки»; синтаксичные интерферентные конструкции при управлении предложением: *ходит под галстуком: бел. ходзіць пад гальштукам, русск. ходит в галстук* (предлог *под* в значении предлога «в»); *мне голова болит: бел. мне галава баліць, русск. у меня голова болит* (предлог *у* + род. п. имени + глагол).

2. Если говорить о реализации белорусского литературного языка, то, в первую очередь, стоит отметить его использование в сфере образо-

вания: это не только преподавание большинства школьных предметов в белорусской школе и некоторых (история Беларуси, история культуры Беларуси) в педагогическом университете, но частично делопроизводство, внеклассная воспитательная и другая педагогическая деятельность. Так как любой язык является средством восприятия действительности конкретным народом, то отдельно решаются задачи преподавания белорусского языка как родного или как иностранного в зависимости от контингента изучающих. Последнее касается высшей школы, поскольку для основного количества студентов – выпускников русских, польских и литовских школ – это язык не родной, который они не изучали в школе. Поэтому программы по белорусскому языку учитывают такие факторы, как приоритет государственного языка и культуры, полилингвистические и поликультурные особенности региона, специфику его преподавания в иноязычной среде.

Средства массовой коммуникации параллельно со школой – один из наиболее эффективных способов духовного и интеллектуального воздействия на личность, поэтому важно, чтобы конкретная национальная группа осуществляла это воздействие на родном языке. Белорусский язык актуализируется в Литве в печати, на радио, телевидении в объёмах, соответствующих количественному соотношению белорусов к остальным национальностям страны.

3. Белорусский диалектный язык имеет устойчивый ареал распространения в районах, примыкающих к Беларуси, и оказывает значительное влияние практически на всей территории Вильнюсского края, хотя часто воспринимается как диалект польского. В этой зоне он выступает в качестве средства коммуникации как родной, с большим перевесом или наравне с региональным польским языком и используется преимущественно в бытовых контактах.

Под влиянием костёла белорусский язык воспринимается как «простая» польская мова и называется часто нейтральными словами «местная», «тутэйшая», «простая». Носители «простой мовы» в большинстве своём причисляют себя к полякам и язык свой – к диалекту польского, хоть при более подробном рассмотрении можно утверждать, что он соответствует диалекту белорусского языка западных районов Беларуси. Именно на базе минско-вильнюсских говоров Б. Тарашкевич впервые в своей «Белорусской грамматике для школ» (Вильнюс, 1919) сформули-

ровал закономерности и орфографические нормы белорусского языка, обозначил его национальную природу.

Выполняя социальную функцию, язык, с одной стороны, влияет на становление и развитие национального самосознания личности, а, с другой стороны, содействует интеграции культур и их духовных ценностей.

Белорусская система образования, включающая в себя такие важные элементы, как образование на родном языке, преподавание родного языка, изучение истории и культуры Беларуси, даёт право усвоить знания на родном языке всем желающим, помогает белорусам адаптироваться в иноязычной среде и получить дальнейшую профессиональную подготовку не только в Литве, но и Беларуси.

В настоящее время в систему белорусского образования входят следующие звенья: белорусское отделение факультета славистики ВПУ, средняя школа им. Ф. Скорины, начальные классы и два общеобразовательных класса с преподаванием белорусского языка как предмета в русской школе г. Висагинаса, ряд кружков, факультативов и воскресных школ в разных городах Литвы.

Определённые гарантии для успешного функционирования всей системы образования на белорусском языке в Литве дают межгосударственные соглашения в области образования и охраны прав национальных меньшинств, например: договоры о сотрудничестве между Министерствами образования и науки (декабрь, 1997г.) и Департаментами по делам национальностей (март, 2000г.) Республики Беларусь и Литовской Республики.

Таким образом, белорусское культурное пространство в Литве репрезентирует себя в общекультурной панораме страны наравне с другими и, в первую очередь, в традиционно-фольклорном, лингвистическом и образовательном плане. Его комплексное исследование позволяет обозначить, как белорусы оценивают себя национальным тождеством и определяют своё место среди других национальных групп, а также как их культура, оказывая влияние на становление и развитие национального сознания личности, содействует интеграции духовных ценностей разных культур.

Использованная литература

- А. Ліс. Песню – у спадчыну. Мн., 1989, с. 75–104.
- Плыгаўка, Л.: Дэтэрмінанты функцыянавання беларускай нацыянальнай школы ў агульнаадукацыйнай прасторы Літвы // Дэтэрмінанты грамадскіх працэсаў і нацыянальныя патрэбы людзей. Брэст-Плоцк, 2001, с. 51–60.
- Савіч, М.: Утварэнне, межы распаўсюджання і асноўныя характарыстыкі беларускіх гаворак Літвы // Весці АНМ. 1997. № 2, с. 28–31.
- Судник, Т.: Диалекты литовско-славянского пограничья. Опыт фонологических систем. Мн., 1975.

Key words:

byelorussian culture, policultural situation, national minority, language interference, national language, education, cultural interference, Lithuania, identification, evaluation

Summary

The article deals with the evaluation of place which Byelorussian minority takes among other national minorities in Lithuania. Also, phenomena of language and cultural interference are being examined. What is more, problems of influence of Byelorussian culture on common cultural situation are being discussed. Also, the role of education on native language in the aspect of preservation of national culture of Byelorussian minority is being researched.

ПРЕЦЕДЕНТНЫЕ ФЕНОМЕНЫ КАК СРЕДСТВО КОСВЕННОЙ ОЦЕНКИ

Йозеф Сипко, Словакия, Прешов

В современных филологических исследованиях все чаще в центре внимания стоят те явления в языке, которые оказывают важное влияние на межкультурную и межъязыковую коммуникацию. Повышенная мера интеркультурных контактов содействует развитию новых смежных дисциплин, среди которых в последнее время особо выделяется этнопсихолингвистика и лингвокультурология (Красных, 2002), результаты которых были в большом объеме представлены также на X-ом конгрессе МАПРЯЛ, проходившем в Санкт-Петербурге от 30-го июня по 5-ое июля 2003, в рамках которого была выделена особая секция под названием Концептосфера русского языка («Русское слово в мировой культуре», 2003). В отдельных докладах шли поиски терминов, которые бы точно определили суть и содержание языковых элементов с повышенным этнокультурным содержанием. В связи с этим не менее важным считается проблема передачи данных единиц, называемых **прецедентными феноменами (ПФ), логоэпистемами, лингвокультурами и т. д.**

В данной статье мы будем употреблять первый из выше названных терминов и будем их рассматривать в первую очередь на примерах из современной русской и словацкой периодики. На этой основе мы можем наглядно и убедительно иллюстрировать базисные характеристики ПФ в конкретной этнокультуре, среди которых на первый план выходит **этнокультурная безэквивалентность**. Языковые единицы, названные этнопсихолингвистами прецедентными феноменами, содержат в себе неповторимые **этнокультурные ассоциации и коннотации**. Благодаря русским ученым создан даже шеститомный Ассоциативный словарь русского языка, в котором анализируется содержание отдельных русских лексем на основе продуманных ассоциативных связей носителей русского языка. Также другие аналогичные исследования показывают, что даже лексемы, входящие в основной словарный фонд языка, в этносемантическом плане

принципиально отличаются в зависимости от конкретной этнокультурной среды. ПФ, таким образом, придают коммуникации неповторимый облик, что выразительно чувствуется при переводе, где теряются именно ассоциативные и коннотативные связи, стоящие в коммуникативном центре в языке – источнике. Посредством соответствующих ассоциаций мы ищем **косвенную оценку** названных реалий, которая именно в национальной среде неповторима, так как она выражена посредством единиц, содержащих специфические этнокультурные ассоциации и, как правило, негативную оценку конкретной этнореалии. Попытаемся проиллюстрировать такие ассоциации на русской лексеме *заяц*. В двух четверостишиях, первое из начала XX-го века из Санкт-Петербурга, второе из 60-ых годов XX-го века из Москвы:

*Если б не было Китая,
Не было б китайца.*

*Если б не было трамвая,
Не было бы зайца.*

*Бывает заяц белый,
Бывает заяц серый.*

*А ты какого света,
Товарищ без билета?*

В первом случае лексема *заяц* лишь косвенно означает безбилетного пассажира, во втором в последней строчке мера косвенности снижается, так как появляется текстовая синонимия к слову *заяц* из первой строчки. Таким образом, данная русская лексема представляет собой ПФ, то есть, повторяющийся факт русской этнокультуры, который таким является именно при сопоставлении, в нашем случае со словацким языком, в котором соответствующие отрицательные коннотации с данным словом не существуют.

ПФ принимают на себя особые коннотации в межкультурной коммуникации. Если иностранец, владеющий русским языком, употребляет в своей речи на русском языке ПФ, то это вызывает особый отклик среди носителей языка. С таким примером мы встретились на выше упомянутом X-ом конгрессе МАПРЯЛ во время презентации кандидатов на пост президента этой организации. Один из кандидатов на высший пост начал свое выступление словами:

*Моя фамилия **Мустайоки**, что в переводе с финского на русский язык означает «**Черная речка**».*

Финский профессор преднамеренно употребил подчеркнутое прецедентное выражение, которое вызывает сильные ассоциации особен-

но среди русских, так как на Черной речке произошла роковая дуэль А. С. Пушкина с Дантесом. Реакция публики была, естественно, оживленной, на что и рассчитывал проф. Мустайоки, чтобы с первого момента своего выступления обратил на себя внимание избирателей.

Как известно, одним из семиотических признаков русской культуры является ее **литературоцентричность**, в ее рамках доминантную позицию занимают **пушкинизмы**. При этом имеем в виду не только прецедентные выражения из произведений А. С. Пушкина, а также языковые единицы, которые так или иначе связаны с его жизнью. В русском сознании такие топонимы, как *Михайловское*, *Святогорский монастырь*, *Пушкинские Горы*, *Болдино*, антропонимы *Пуцин*, *Данзас*, *Дантес*, *Наталья Гончарова*, *Геккерен* и многие другие без конкретных ассоциативных связей с русским гением немислимы, и они живут в русском культурном пространстве только благодаря феномену Пушкину.

ПФ из русской литературы функционируют в разных сферах российской действительности. Нас в этом плане заинтересовала реклама на экскурсионных катерах на Неве:

Красота спасет мир

Известные слова Ф. М. Достоевского подсознательно подтверждают красоту Санкт-Петербурга, и тем самым они должны заинтересовать посетителей города на Неве. Как все в русской культуре, и это выражение Достоевского ставится под сомнение:

Красота красотой, но не в одной красоте дело. Вон Россия как красива, ...и обгадили упыри...красота не спасла («ЛГ», 2002, № 1)

Многие подобные выражения связаны с деятельностью троекратного словацкого премьер-министра В. Мечьяра. После того, как он проиграл выборы в 1998 г., то спел вроде бы на прощание песню: *S Pánom Bohom, idem od vás, nikomu som neublížil z vás*. Истинность этого намерения опровергается следующим образом:

S Pánom Bohom, nejdem od vás... (Sme, 26. V. 1999).

Особенно в постсоветское время вызывают недоверие официальные политические представители. В журналистике вышеназванное недоверие к их деятельности выражается посредством многообразных языковых приемов. Звуковое сходство двух антонимичных выражений лежит в основе образований, которые дают отрицательную оценку современных деятелей:

Teraz neviem - je to ústavný činiteľ, alebo sústavný ničiteľ? (Pravda, 29. V. 1997).

Vápenkáři (SR. 31. III. 1998 – о бывших членах VPN /Verejnost' proti násiliu – Общественность против насилия/, политическая группировка, стоящая во главе перемен после «нежной революции» 1989 г.).

Долгое политическое противостояние в Словакии между «мечяровцами» и «антимечяровцами» оставило довольно богатые следы в языковых образованиях в словацкой прессе. Когда правительство М. Дзуринды в конце 1998 г. объявило о новых реформах, то старый год «приветствовал» новыми словами:

Vítam ťa balíčkou ekonomických opatrení (Р. 7. I. 1999).

Это послемечяровское правительство хотело доказать своему предшественнику, что в 1994–98 гг. провело целую серию незаконных действий. В отдельных министерствах были образованы комиссии, которые должны были приготовить соответствующие документы о такой деятельности. В лагере «мечяровцев» их назвали выражением, которое вызывало ассоциации с послереволюционными репрессиями в 1948 г.:

Boli vytvorené akčné jedenástky (SR. 28. X. 1998 – в 1948 г. – акčné trojky – тройки в действии).

Лидеры нового антимечяровского руководства страны отмечались невысоким ростом. Их совместное заседание по ночам мечяровская газета назвала:

Tri noci krátkych mužov (SR. 26. I. 1999 – по аналогии с выражением *nocí dlhých nožov*, которое относится к гитлеровской эпохе, когда были ликвидированы оппоненты Гитлера в 1934 г.).

Как известно, период после 1968 г. официально стал называться *нормализацией* (очищение Коммунистической партии от антисоветских и антисоциалистических элементов), в результате чего пострадало много людей. Слово *нормализация* стало носителем негативных ассоциаций, связанных с несправедливой политикой тогдашних властей по отношению к возможным оппонентам, с их политическими и гражданскими репрессиями. Это слово актуализируется в контексте современной политической борьбы. Мечяровцы своих оппонентов назвали после 1998 г.:

Normalizátorskí jastrabi (SR. 27. X. 1998).

Парадокс данного выражения заключается в том, что им были характеризованы бывшие диссиденты, как Ян Будаи, которые были преследованы в годы нормализации.

Парадоксы постсоветской эпохи отражаются в значительной мере в том, что бывшие союзники СССР считаются лучшими союзниками

США. Когда на заседание НАТО в Прагу чешские власти не разрешили приехать президенту Белоруссии А. Лукашенко, то можно было прочесть частушку:

ПРАГЕ

Гостеприимством ты светилась!

Всегда была в душе и рядом!

Так что же это случилось,

*Что стала ты **закрытым градом*** («ЛГ», 2002. № 47).

Подобная ирония чувствуется по отношению к НАТО и европейской интеграции в реплике, конец которой ассоциируется с историей словацкого «збойництва», так как в горы уходили молодые мужчины в знак протеста против зла в средние века.

Tu už nikto nebýva. Jedni odišli do NATO, iní do EÚ a ostatní do hôr (NO, 27. III. 2003).

Образование новых партий создается посредством продуманной рекламы, которую организуют профессиональные рекламные фирмы. Для данного процесса появилось новое понятие:

Раскручивание партии («ЛГ», 2003, № 9).

Прецедентные высказывания советской эпохи содержатся в текстах официальных, авторских песен. В этом плане живым источником является текст советского гимна, посредством которого комментируются современные события. Первая строчка советского гимна *Союз нерушимый, республик свободных* лежит в основе высказанного сомнения по поводу союзничества России и Белоруссии:

Союз? Нерушимый? Республик? Свободных? («ЛГ», 1997, № 21).

Также словацкий гимн иногда служит источником аналогичных коммуникативных трансформаций:

Nad Tatrou sa blýska a chlapi sedia v krčme (NO, 18. III. 2003).

Прагмалингвистическим трансформациям на линии «истина» – «ложь» подвергаются в первую очередь прецедентные политические высказывания. Но, как правило, регулярно повторяющиеся высказывания также из других сфер жизни в конкретной ситуации опровергаются. Известно, что для олимпийского движения таким высказыванием является лозунг *О, спорт, ты мир*. Но коммерционализация, допинг и с ними связанные

другие негативные явления, ставят под сомнение содержание этого лозунга в современности:

О, спорт, ты политика и бизнес? («ЛГ», 2007, № 7).

Постсоветское время отличается повышенной мерой организованной преступности. В этой связи наделяются новыми коннотативными оттенками конкретные языковые элементы, как, например, собственное имя *Канары* в качестве символа роскошной жизни новых русских:

*Некоторые воры на **нарах**, те, что покрупней, то на **Канарах*** («ЛГ», 1999, № 1–2).

В романе *Иван Безуглов* (Кенжеева, Б.) говорится именно о *новорусском стандарте* словами:

*Опять, что ли, на **Канары**?*

Советскую эпоху характеризовали многие реалии, которые содержали в себе низкий показатель конкретных сторон жизни. К таким единицам относилась *забегаловка*, которая выражала и низкую культуру мест общественного питания. На их смену приходят такие же помещения с негативными ассоциациями относительно американского влияния:

*Забегаловка, пропахшая **дрянью** в жанре **фаст-фуд*** («ЛГ», 2003, № 9).

Официальный язык, язык власти, его клишированные единицы, как правило, в определенной обстановке семантически трансформируются. Относительно положения русских в некоторых бывших союзных республиках употребляются единицы, которые сами по себе имеют другой оценочный план, чем в ниже приведенном контексте. Некоторые из данных единиц употреблялись в западной пропаганде в период *холодной войны* для отрицательной оценки всего советского.

Использованная литература

- Арутюнова, Н. Д.: *Оценка. События. Факт*. Москва «Наука» 1988.
- Вежбицкая, А.: *Антитоталитарный язык в Польше*. «Вопросы языкознания» 1993, № 4, с. 107–125.
- Давыдова, Т. Т.: *О «Блокнотах» Евгения Замятина*. «Вопросы философии» 1997, № 2, с. 25–33.
- Красных, В.: *Этнопсихолингвистика и культурология*. Москва 2002.
- Хлебцова, О.: *«Как бы русский язык»*. «Литературная газета» 2003, № 11, с. 6.

Key words:

PF - precedential phenomena, Citácie - quotations, oficiálny jazyk - official language, nepriame hodnotenie - indirect evaluation, transformácia semantiky - transformation of semantics, aktualizácia soviétizmov - actualisation of sovietism

Summary**Precedential phenomena as a means of indirect evaluation**

The author supports his article with the results of the latest language researches which were presented at the X. congress of MAPR3AL in Saint Peterburg in July 2003. In the article are analysed the language units which in contemporary text contain high ethnocultural association and connotation and which are qualified as precedential phenomena (PP). The author concentrates mainly on the analysis of precedential phenomena with official political themes from the soviet and postsoviet period. These precedential phenomena are taken from the contemporary russian and slovak press. There are many contemporary texts and their fragments presented in the article.

ТЕКСТ В ТЕКСТЕ, ИЛИ ПОЧЕМУ И КАК ЛЮДИ ИСПОЛЬЗУЮТ ЧУЖИЕ ТЕКСТЫ

Ядвига Тарса, Польша, Ополе

Проблема интертекстуальности, текста в тексте, цитатности, прецедентных феноменов в последнее время изучается многими исследователями [Красных 1998, Захаренко 2000, Тогор 1991, Głowiński 1986, Markiewicz 1996]. Даже в польском еженедельнике «Wprost» появилась статья Павла Спевака, одного из выдающихся польских социологов, под заглавием «Вагинальная эмпатия. Краткий словарь модных слов» [Spiewak 2003]. Он пишет, что у каждой эпохи есть свои слова-ключи. Они важные для гуманистов, они модные, их надо включить в свой словарный запас, если мы хотим, чтобы нас считали образованным человеком. Среди характерных для наших времен слов он называет слова: *деконструкция, дискурс и интертекстуальный*.

В своих работах об интертекстуальности исследователи замечают, что цитатой может быть отрывок художественного текста, тексты песен, фильмов, слова политических деятелей, рекламные тексты. Цитатой может быть тоже произведение искусства: картина, скульптура. Цитируется структура текста, жанр. *С точки зрения происхождения цитаты могут быть реальные, т. е. имеющие конкретный, реально существующий текст-источник и фиктивные, придуманные непосредственно самим автором данного текста* [Савченко 2002, с. 300]. Дубравка Ораич замечает, что напр. в системе авангардного искусства цитироваться могут тексты того же медиального ранга, собственные тексты, тексты о текстах, тексты иных художественных медиумов, внехудожественные тексты [Ogaić 1988]. Лотман считает, что *культура в целом может рассматриваться как текст. Однако исключительно важно подчеркнуть, что это сложно устроенный текст, распадающийся на иерархию «текстов в текстах» и образующий сложные переплетения текстов* [Лотман 2002, с. 78].

Это позволяет считать, что интертекстуальность стала неотъемлемой частью жизни человека конца XX – начала XXI вв. Конечно, интертекстуальность не появилась в XX веке. Уже раньше писатели использовали

чужие тексты и мотивы [см. напр.: Солодуб 2000, Майкова 1999]. Польский филолог, Генрих Маркевич, цитирует Теренция: *Nihil dictum est, quod non dictum sit prius* (ничто не было сказано, что не было сказано раньше) и слова египетского папируса 2000 г. до н. э., в котором писатель Кхакхерресенба жалуется, что родился слишком поздно: *Как же я хотел бы знать совсем новые выражения, странно звучащие определения, язык, которым еще никто не пользовался, свободный от повторов и слов, изношенных поколениями* [Markiewicz 1996, 216]. Лотман приводит пример «Гамлета», где *перед нами – не только «текст в тексте», но и «Гамлет» в «Гамлете»* [Лотман 2002, с. 72]. Однако кажется, что интертекстуальность, игра словами и текстами стала особенно популярной и часто заменяемой в наше время.

Если все уже было сказано, написано, то надо теперь воспользоваться наследием прошлого. Но авторы включают в свои произведения «чужие слова» не только потому, что уже все было сказано. Цитируя, они придают новый смысл своим или чужим словам. Они ведут диалог с уже существующими текстами и читателем. *«Текст в тексте» – это специфическое риторическое построение, при котором различие в закодированности разных частей текста делается выявленным фактором авторского построения и читательского восприятия текста* [Лотман 2002, с. 71].

Почему люди цитируют чужие слова? Во-первых, чтобы воспользоваться авторитетом автора этих слов. Мы показываем, что то, что мы говорим, это не только наше мнение, но так как мы относился к данной проблеме, думал и считал, как мы известный политический деятель, ученый, писатель, философ и т. п.: *Словно по Шекспиру, весь мир парламент, люди – депутаты* [Огонек 1985, № 28, с. 17]. Или мы просто хотим сказать, что кто-то раньше эти слова произнес. Причем тот, на чьи слова мы ссылаемся, может быть не только реально существующим лицом, но и литературным героем: *А если, как говорил Пятчок, вы «до пятницы совершенно свободны», подойдите и послушайте, о чем идет такой оживленный разговор* [АиФ 2000, № 11, с. 24.]. Автор цитируемых слов может нами не называться, но слова, которые он произнес, настолько известны, что многие его узнают: *На вечере был замечен один из замминистров, пожелавший остаться инкогнито, несмотря на то, что ему принадлежит авторство крылатой фразы времен застоя: «Продукты у нас есть, но не всем хватает»* [Столица 1995, № 13, с. 11]. В тексте о Лас-Вегасе и одноруких бандитах, автор не говорит прямо, чьи слова цитирует, хотя называет их автора: *Уважают*

они свою историю, не то что мы, бездумно снесли памятник Дзержинскому. У меня была холодная голова, чистые руки и горячее сердце. Но это не помогло. Все проиграл [Огонек 1998, № 51–52, с. 28]. Иногда цитирование становится точкой сходных мнений адресанта и адресата, а метатекст это еще подчеркивает: *Особенно важно, чтобы банкноты блистали своим внешним видом на свадьбах: в противном случае можно нанести немалую обиду, если не оскорбление пригласившим вас на такое счастливое событие. А вот за похороны можно расплачиваться любыми купюрами: мертвые, как известно, сраму не имут* [Огонек 1995, № 28, с. 84]. Автор слов как-будто говорит: это правду знаю не только я, но и вы, и другие.

Цитирование и цитаты могут быть не только элементом диалога, но и полемики. Напр. журналист цитирует слова политика, Е. Строева: *«Есть два вопроса, бесконечных, на которые сам Соломон не ответит. Это – делать инфляцию или не делать инфляцию?»*. И как-будто отвечая на этот вопрос тоже приводит цитаты: *«Быть или не быть?» мучился Гамлет и плохо кончил. А мудрый израильский царь Соломон носил перстень с надписью «И это пройдет», дожив до глубокой старости в объятиях прекрасной рыжей любовницы. Что милее вам, Егор Семенович?* [АиФ 1998, № 29, с. 2].

Цитаты выполняют тоже функцию украшения, оживления речи. Они очень часто появляются в газетных заголовках. Журналисты используют их, чтобы привлечь внимание читателя настолько, чтобы он сразу захотел прочитать статью. Примером пусть послужит несколько заглавий из «Аргументов и фактов»: *Немытая столица* (о нехватке бань в Москве); *Покупки второй свежести* (о магазинах секонд-хэнд); *Есть ли жизнь на чердаке?* (о подвально-чердачных бомжах); *Мутанты бродят по Европе* (о мутации бактерии коклюша); *Не пей из-под крана – козленочком станешь* (об очистителе воды «Изумруд»).

Цитирование становится своего рода игрой между участниками диалога. Особенно, когда это скрытое цитирование. Адресант рассчитывает на то, что адресат заметит аллюзию, скрытую цитату. Примером может служить творчество Терри Пратчета и цикл его книг «Плоский мир». В них он цитирует сказки, мифы, Библию, Шекспира. Но одновременно эти цитаты получают новый смысл. Пратчет относится к ним со своего рода иронией. А читателю остается только уловить все эти цитаты, и аллюзии, напр.: *Он опустился на колени в опавшие листья и заглянул под одну из шляпок. – Нет, для еды они совершенно не годятся, – слабо сказал он через некоторое время. – Почему? – Крикнул Двацветок. – У них*

что, пластинки не желтые? – Ну, не совсем. – Тогда, наверное, на ножках не такие пленки? – Вообще-то, с виду с ними все в порядке. [...] Так почему же их нельзя есть? Ринсвинд кашлянул. – Все дело в крошечных дверцах и оконцах, – удрученно произнес он. – Первый и главный признак [Пратчет 1997, с. 39]. Или: В темноте что-то зашуршало. – В начале было слово, – сообщил сухой голос прямо у него за спиной. – Сначала было Яйцо, – поправил другой голос. – Я отчетливо помню. Великое Вселенское Яйцо. Немного резиновое на ощупь. – На самом деле вы оба не правы. Я уверен, что это была первобытная слизь. – Нет, она появилась потом, – сказал еще один голос, идущий со стороны Ринсвиндова колена. – Сначала была твердь. Кучи тверди. Довольно липкой, наподобие леденцов. И очень густой... В случае, если это кого-то интересует, – послышался надтреснутый голос слева от волшебника, – то все вы заблуждаетесь. В начале было Прокашливание... [Пратчет 1997, с. 111–112].

То, что позволяет вести такой диалог – это сумма общих знаний, которыми обладает большинство членов общества. Можно сказать, что культура позволяет вести игру участникам диалога. *Культура – достояние общественное, транслируемое от поколения в поколение, сохраняемое и «трансформируемое» обществом. Вместе с тем, культура – явление реальное, воспринимаемое и репродуцируемое через деятельность членов общества* [Красных 2002, с. 18]. Если адресант и адресат знакомы с важнейшими достижениями культуры – они могут при помощи цитат вести очень увлекательный диалог.

Использованная литература

- Захаренко, И. В.: *О целесообразности использования термина «прецедентное высказывание»*.
Ип: В. В. Красных (ed.), Язык. Сознание. Коммуникация. М. 2000.
- Красных, В. В.: *Виртуальная реальность или реальная виртуальность?* М. 1998.
- Красных, В. В.: *Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология. Курс лекций*. М. 2002.
- Лотман, Ю. М.: *Статьи по семиотике искусства*. М. 2002.
- Майкова, А. Н.: *Архетипы и архетипические образы (на примере сказки о царевне-лягушке и мифе о Гильгамеше)*. Ип: Филологические науки 1999, № 4, с. 20–29.
- Пратчет, Т.: *Безумная звезда*. Спб 1997.
- Савченко, А. В.: *Цитация «из великих» как интертекстуальная характеристика эпохи (на материале романа чешского писателя Й. Шкворецкого «Танковый батальон»)*. Ип: Слово. Фраза. Текст. Сборник статей к 60-летию проф. М. А. Алексеевко. М. 2002, с. 300–310.

- Солодуб, Ю. П.: *Интертекстуальность как лингвистическая проблема*. In: Филологические науки 2000, № 2, с. 51–57.
- Głowiński, M.: *O intertekstualności*. In: Pamiętnik Literacki LXXVII, 1986, N 4, s. 75–100.
- Markiewicz, H.: *Odmiany intertekstualności*. In: H. Markiewicz, Prace wybrane. T.IV. Wymiary dzieła literackiego, Kraków 1996, s. 215–238.
- Oraić, D.: *Цитатность*. In: Russian Literature XXIII, North-Holland, s. 113–132.
- Torop, P.: *Zagadnienie inteksu*. In: Pamiętnik Literacki LXXXII, 1991, N 2, s. 236–246.
- Śpiewak, P.: *Waginalna syntonია. Krótki słownik słów modnych*. In: Wprost 2003, N 33, s. 32–34.

Key words:

quotation, citation, text within a text, intertextuality, culture, discourse, dialogue, pun

Summary

Intertextuality is a typical feature of culture and art in the end of the twentieth and the beginning of the twenty-first century. Everything becomes a quotation: text, picture, film, song, advertisement words. The quotations appearing in other texts obtain a new meaning and, at the same time, they enrich the text in which they appear. Intertextuality is not only a dialogue between texts but also a dialogue between sender and receiver.

СПОНТАННАЯ РЕЧЬ КАК ВИД КОММУНИКАЦИИ

Елена Татарникова, Российская Федерация, Москва

1. Традиционным и долгое время единственным ракурсом рассмотрения разговорной речи вообще (а, значит, и спонтанной речи) была теория литературного языка и функциональных стилей, согласно которой разговорный язык лишь некоторой своей частью, а именно в форме разговорного функционального стиля относится к литературному языку, а такие устные формы как обиходно-разговорный язык, просторечие и диалекты не являются литературными. С этой, функционально-стилевой точки зрения, спонтанная речь – то же, что обиходно-разговорный язык, просторечие или диалект, но отдельно и специально не рассматривалась. С другой стороны, в лингвистике уже давно используется понятие «коммуникация». Но под базовой единицей коммуникации по-прежнему понимается единичный коммуникативный акт (коммуникативная дуга): адресант – сообщение (контекст, контакт, код) – адресат (например, 1, с. 14), что является явно недостаточным для описания такого сложного явления как речевая коммуникация, тем более коммуникация спонтанная.
2. Для лингводидактики значение спонтанной речи трудно переоценить, т. к. одним из слабых звеньев в данной области является как раз проблема обучения спонтанности иностранной речи. Разработка теории речевых актов, теории коммуникации безусловно находит свое отражение в современных методиках преподавания, прежде всего, в более широком и разнообразном применении диалогической формы речи, в изучении максимально возможного круга коммуникативных ситуаций. Понятно, что одних только языковых навыков в современных условиях явно недостаточно. Речь все в большей степени идет о навыках коммуникации с разными носителями языка, возможно разных языков, в разных условиях и ситуациях. Под межкультурной коммуникацией понимают обычно коммуникацию между представителями двух разных культур. Думается, что проблема гораздо шире, т. к. вообще всю человеческую жизнь можно понимать как коммуникацию, а разные культуры могут существовать внутри одного социума, и не

всегда, разумеется, совпадение или различие культур тождественно совпадению или различию языков. *«С прагматической точки зрения не существует значимых различий между интеракциями наций и интеракциями людей»* (2, с. 95).

3. Мы исходим из предпосылки, что и к отдельному говорящему человеку, и к говорящему коллективу, и к речи как системному образованию может быть вполне применен в качестве объяснительного принцип, или механизм «функциональной системы». Этот принцип и сам термин был предложен выдающимся советским физиологом П. К. Анохиным еще до выхода первых работ по кибернетике, в 1935 году. Согласно Анохину, *«...ни один поступок, ни одна цель поведения не могут быть сформулированы без предварительного сопоставления внутренних и внешних сигнализаций организма, т. е. без афферентного синтеза»* (3, с. 145). Функциональная система с *«обратной афферентацией... по своей архитектуре...целиком соответствует любой кибернетической модели с обратной связью...»* (3, с. 137). Важно также, что *«процесс саморегуляции всегда имеет циклический характер...»* (3, с. 119). Можно обнаружить цикличность, основанную на обратных связях, во всех без исключения процессах, происходящих в сложных системах, будь то физиологические или общественные системы, в том числе в процессах речевых и мыслительных. Так, например, у Л. С. Выготского приводится схема развития детской речи: *«Действительное движение процесса развития детского мышления совершается не от индивидуального к социализированному, а от социального к индивидуальному»* (4, с. 57). Но ведь процессы речи и мышления неостановимы, и потому, если продолжить мысль Выготского, и речь, и мысль снова от индивидуального возвращаются к социальному, а затем наоборот, и доля социального и индивидуального различна от человека к человеку и от ситуации к ситуации. Интересно, что сам Выготский в несколько ином контексте демонстрирует именно такое, основанное на обратных связях, понимание речевых процессов: *«Обучение школьников иностранному языку опирается как на свою основу на знание родного языка. Менее очевидна и менее известна обратная зависимость между обоими этими процессами, состоящая в обратном влиянии иностранного языка на родной язык ребенка...»* (4, с. 202). Т. е. нет простых односторонних связей, любой процесс может быть описан при помощи обратных связей. В подтверждение этого сошлемся на мнение совре-

менных психологов: *«Для того, чтобы описать взаимозависимость между человеком и его окружением..., необходима концепция информационного обмена, или коммуникации», «...даже находясь в одиночестве, человек может вести диалоги в уме...Возможно, такая внутренняя «коммуникация» следует тем же правилам, какими руководствуется межличностная коммуникация...»* (2, с. 20, с. 43).

4. Материалом настоящего исследования послужили спонтанные тексты русской разговорной речи, записанные в 80-е годы сотрудниками и студентами Ленинградского университета в городах Заполярья, представлявших собой «исключительный социально-языковой феномен», т. к. это были новые города, куда съезжались люди со всех концов тогдашнего СССР, имевшие свои речевые особенности и вынужденные независимо от национальности говорить по-русски. Информантами служили люди разного пола и возраста, не имеющие высшего образования. Записывалась исключительно монологическая речь, для этого информантов просили рассказать о себе, о своей жизни, о работе, о войне, о городе. Запись производилась на магнитофон, затем расшифровывалась и транскрибировалась со всеми особенностями речи. Часть этого значительного массива текстов, состоящая из 19 текстов и включающая около 17,5 тысяч словоупотреблений, была опубликована в виде методических пособий для студентов. Возьмем в качестве примера типичный текст из этой выборки: это монолог мужчины 50-ти лет, родившегося на Украине, живущего на Севере 30 лет, шахтера. Объем текста – 1220 словоупотреблений. Некоторые предварительные результаты: 1.: даже фонетическая запись демонстрирует синтаксическую «размытость», выражающуюся в том, что знак //, обозначающий финальность, не только встречается реже, чем точка встречается в обычном письменном тексте (этот знак использован 107 раз, т. е. в среднем через каждые 11 слов), но встречается крайне неравномерно и иногда без всякой привязки к смыслу говорящего: между двумя знаками // может быть до тридцати-сорока слов, а может быть только одно слово «//вот//». То есть, мысль говорящего постоянно сама себя уточняет, поправляет, делает зигзаги и может в неожиданном месте наконец закончиться: *«Так / ну в Норильске я приехал в пятьдесят седьмом году / после демобилизации с армии / вот / в армии, значит, пришлось мне служить в Москве / служил там, значит, три года / мой товарищ / у него живет дядя в Норильске /*

предложил поехать, значит, в Норильск / на Крайний Север //» (10).

2.: Так называемые слова-паразиты явным образом имеют здесь структурирующую функцию: они заполняют и смысловые, и структурные паузы, распределяясь в тексте даже более равномерно, чем финальные знаки. В тексте слова такого рода употреблены 169 раз, самыми частотными оказались: «*значит*» – 58, «*ну*» – 43, «*вот*» – 42, «*конечно*» – 10. 3.: Речь в тексте идет о самом информанте, о его жизни и работе. Но важно здесь не столько о чем говорится, сколько – как именно говорится. Например, информант старается вести рассказ в определенной временной последовательности: из дальнего прошлого постепенно переходит к настоящему. При этом он испытывает потребность локализовать любое событие или эпизод, сориентировать его во времени и в пространстве (см., например, приведенную выше цитату из начала текста), эти ориентировки отмечены нами на протяжении всего рассказа и не связаны только, например, с «зачином». Так, словоупотреблений с «ориентировкой на местности» (это и названия городов и улиц, и общежитие, и тундра, и шахты и т. д.) в тексте 156, а с «ориентировкой во времени» (указание года, месяца, времени года, выражения типа «*на следующее утро*», «*с полгодика*» и т. п.) – 92. Наконец, 4.: При всем стремлении говорящего к временной и сюжетной последовательности структура речи никак не может быть названа строго последовательной и прямолинейной. Каждая новая мысль в какой-то момент начинает «топтаться» на одном месте, кружить, что выражается в многочисленных повторах одного и того же слова или сочетания слов, в подборе нужного слова. Вот несколько примеров: 1. «*Ну, город / как город нас встретил // Мы приехали в конце сентября / где-то в первых числах октября // Город нас встретил / маленький снежок был / ...*»; 2. «*...ну у обычно всех направляли на стройку // На строительство, значит / Горстрой, там Промстрой / разное здесь бывает // это Рудчерстрой / разные организации // Строился тогда здесь / угольный разрез / ну и город строился / Талнах строился сразу/очень много было строительства тогда //*»; 3. «*И он ехал сюда, чтобы у нас сейчас слышал, здесь есть шахты / здесь очень много шахт было / шахт восемь их было, наверно / или шесть – где-то так / очень много шахт было здесь // Угольные шахты были //*». Вот этот принцип организации спонтанной речи, а именно кружение или цикличность мысли и речи в поисках опорных точек, зацепок, сопровождаемая ориентировками

разного характера можно считать одним из основных механизмов спонтанной речи. А такой тип связи, обращенный говорящим на самого себя, называемый обычно рефлексией, можно обозначить как внутренняя связь.

5. Монологическая речь, как представляется, в более чистом виде дает возможность раскрыть механизм речи, поскольку она развернута только на две стороны (в отличие от диалога, более сложного в этом отношении), и связи образуются только по двум основным направлениям: социальное, или ситуация (в нашем случае – полуофициальные, доброжелательные отношения), и индивидуальное, или внутренняя связь, при этом опорными точками, пунктами его речи могут служить вовсе не слова (в этом случае можно было бы ограничиться привычным термином «ключевые слова»); это, наряду со словами и помимо них, могут быть образы, идеи, ассоциации, даже ощущения – словом, вещи, которые «притягивают» речь и мысль говорящего и, подобно вешкам, помогают ему ориентироваться в его собственной речи, направляют и структурируют его речь. Чтобы как-то обозначить это явление, воспользуемся математическим термином «аттрактор» (от англ. attract – 1. притягивать, привлекать; 2. пленять, прельщать). Этот термин встречается, например, в работах И. Пригожина: *«...некоторые характерные точки и линии, а именно фокусы и предельные циклы, известны математикам как аттракторы устойчивых систем...»* (11, с. 140). Сам И. Пригожин использует этот термин в более широком смысле, и прежде всего для «неустойчивых» систем.

Итак, информационно-коммуникативный подход к спонтанной речи представляется чрезвычайно плодотворным как с теоретической (выяснение механизмов речи), так и, безусловно, с практической точки зрения: например, для «спонтанного» обучения иностранной речи или для обучения иностранной спонтанной речи.

Использованная литература

1. Мечковская, Н. Б.: *Социальная лингвистика*. – Москва, АО Аспект-Пресс, 1994г.
2. Вацлавик, П., Бивин, Д., Джексон, Д.: *Прагматика человеческих коммуникаций: изучение паттернов, патологий и парадоксов взаимодействия*. М., Апрель-Пресс, изд-во ЭКСМО-Пресс, 2000г.
3. Анохин, П. К.: *Узловые вопросы теории функциональной системы*. М., Наука, 1980г.
4. Выготский, Л. С.: *Мышление и речь*. М., Лабиринт, 1991г.
5. *Методическая разработка по современному русскому языку. Спонтанные тексты разговорной речи в транскрипции*. Ленинград, изд-во ЛГУ, 1984г., ч. стр. 8–18.
6. Пригожин, И., Стингерс, И.: *Порядок из хаоса*. М., УРСС, 2003г.

Key words:

spoken language, spontaneous speech, communication, information, informant, monologue, feed-back, attractor

Summary

The article is devoted to some problems of spontaneous speech and communication. The author has tried to apply some principles of the theory of information to the investigation of the mechanism of spontaneous speech, the feed-back – principle in particular. Some texts of natural spontaneous speech are used for the research as a material.

СОЦИОКУЛЬТУРНАЯ ИНФОРМАТИВНОСТЬ ТЕКСТА В АСПЕКТЕ РКИ

Л. Н. Чумак, Беларусь, Минск

Внимание лингвистики последних десятилетий к постижению социокультурной информативности текста отражена в ряде работ Н. Ф. Алефиренко, Н. Д. Бурвиковой, Л. П. Крысина, А. Е. Михневича, Л. И. Харченковой и др. Актуальность таких исследований обусловлена активно формирующимися в настоящее время категориями лингвокультурологии и лингвокультуроведения как аспекта методики преподавания РКИ. В докладе освещаются следующие проблемы: 1. Лингводидактическое моделирование культуры. 2. Типология культурно маркированных единиц текста. 3. Методика презентации лингвокультурем в иностранной аудитории.

I. Лингводидактическое моделирование культуры. Культурообразующая концепция обучения иностранным языкам в настоящее время содержательным аспектом считает не систему языковых фактов, а иноязычную культуру.

Лингвокультуроведческое взаимодействие в процессе обучения диктует потребность представления оптимального объема страноведческих, социо- и этнокультурных знаний, ставит перед методистами проблемы выявления **культурного минимума** на разных этапах обучения и в различной языковой среде, формирования **социокультурной компетенции** иностранных учащихся, возникновения **лингвокультуроведческой интерференции** (например, при параллельном обучении восточнославянским языкам как иностранным), становления **сопоставительного лингвокультуроведения** [Чумак 2003]. Особую важность представляет проблема **единиц** описания и представления культуроведческого материала (логоэпистема, культурема, лингвокультурема), связанных с понятиями затекст, подтекст, вертикальный контекст, социокультурный контекст.

Проблема экспликации социокультурной семантики текста в настоящее время связывается прежде всего с выявлением и описанием культур-

но маркированных единиц текста. Социокультурная информативность текста связана в целом с идиоматичностью языка (идиоэтнизмом), с характером этнокультуры. Обзорная схема идиомем дана, например, в [Михневич 2003].

Культурная ситуация каждой страны неповторима и имеет множество неизвестных для носителя другой культуры нюансов. Язык же, по мнению лингвистов, обладает принципиальной способностью отражать любые экстралингвистические реалии. Известны и попытки моделирования иноязычных культур с целью лингводидактического описания. Так, для английского лингвиста Ладо, провозгласившего тезис «*лингвистика поверх границ культур*», культура – структурированная система моделированного поведения, которая может использоваться и в лингводидактике [Ладо 1989].

Модель культуры страны изучаемого языка может быть описана через определенную систему понятий и единиц: например, через понятие **культурема** как ситуации фоново-этнического уровня, если под культурой, вслед за А. Модем, понимать «сложный комплекс большого числа культурем и их ассоциаций» [Моль 1973]. Этот аспект нашел отражение в РКИ в разработке коммуникативных тактик речевого общения в работах Н. И. Формановской, Е. М. Верещагина, Ю. Е. Прохорова, Г. Д. Томахина и др.

Язык – продукт культуры, ее составной компонент. И если основной единицей культуры выступает культурема, то в лингвокультурологии как новой комплексной дисциплине, исследующей взаимосвязи языка и культуры, – лингвокультурема. Лингвокультурология, на наш взгляд, направление гораздо более широкое, чем лингвокультуроведение как аспект методики преподавания РКИ. Под **лингвокультуремой** мы понимаем единицы языка разных уровней, в том числе и синтаксические, отражающие не только соответствующие культурные реалии, но и ситуации и отношения, т. е. единицы с культурным компонентом значения. Восприятие и осознание культурно маркированных единиц текста – лингвокультурем – способствует постижению социокультурной информативности текста, придает интерес к познанию не только национальных культурных традиций, но и способов их формулирования и выражения в языке.

При формировании лингвокультурем происходит аккумуляция нормативных характеристик явлений в данном лингвокультурном обществе определенного периода. Их употребление имеет не индивидуальный,

а социально закреплённый характер, поэтому наличие знаний национально-культурных и социально-политических особенностей жизни носителей данного языка, т. е. фоновых знаний, является необходимым для понимания их смысла. Лингвокультура могут функционировать в различных типах текстов, но прежде всего это проектные тексты [Е. М. Верещагин, В. Г. Костомаров 1990] – художественные, публицистические и разговорные. Социокультурная информативность текста задаёт особые проблемы при обучении иностранному языку и выступает одной из актуальнейших в РКИ.

К началу XXI в. в методике преподавания РКИ в качестве единиц обучения выступают два вида текста.

1. Микротекст, или сложное синтаксическое целое, под которым, в концепции О. И. Москальской, понимается объединение при помощи языковых средств разных уровней минимум двух самостоятельных предложений, реализующих одну микротему, который по форме часто совпадает с абзацем. Микротекст имеет признаки как единицы языка, так и единицы речи.
2. Прецедентный текст, или высказывание, или лингвокультура [Чумаков 2002].

Тезис А. А. Потёбни о конденсации, свертывании сюжета до мотива, а мотива до поговорки, фразеологизма в полной мере приложим и к процессу создания в языке новых фоновых словосочетаний и выражений, т. е. лингвокультурем. В результате свертывания пропозиции, обозначающей социокультурную ситуацию, они номинируют, как правило, уже не конкретные реалии, а целые ситуации или отношения между участниками событий. Например: *митинговое право, новые русские, парад суверенитетов* и др. Следовательно, за идиоматикой стоит закодированный длительным употреблением текст.

II. Типология культурно маркированных единиц текста. Учитывая и обобщая литературу по данной проблематике, можно выделить четыре основных типа культурно маркированных единиц, используемых в практике обучения иностранцев, т. е. могущих быть единицами обучения.

1. **Лингвокультура с национально-культурной семантикой** – пословицы, поговорки, фраземы, фольклоризмы, воплощающие черты национального самосознания, национальные нравственные приоритеты

и системы оценок. Это тот набор единиц, который составляет национально-культурную парадигму данного этноса [Прохоров 1999]. Национально-культурная самобытность языка, по характеристике В. Н. Телии [Телия 1993], формируется как совокупность «эталонного и стереотипного в основе языкового знака», соотносится с культурно-национальным миропониманием как фоновым знанием данной лингвокультурной общности. Процессы фразеологизации способствуют закреплению в литературном языке национально-культурного компонента семантики языковой единицы и тем самым сохранению идиоэтнического в системе языка. Таким образом, в системе языка аккумулируется национально-культурная информация, связанная с языковой традицией.

По мнению Н. И. Толстого, национально-культурный, или этнолингвистический, анализ имеет ретроспективную направленность, оперирует исторически значимыми данными [Толстой 1995].

2. **Лингвокультуремы с социокультурной семантикой** – анекдоты, лозунги, официальные клише, воплощающие особенности определенного социокультурного периода в развитии нации. Они реализуют социокультурную парадигму этноса.

По мнению Н. И. Толстого, социолингвистический анализ базируется на языковом материале сегодняшнего дня и рассматривает его в коммуникативно-функциональном, структурно-описательном и нормативном аспектах, имеет перспективную (прогнозирующую) направленность.

Таким образом, проблема соотношения социально- и национально-культурного в семантике языка затрагивает проблему синхронного и диахронного изучения языка. В формировании языковой картины мира соучаствуют, диалектически взаимодействуя, социальное и национальное: социальное дает материал, а национальное его оформляет.

3. **Лингвокультуремы, воплощающие общечеловеческие ценности** – библеизмы, единицы христианской культуры, сюжетно-образные архетипы Античности как истоки европейской культуры. Сюда можно включить также заглавия, образы и символы прецедентных текстов, ставшие достоянием европейской или мировой культуры, например: *Быть или не быть?*; *Горе от ума* и др.

4. Особую группу составляют **модификации** на основе названных **лингвокультурам**, обусловленные новым прочтением их «в большом времени культуры» (Бахтин 1995), наиболее часто представленные на газетной полосе, например: *Пить или не пить? Горе уму* и др.

III. Методика презентации лингвокультурам в иностранной аудитории.

Необходимость дифференциации культурно маркированных единиц обусловливается тем фактором, что каждый тип лингвокультурам требует своей методики а) семантизации; б) описания способов формулирования в языке; в) лингвокультуроведческого, или лингвострановедческого, комментария; г) выявления типовых ситуаций использования в речи или социокультурных контекстов их функционирования.

Особое место в межкультурном диалоге занимает сопоставление-перевод как способ семантизации и усвоения единиц иноязычной культуры иностранными студентами через призму родного языка и родной культуры. Основанием для сопоставления лингвокультурам разных типов являются разные виды эквивалентности [Швейцер 1988].

На основании вышеизложенных критериев лингводидактическая интерпретация каждого типа лингвокультурам может быть следующей.

1. Наиболее разработана и описана в литературе методика презентации лингвокультурам с национально-культурной семантикой. Отметим лишь, что при семантизации идиоматичных единиц возможно обращение к двуязычным фразеологическим словарям. Лингвокультуроведческий комментарий – этнолингвистические методы, основанные на исторической ретроспективе с целью определения первичной номинации фразеологизма или пословицы. Вид эквивалентности – коннотативная. Например, о жадном человеке: *У него снега зимой не допросишься* (рус.) – *Человек с красными глазами* (китайск.). От сопоставления лингвокультурам мы подходим к сопоставлению культур, особенностей национального мировосприятия.
2. Значение лингвокультурам с социокультурной семантикой не идиоматично. Они выступают как продукт компрессии фоновой информации, поэтому лингвокультуроведческий комментарий сводится к воссозданию компрессированного текста, т. е. социального контекста. Например: *«трикотажная» зарплата* – оплата за труд работникам трикотажной фабрики собственной продукцией в условиях экономического кризиса – *На «трикотажной» зарплате долго не проживешь*

(из газ.); *телефонное право* – указания по телефону партийной номенклатуры, нарушающие законодательство и поэтому не оформляемые официально – *Телефонное право у нас продолжает работать; В ход пошли телефонное право, упование на молодость сына* (из газ.) и др.

Семантизация затрудняется отсутствием словарей, отражающих социокультурные стереотипы речевого общения. Ввиду отсутствия эквивалента в других языках, способом перевода является раскрытие смысла выражения через лингвокультуроведческий комментарий, т. е. заполнение лакуны. Важно сохранить при этом прагматическую эквивалентность, т. е. определенную установку на получателя.

3. Подобно интернационализмам в языке, лингвокультуремы третьего типа являются опорой при усвоении культурной информативности текста. Вид эквивалентности – денотативная, предусматривающая сохранение предметного содержания, например: *Ноев ковчег, яблоко Ньютона* и под.
4. Неологизмы и окказиональные образования на основе афоризмов, пословиц и других прецедентных выражений в процессе их семантизации прежде всего требуют обращения к своей исходной модели. Например: *Волчек бояться - в «Современник» не ходить*. Модификации лингвокультурем приводят к наслоению социокультурной информации на национально-культурную.

В результате осмысления культурем и лингвокультурем у учащихся формируется социокультурная компетенция, которая, в свою очередь, является составной частью коммуникативной компетенции, которая дает возможность активно общаться с носителями языка и сопереживать в их оценках системы отношений в данном обществе. Методической целью такого подхода в обучении является формирование языковой личности на рубеже культур, т. е. владеющей не только иностранным языком, но и иностранной культурой.

Очевидно, что предложенная концепция выявления и описания культурно-маркированных единиц текста не отражает всего многообразия реализации социокультурной информации в тексте, однако данная классификация может быть использована для развития концепций лингвокультурологии и в преподавании РКИ.

Использованная литература

1. Бахтин, М. М.: *В большом времени*. In: Бахтинология: Исследования, переводы, публицистика. «Алетейя», СПб. 1995, с. 7-9.
2. Верещагин, Е. М., Костомаров, В. Г.: *Язык и культура. Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного*. «Рус. язык», М. 1990.
3. Ладо, Р.: *Лингвистика поверх границ культур*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. XXV. Контрастная лингвистика. «Прогресс», М. 1989. С. 32-62.
4. Михневич, А. Е.: *Синоптическая схема идиомем языка: опыт построения*. In: Язык и социум. Мат-лы V Междун. научн. конф. 6-7 дек. 2002 г., Минск. В 2ч. Ч 1. Минск 2003. С. 49-51.
5. Моль, А.: *Социодинамика культуры*. «Прогресс», М. 1973.
6. Прохоров, Ю. Е.: *Лингвострановедение. Культуроведение. Страноведение*. М. 1999.
7. Телия, В. Н.: *Культурологический компонент фразеологии*. In: Язык и культура, Вторая международная конференция. Тезисы. Киев, 1993. Ч. 1. С. 69-70.
8. Толстой, Н. И.: *Язык и народная культура. Очерки по славянской мифологии и этнолингвистике*. «Индрик», М. 1995.
9. Чумак, Л. Н.: *Сопоставительное лингвокультуроведение: принципы, методы, словари. Доклад на X Конгрессе МАПРЯЛ*. Минск, 2003.
10. Чумак, Л. Н.: *Текстоцентрическая концепция обучения языку на пороге 21 в.* In: Studia wschodnioslowiańskie. № 2. Białystok, 2002. С 130-140.
11. Швейцер.: *Теория перевода*. «Наука», М. 1988.

Key words:

cultural-marked text units, linguaculturema, types of linguaculturemas, social-cultural semantics, phonal word-combinations

Summary

The problems of the lingua-didactic modeling of culture are raised in the report, the classification of cultural-marked text units and methods of representation of the linguaculturemas in the foreign auditorium.

ВАРИАТИВНЫЙ РУССКИЙ ЯЗЫК В ПОЛИЭТНИЧЕСКОМ СОЦИУМЕ

Евгения Яковлева, Российская Федерация, Уфа

«А языку - чем чуднее, тем милее».

В. Распутин

Это аксиома, что язык развивается вместе с обществом, и, перефразируя известное высказывание, можно сказать, что каждый народ заслуживает того языка, на котором он говорит. В живой речи, как отмечал А. Ф. Лосев в своей книге «Диалектика мифа», всегда присутствует стихия особого качества; здесь нет серединности, умеренности, скованности; есть порыв, богатство и грубость, точность чувств, колорит и юмор, сатира и сарказм; никогда нет канцелярщины, схематичности, безразличия, плоскости; но всегда: индивидуальность, страстность, объемность, свет и тень, сладость видения, перспектива и выразительность. Причина заключается в том, что малейший акт нашего сознания пронизан личностным восприятием. Одна и та же вещь в живой речи может иметь множество имен, так как она допускает множество различных интерпретаций. Да и сам процесс языковых изменений можно интерпретировать как результат подстройки всей системы языка к новым задачам и целям коммуникации (См.: Супрун 1978, 95).

Приведем в качестве примера разговор в троллейбусе явно незнакомых пожилых людей (русскоязычной женщины и тюркоязычного мужчины), обсуждающих нравы современной молодежи. М.: *«Да, со всем мир изменился, все испортилось»*. Ж.: *«Наверное, БОГ... [взглянув на соседа, как бы 'примеряя' слово] АЛЛАХ отвернулся от нас»*. Как видим, здесь слово «*бог*» женщина вполне осознанно изменила на «*аллах*», демонстрируя тем самым желание говорить «на одном» языке. Подобные наблюдения над речевым поведением говорящих в полиэтнической среде (Уфе) весьма интересны: на лингвистической карте города обозначены и взаимодействуют славянские (русский и его диалекты, украинский, белорусский), тюркские (башкирский, татарский, чувашский), финно-угорские (марийский, мордовский, удмуртский) и другие языки. Такая

языковая мозаика значительно расширяет ассортимент речевых средств говорящих, позволяя эффективнее реализовывать риторическую компетенцию и добиваться получения максимального воздействия на слушающего. При этом весьма часто наблюдается выход за кодифицированные нормы русского языка, когда цель «сказать эффективно» превалирует над «сказать правильно». Это подтверждает мысль, высказанную Эженом Коссериу о том, что *«с точки зрения языковых навыков постоянно наблюдается несоответствие между знанием системы и знанием нормы»* (Коссериу 1963, 236).

В качестве яркой черты устной русской речи Уфы, демонстрирующей ее вариативность, можно считать наличие в ней ТЮРКИЗМОВ, под которыми мы понимаем не только башкирские, татарские или чувашские слова, но любые тюркские языковые элементы (фонетические, просодические, словообразовательные, морфологические, синтаксические). При этом отмечается их вполне осознанное использование русскоговорящими, так как подобное словоупотребление связано с риторической разработкой субъектом речи всего высказывания в целом. Каждый тюркизм, включенный во фразу, обладает прогнозируемым прагматическим зарядом, являясь своего рода прагмасинонимом (Яковлева 1998). Воздействующая сила речи – важнейшая, если не основная её функция. Не случайно еще Ф. Ф. Фортунатов писал о трех видах побуждений, характерных для языка: вызвать у другого лица соответствующую мысль; повлиять на волю другого лица; выразить, обнаружить особые чувствования, соединяющие говорящего с его мыслью (Фортунатов 1956, 128).

Психологическая причина легкости усвоения тюркизмов русскими кроется в том, что эти единицы заполняют около половина речевого пространства города: на тюркских языках говорят рядом, на них могут общаться не только друзья, но и члены семьи, ведутся радио- и телепередачи, они подкрепляются письменными текстами, причем зачастую дублируя друг друга, например слоганы на городском транспорте: *«Пейте СОСА-COLA - Эсегез* СОСА-COLA»* или праздничные лозунги: *«Добро пожаловать! - Рахим итегез!»*. Таким образом, многие тюркские слова и выражения всегда на слуху (на виду), их подсказывает сама ситуация общения.

Вариативность выражений, о которой здесь идет речь, обусловлена прежде всего тем, что лингвисты различают когнитивное и языковое сознание. При этом если когнитивное сознание связано непосредственно

с познанием объектов реальной действительности, то языковое – нацелено в основном на обеспечение индивиду эффективной коммуникации и воздействия. В свете данной идеи становится важна не столько полнота отражения картины мира, сколько фиксация лишь тех ее знаковых сторон, которые *«улучшают возможности общения»* (Соссюр 1977, 186; Шмелев А. Г. 1983, 50; Гальперин 1977, 98–99 и др.). Вариативность речи делает заметным существование явного противоречия между динамично развивающимся личностным мыслеречевым и коммуникативным опытом, с одной стороны, и более или менее статичным коллективным языковым знанием – с другой. Кроме того, асимметрия языкового знака (С. Карцевский), неравномерность его развития способствует появлению не только многозначности, но и синонимии (возможность появления нового означающего у старого означаемого).

Это особенно ярко проявляется в устной речи, спонтанной и зависящей как от цели общения, самих коммуникантов, так и от иных параметров непосредственной ситуации общения, продуцирующих реальные единицы речевой деятельности – речевые акты (РА). (Новое... 1986).

Нам представляется, что, анализируя различные РА как целенаправленные действия с помощью слова, совершаемые в соответствии с принципами и правилами поведения, принятыми в данном обществе, можно получить оптимальные результаты в плане изучения особенностей речевого поведения русскоязычных горожан в полиэтническом социуме. В этом случае «теория употребления» позволяет расширить границы лингвистики за счет лингвопрагматики, когнитивной семантики, психолингвистики и других подобных дисциплин.

Тюркизмы, используемые в уфимском варианте русской речи, представляют собой весьма удобный материал для демонстрации региональных вариантов высказываний. Как показатель широкой задействованности этих единиц, можно отметить, что, к примеру, в русском переводе романа Дж. Кикбаева «Родные и близкие» их отмечено более 200.

Ограничившись в данной работе исследованием только лексики, позволим выделить две основные разновидности тюркизмов:

1. Слова, которые «монтируются» в русскую фразу потому, что лексические пространства языков не совпадают. Чаще всего здесь отмечаются:

- а) топонимы – *Авзян, Инзер, Караидель, Кызылташ, Сакмара, Янган-тау*;
- б) антропонимы – *Вакиль, Зия, Салават, Насима, Ягафарова*;
- в) «бытовизмы» (названия одежды, пищи, жилища, предметов обихода, украшений, музыкальных инструментов и пр.) – *ичиги, баурсак, буза, кумыс, кызыл эремсек, чак-чак, кубыз, кумган, камча, юрта*;
- г) термины родства – *атай, бабай, бала, енге, килен, няняй*;
- д) названия народных праздников – *сабантуй, ураза-байрам*;
- е) названия магазинов, кафе, театров, аптек и т. п. – *Шатлык, Уныш, Нур, Акбузат, Табиб* и др.

Как правило, такие слова вошли в русский язык исторически давно и уже ассимилированы словарем, почему большинство из них и осознаются как «свои», исконные: *«У нас скоро САБАНТУЙ – дочь замуж выдаем!» «Сначала ПОСТ у нас, потом РАМАЗАН у вас, так что кушать будем по очереди!»*.

2. Тюркизмы, имеющие русские варианты. Например: местоимения – *мин* (я), *син* (ты), *минен* (мой), *узям* (сам), *нисяк* (как); наречия – *барабир* (все равно), *якши* (хорошо), *айбат* (ладно), *хазер* (сейчас); прилагательные – *ак* (белый), *кара* (черный), *матур* (красивый), *зур* (большой); числительные – *бир* (один), *ике* (два), *уц* (три); существительные *акча* (деньги), *баш* (голова), *байрам* (праздник), *буляк* (подарок), *калам* (ручка), *китап* (книга), *урман* (лес), *ширна* (спички); глаголы – *ашау* (есть), *белеу* (знать), *биреу* (дать), *килеу* (идти), *китеу* (уходить), *яратау* (любить) и пр. Данные слова в конкретном РА превращаются во вторичные наименования, прагмасинонимы, т. е. слова, обладающие особой действенной силой, эффективностью и используемые исключительно в прагматических целях. В конкретном высказывании подобные слова получают субъективную эмоциональную оценку (положительную, отрицательную), навеянную их фонетическим обликом, неожиданной ассоциацией и т. п. факторами, заодно реализуя поэтическую и «терапевтическую» функции разговорной речи. Не случайно, в свое время Мустай Карим писал, говоря о русском языке, что чужое слово помогает ему *«глубже постичь тайны родного языка»*. Именно поэтому так забавно выглядят «макаронистические» поговорки: *Ашал, ашал (ел, ел), кушак мешал,*

кушак снимал - еще ашал; Фильм битте - зритель китте (фильм кончился – зрители ушли); *Мин син яратам* (я тебя люблю), *приходи к воротам*; сюда же можно отнести и шутивную переделку фамилии М. А. Зайцева (бывшего председателя Госсобрания РБ) на *Куянов* (от *куян* – заяц).

Итак, в русских РА тюркизмы второго рода используются преднамеренно, с определенными задачами и на основе конвенциональности, «взаимодоговоренности». Главной целью здесь можно считать достижение «речевого воздействия» на слушателя, побуждение собеседника к осуществлению совместной деятельности или к отказу от нее, изменение эмоционального состояния коммуникантов.

Ученые выделяют самые различные типы РА: одни из них воздействуют на эмоции, другие – на разум, третьи – на волю, четвертые – на физические рефлексы. Если же учитывать иллокутивную силу (термин Дж. Остина), интересы коммуникантов и их психологическое состояние, то можно выделить: информативные РА (напр., сообщение, суждение); РА побуждения (напр., приказ, вопрос, просьбу, уговоры); РА, выражающие эмоциональное состояние говорящего (напр., жалоба, мольба), куда входят и формулы речевого этикета, и др. РА можно также классифицировать и со стороны речевых действий – одношаговые (приказ, назначение, шутка) и двухшаговые (просьба – согласие/отказ, вопрос – ответ/умолчание). Кроме того, по стилю исполнения РА можно подразделить на вежливые, не вполне вежливые и грубые (Новое... 1986).

Эффективность РА во многом зависит, во-первых, от способности говорящего выполнять правила ведения речи (принципы кооперации Г. П. Грайса; принципы вежливости, иронии, поддразнивания Дж. Лич). Во-вторых, от умения слушающего опознать иллокутивную силу РА, то есть «коммуникативную направленность высказывания», выраженную лингвистическими или паралингвистическими средствами.

В каких же русских РА мы наблюдаем использование тюркизмов? Рассмотрим некоторые из них.

РА приветствия, благодарности, поздравления и пр. Эти речевые действия можно охарактеризовать как разновидность и вертикального (вышестоящий – нижестоящий), и горизонтального (равный с равным) коммуниктивного поведения, причем в мусульманской этнокультуре больше распространена первая, например, при общении женщины

и мужчины, руководителя и подчиненного, старшего и младшего. Использование тюркизмов русскими усиливает фатическую направленность РА, наглядно демонстрируя стратегию говорящего с помощью «слова-пароля» стать «своим». Описывая фазу иллокуции (иллокуция, намерение говорящего, его мотив и цель) в терминах метаязыка А. Вежбицкой от лица субъекта речи, можно это представить так: «Х знает, что, употребив тюркизм, сделает Y приятно, так как продемонстрирует ему свою вежливость, покажет, что он – 'свой' и даже поставит себя в несколько 'заниженное' положение по отношению к адресату речи». Например, «*Байрам минен!* (с праздником), *Фарид!*»; «*Салам, коллеги!*»; «*Зур рахмат* (большое спасибо), *Марфуга!*» и др.

Поддерживать контакт и доброжелательную тональность общения помогают тюркские обращения: *ана* (тетя), *няняй* (бабушка), *бабай* (дедушка), *ага(й)* (дядя), *кызым* (дочка), *малай* (парень); реплики *айе* (да), *китале* (что ты/иди ты)! С другой стороны, часть тюркизмов может использоваться с намерением прервать контакт: *апайка*, *кызларки*, *кызымка* (нарочито грубые обозначения тюркоязычных женщин + русские словообразовательные форманты).

РА просьбы. Просьба – это такое речевое действие, которое заставляет говорящего испытывать определенный психологический дискомфорт, поскольку ставит его в зависимое положение от слушающего: ведь адресат речи должен что-либо сделать не в свою пользу, чем-то поступиться, то есть здесь речь идет о вертикальном коммуникативном поведении. Именно поэтому большинство людей «просить» не любит (вспомним знаменитый совет булгаковского Воланда: «Никогда не просите...»). Даже в магазине мы предпочитаем выразить просьбу скрыто, фразой, подобной «*Можно посмотреть эту кофточку?*», вместо того, чтобы сказать: «*Покажите, пожалуйста...*»; «*Дайте, пожалуйста...*»; «*Разрешите посмотреть*» и т. п.

Тюркизм по-своему помогает разрешить данную проблему, умножая иллокутивную силу РА и увеличивая перлокутивный эффект, который угадывается по той или иной реакции адресата речи. Так, в высказывании: «*Ой, кошелек дома забыла! Люсенька, БИРЯЛЕ (дай) мне, пожалуйста, АКЧА!*», говорящий, заменяя русские слова, намеренно выбирает особую манеру речи и при этом как бы занижает психологическую «ценность» объекта просьбы, снимает момент его акцентирования (не деньги, а *акча*, не спички, а *ширна*, не ручка, а *калам* и пр.). Во-вторых, если адресат би-

лингв, то усиливается контактоустанавливающая функция РА: субъект речи как бы дополнительно подтверждает, что он «свой», а не «чужой», поскольку знает особую манеру речевого поведения. Если же слушающий русский, то у него появляется возможность «не понять» просьбу, и у говорящего имеется шанс отступить, «не потеряв лица». Таким образом, тюркизм как бы выполняет следующие функции:

- а) ПАРОЛЯ, демонстрируя принадлежность коммуникантов к одному кругу общения;
- б) ЗАГАДКИ, шифруя объект просьбы и позволяя говорящему осуществлять необходимые для сохранения положения «равновесия» коммуникативного акта речевые манипуляции;
- в) СИГНАЛА авторской осторожности, своего рода «реплики в сторону».

РА просьбы – двухшаговое действие, требующее соответствующего ответа. И здесь также, регулируя «вентиль» иллюкутивной силы, субъект речи, отвечая на просьбу, может использовать тюркские слова *айе* (да) или же *йок* (нет), повышая или занижая перлокутивный эффект.

Оценочные РА. Использование тюркизмов в данных РА дает возможность говорящему расширить арсенал тактических приемов речевых действий. Так, включение заимствований в РА осуждения позволяет либо «сгладить» тюркизмом негативную оценку, снизив инвективную силу высказывания, например: «*Ну и КУРСАК (живот) ты себе отрастил!*» «*Ну ты и ХАЙВАН (скотина)!*»; либо, напротив, «заострить» отрицательный момент: «*Что ты нарядилась, как АПАЙКА!*»; «*Ну, ты шустер, МАЛАЙКА (мальчик + рус. формант - ка)!*» «*Ох и сынок у него, настоящий АРМАЙ (хулиган)!*» «*Хватит тебе АЛЛАЛАКАТЬ (ТАЛАМАКАТЬ) (говорить непонятно)!*» «*Откуда такой БЕЛЬМЕС (здесь: бестолочь) взялся?*» «*Ты, ШУШКА (чушка, поросенок), иди умываться!*»

Достаточно часто в оценочные РА включаются тюркские прилагательные, наречия: «*Смотри, какой у этих туфель ЗУР каблук!*» (Показывая на непрожаренный беляш): «*Это не ВАК-БЕЛЯШ (пирожок с мясом), это же АК-БЕЛЯШ (белый)!*» «*Цены каждый день поднимаются, прямо АПТРАГАН какой-то! (здесь: ужас)!*»

В РА комплимента, переименование позволяет переключить стиль коммуникации в иронический ключ, «замаскировать» похвалу, поскольку, как известно, в русской этнокультуре не принято хвалить ни себя, ни дру-

гих. «- *Вот, купила себе платье. - Ну, МАТУР, очень даже МАТУР!*»; «*Вот и славненько, вот и АЙБАТНЕНЬКО*»; «*Ты прямо-таки у нас САНДУГАЧ (соловей), распелась как!*».

В РА оправдания тюркизм также усиливает действенность фразы: «*А мне все это БАРАБИР!*»; «- *Почему чай плохо заварен? - Так БИТ (ведь вода!)*»; «*Да я же совсем НЕ БЕЛЬМИН (не знаю!)*» «*Что я тебе, ХАБИБУЛЛИН (здесь: нерусский) какой-нибудь?!*» (Кстати, аналогичную функцию выполняют и в тюркской речи отдельные русизмы, например, негативная оценка русской женщины - *маржя* (Марья, русская).

Используются тюркизмы и в РА приказа, причем здесь наблюдается своего рода энантиосемия: при обращении к билингу перлокутивная сила фразы «*Кит! Кит але отсюда (уйди, убирайся!)*» увеличивается, а при обращении к русскоязычному - уменьшается.

РА приглашения, если в нем задействован тюркизм, позволяет усилить контактную функцию, разрядить напряженную ситуацию, создать доброжелательный тон общения: «*Киляле (пойдем) со мной в магазин!*»; «*Утар, утар (садись), сейчас ЩАЙ пить будем!*» «*Ну, давай, ашай (ешь), не стесняйся!*»

РА вопроса позволяют при использовании известных русскоязычным конструкций типа «*Кая барасын? (куда идешь?)*» снизить фактор «любопытства», сгладить «невежливость» фразы.

РА ответа может выглядеть приблизительно так: «*Мин (я) с тобой согласен*».

С помощью тюркизмов имеется возможность также выразить свои эмоции: «*Вах! Ай, аллах! Шайтан тебя поберу!* Или же усилить угрозу, как в детской «страшилке»: «*Вот сейчас БАБАЙ придет и тебя заберет!*»

Очень часто говорящий, используя РА с включением тюркизмов, преследует дополнительную цель языковой игры, например: «[Стоя на остановке автобуса]: *Суук ма (холодно!)*»; «*Вон автобус КИЛЯ!*» Или: «*Вы уже к Пасхе КУКАЙКИ (яйца) покрасили?*» Подобные включения позволяют продемонстрировать филологическую компетентность говорящего, его коммуникативные способности и творческий потенциал, играя со словом, «*структурировать время*» (Кьеркегор). Ведь демонстрация своего «Я» - один из важнейших стимулов человеческого общения. Например, такое высказывание, услышанное в обувном магазине: «*Подозрение БАР (есть), что здесь и кожа-то не шибко присутствует*».

Внимание к звуковой стороне слова позволяет говорящему копировать манеру речи нерусских, при этом субъект речи «развлекается», педалируя акцент и добиваясь нужного ему эффекта. Так, нейтрализация согласных по признаку глухость/звонкость дает возможность имитировать чувашскую речь, отсюда известная шутка: «- *Наш ПЕЛЕПЕЙ (Белебей) ПОРТОВЫЙ КОРОТ (город)*. - Почему? - *А там КЪРАБЛИ (грабли) делают!*». Или анекдот, в котором используется восточная просодика: «- *Ахмет, Христос воскрес! - Вай, маладэс (молодец)!*»

Пополняют фонд местных шуток и своеобразные макаронизмы типа:

- а) псевдомифонимов – *Автоген-башка (Змей Горыныч), Колотун бабай (Дед Мороз), Гуталин малай (негр), Кашмар апа (баба-яга), Ишак матрас (зебра)*;
- б) оборотов: *Мы уже отсабантушились (отпраздновали)! Откливвай отсюда (уйди)! Сколько уже сагатов (часов) натикало? Ты жива еще, моя няняйка? Жив и я, САЛАМ, тебе, САЛАМ!*
- в) эпитетов: *антрагантистыйц (плохой), шайтанистый (чертов), кызымский (бабский) и пр.*

В свое время Герман Пауль отмечал: «*Способность языка к постоянному преобразованию неотделима от его природы*». Наш язык живет, варьируя свои возможности, однако все изменения мы часто квалифицируем только как «погрешности», «порча», не замечая, что в этом-то и заключается его жизнь. Как отмечает немецкий лингвист Руди Келлер, «*вариативность в области культуры не предоставлена, как в природе, на милость случая. Она возникает большей частью благодаря творческой способности человека, превосходящего отбор. А нужда, как известно, делает изобретательным. <...> Говори так, чтобы быть социально успешным*». (Келлер 1997, 187).

Использованная литература

- Вежбицка, А.: *Речевые акты*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985, с. 251–275.
- Гальперин, Т. П.: *Языковое сознание и некоторые вопросы взаимоотношения языка и мышления*. In: Вопросы философии, N 4, 1977.
- Гловинская, М. Я.: *Русские речевые акты и вид глагола*. In: Логический анализ языка: Модели действия. – М., 1992 и др.

- Келлер, Руди.: *Языковые изменения: о невидимой руке в языке*. Пер. с нем. и вступ. ст. О. А. Костровой. – Самара: Изд. СамПГУ, 1997.
- Коссериу, Э.: *Синхрония, диахрония и история*. In: Новое в лингвистике. Вып. III. – М., 1963.
- Остин, Дж. Л.: *Слово как действие*. In: Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17: Теория речевых актов. – М.: Прогресс, 1986.
- Соссюр, Ф.: *Де Курс общей лингвистики*. In: Ф. де Соссюр. Труды по языкознанию. – М., 1977.
- Супрун, А. Е.: *Лекции по языковедению*. – Минск: БГУ, 1978.
- Фортунатов, Ф. Ф.: *Язык в процессе мышления и в процессе речи*. In: Фортунатов Ф. Ф. Избр. тр. Т.1. – М., 1956.
- Шмелев, А. Г.: *Введение в экспериментальную психосемантику: теоретико-методологические основания и психодиагностические возможности*. – М., 1983.
- Яковлева, Е. А.: *Прагматическое поле как словесно-речевое функциональное объединение*. In: Вестник Башкирского университета, N 5, 1998.

Key words:

sociolinguistics, Vanicular Russian, Turkic borrowings, Speech act, Communication, ets

Summary

The report aims at investigating most actual problems of sociolinguistics. It explores to vanicular Russian, used in Bashkortostan alongside with the Turkic borrowings used by russian-speakings citizenry in different speech acts.

D. FRAZELOGIE

УВЕРЕНИЕ И КЛЯТВА В ЗЕРКАЛЕ РУССКО-СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Дарина Антомякова, Словацкая Республика, Прешов

В русском и словацком языках находится довольно много фразеологических единиц (далее ФЕ) и иных устойчивых словесных комплексов, которыми выражается целая шкала меры уверения и клятвы. В данной статье под уверением понимаем «заявление, сделанное с целью убедить кого-либо в чем-либо» (СРЯ 1984, Т.4), а клятву как «уверение в чем-либо, подкрепленное упоминанием чего-либо священного для того, кто уверяет, обещает» (СРЯ 1983, Т.2).

У русского народа сложилось особенное, святое отношение к земле. Оно выражалось и в так называемых «земных поклонах», когда при встрече с наиболее уважаемыми людьми кланялись до самой земли, касаясь ее лбом, или ударяли оземь шапкой. Сергей Максимов в книге «*Нечистая, неведомая и крестная сила*» пишет о том, что «*всякая нечистая, дьявольская сила, от крестного знамени и воскресной молитвы проваливается не иначе как 'сквозь землю', не оскверняя святости земных недр*» (1989, с. 152). Самым большим несчастьем для наших предков считалось быть незахороненным. Здесь, по словам автора, нужно искать основу самой страшной народной клятвы, перед которой отступает всякое подозрение. На основе этой веры, т. е. веры в святость и чистоту родной земли развились следующие ФЕ: *Провалиться мне – Nech sa prepadnem; Провалиться мне на этом месте (сквозь землю, в тартарары), Не сойти мне с этого места, Чтоб я сквозь землю провалился – Nech sa na mieste prepadnem*. Все названные ФЕ выступают в значении клятвенного заверения в чем-либо.

А. Н. Афанасьев пишет о том, что в спорных делах о земле и межах употреблялся юридически признанный обряд «*хождение по меже с глыбой земли*». Один из спорщиков клал себе на голову кусок земли, вырезанный вместе с травой на самом спорном поле, и шел с ним в том направлении, где должна была проходить законная граница. Это показание принималось за полное доказательство. Многие народы почитали усы и бороду, потому что верили, что в них обитают души умерших пред-

ков. Поэтому при клятве придерживались обычая прикоснуться рукою к волосам на голове или бороде. Клятва скреплялась и целованием земли (1865–1869, Т.1). Устойчивое выражение *Клясться бородой* говорит о том, что человек клянется именем чего-либо дорогого. Уважительное отношение к земле находим и в следующих формулах, где земля выступает в неразрывной паре с небом, выражая весь мир. Сравни: *Клясться небом и землей* – *prísahať na nebo a zem*; *Призывать в свидетели небо и землю* – *privolávať za svedkov nebo a zem*; *Пред небом и землей (признать)* – *pred nebom a zemou*.

Во ФЕ словацкого языка тоже отразилось почетное отношение к земле. Приведем примеры: *To je taká pravda, ako že mám zem pod nohami* – это такая правда, как факт, что у меня земля под ногами; *Skôr sa nebo na zem zrúti, ako...* – скорее небо на землю свалится, чем...; *Prv sa tie hory zrúti, ako...* – скорее горы упадут, чем... ФЕ *Nech sa na mieste prepadnem*; *Nech ma zem prehltnie* соответствуют русской ФЕ *Провалиться мне на этом месте*. ФЕ *Nech sa z toho miesta nepohnem* имеет эквивалент *Не сойти мне с этого места* [если это не так]. Тот, кто пытается уверить кого-то в чем-то, часто призывает в свидетели небо и солнце. Сравни: *Nech nikdy slnko [božie] na mňa nezasvieti*; *Aby ma slnko neosvietilo* – пусть никогда солнце [божье] на меня не засветит; *To je pravda nad slnce jasnejšia* – это правда яснее солнца.

Решимость, готовность и ответственность выражается следующими ФЕ: *Клать голову порукой*; *Ручаться головой*; *Аннибалова клятва*. Первая из них принадлежит к устаревшим ФЕ и выражает клятвенное уверение брать на себя полную ответственность; быть готовым поплатиться жизнью за что-либо. То же самое выражает и ФЕ *Ручаться головой* – *Ručiť hlavou [za niečo]*. Книжной ФЕ *Ганнибалова клятва (аннибаловская)* – *svätá, slávnostná prisaha* – выражается твердая решимость быть непримиримым в отношении кого-либо или чего-либо; бороться до конца. Этимологический экскурс в данную ФЕ говорит о карфагенском полководце, правителе Карфагена, который будучи девятилетним мальчиком поклялся отцу сохранить непримиримую вражду к Риму, превратившему Карфаген в свою колонию. Этой клятве он был верен всю жизнь. Чтобы не попасть в руки врага, он отравился.

В качестве компонентов «клятвенных» уверений выступают и лексемы «честь» и «совесть». Приведем примеры: *Na moju statočnosť* – *На свою честь*; *Na moje svedomie* – *На свою совесть*; *Čestné slovo* – *Честное слово*;

Povedať na svoju česť a svedomie – Поручиться своей честью и совестью; *Podľa svojho najlepšieho vedomia (svedomia)* – Не за страх, а за совесть; *To ti hovorím s dobrým svedomím, To ti hovorím pod svedomím* – Это тебе честно говорю.

В словацкой фразеологии уверение и клятва выражаются чаще всего таким образом, что уже в изначальной формуле указывается определенный способ или вид наказания, потеря чего-то ценного, даже смерть. Такие ФЕ представляют большую часть всех выделенных нами ФЕ. Это следующие ФЕ: *Život za to položím* – жизнь за это отдам; *Krk dám za to, Krk si dám vykrútiť* – (дословно) шею отдам, экс.; *Jednu hlavu mám, i tú za to dám (i tú stavím)* – Голову отдам; *Neodvolám, čo by mi tu hneď prišlo skapať (čo by som tu mal skapať)* – пусть околею (подохну), но свои слова не возьму обратно; *Čo by som hneď skamenel* – пусть я сразу окаменею; *Nech do rána nedožijem* – пусть не доживу до утра; *Nech tu zdochnem* – пусть подохну, экс.; *Nech ma hneď porazí* – Пусть со мной удар случится; Пусть меня кондрашка хватит; *Nech ma tu hrom zabije* – пусть меня громом убьет; *Nech ma čert vezme* – пусть меня леший (черт) заберет; *Nech oslepnem* – пусть ослепну; *Nech otemniem* – пусть перестану видеть; *Nos si dám odrezať ak nemám pravdu* – пусть мне отрежут нос, если я не прав. В русской фразеологии с похожим значением мы зарегистрировали только ФЕ *Во что бы то ни стало* – *Stoj čo stoj; Za každú cenu* со значением «неприменно, несмотря ни на какие обстоятельства».

Мы отметили по одному примеру ФЕ с компонентами «мать» и «душа» и несколько примеров с компонентами «правда» и «бог». ФЕ *Клянусь матерью* – *prisahám na svoju matku* мы зарегистрировали у жителей Кавказа а ФЕ *Na moju dušu (dušičku) [hriešnu]* и ее вариант *Namojdušu* живет в разговорной фразеологии словацкого языка.

Незначительную группу ФЕ составляют такие, в которых призываем в качестве свидетеля бога: *Boh mi [je] svedok (svedkom)* – Бог свидетель; *Prisahám bohu* и ее варианты: *Bohuprisahám; Prisámbohu*. Последние усеченные вариантные формы используются в разговорном языке довольно часто.

В качестве компонентов ФЕ выступает и лексема «правда» и ее тавтологические формы: *Pravda pravdivá; Pravda pravduca; Pravdučičká pravda* – истинная правда, сущая правда; *To je svätá (živá, božia) pravda* – это святая (живая, божья) правда; *To je taká pravda ako dvakrát dva štyri* – это правда как дважды два четыре; *Na moju pravdu; Namojpravdu*.

Цикл «клятвенных» выражений замыкает ряд ФЕ с самоуничижительным значением: *Nech som huncút* – считай меня проказником (озорником); *Nech som nie človek* – Пусть я не человек; *Nech som pes* – Считай меня собакой; *Nech psom budem* – Пусть я буду собакой; *Nech som kubo* – Считай меня дураком. В данном случае лексема *kubo* (с малой буквы) имеет значение «дурак, дурачок». Собственное словацкое имя *Kubo* переводится на русский язык именем Яша.

К вежливым формулам, выражающим факт, что на кого-то можно положиться, относим две формулы: *Будь(те) уверен(ы)* – не сомневайтесь; не беспокойтесь; все будет так, как надо; *Смею вас уверить* – вежливая форма убеждения кого-либо.

Собранный нами материал показал, что в обоих языках существуют устойчивые выражения и ФЕ, которыми выражается определенная степень уверенности, причем в качестве компонентов выступают как сходные, так и разные лексем. В словацком языке большей частью встречаются слова, выражающие положительные отвлеченные понятия (душа, честь, совесть, жизнь, правда, бог). Группа самоуничижительных ФЕ зафиксирована только словарями словацкого языка, хотя мы уверены в том, что такие ФЕ живут и в русской речи. Обычно их употребляют в ситуации, когда пытаются убедить тех, кто кому-то не верит. И словаки, и русские верят в святость земли, часто призывают в свидетели небо, землю и солнце и готовы пожертвовать своей жизнью во имя чего-то великого, важного. ФЕ с компонентом «борода» мы отметили только в русском языке. Может быть, что это связано с существованием старообрядчества на Руси.

Использованная литература

- Афанасьев, А. Н.: *Поэтические воззрения славян на природу. Опыт сравнительного изучения славянских преданий и верований в связи с мифическими сказаниями других родственных народов.* М., 1865–1869.
- Большой русско-словацкий словарь:* В 5-и т. Братислава, 1960–1970.
- Волина, В. В.: *Фразеологический словарь: Популярное пособие для начальной школы.* М., 1997.
- Максимов, С.: *Нечистая, неведомая и крестная сила.* М., 1989.
- Словарь русского языка:* В 4-х т. Под редакцией А. П. Евгеньевой. М., 1981.
- Фразеологический словарь русского языка.* Под редакцией А. И. Молоткова. М., 1978.

Key words:

phraseological unit, components of the phraseological unit, concrete and abstract symbolic lexicon, oath, assurance, examples from the Russian literature

Summary

Oath and assurance in the mirror of the russian-slovak phraseology

The article deals with the phraseological units that express oath or various kinds of assurances in the Russian-Slovak comparative plan. The author focuses on the symbolic components of the phraseological units that determine the level of assurance as well as the stylistic coloring of the phraseological unit.

ТРАНСФОРМАЦИИ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОЙ РЕКЛАМЫ)

Михаил Беляев, Чешская Республика, Прага

Употребление фразеологизмов в рекламных текстах – прием широко распространенный. С точки зрения рекламы, преимущество фразеологизма перед другими художественными приемами заключается как минимум в двух его качествах – устойчивости и образности.

Большинство лингвистов считает (относительную) устойчивость формы, структуры и семантики категориальным свойством этой языковой единицы. Один компонент устойчивого сочетания «тянет» за собой другой: их сочетаемость предсказуема. При восприятии индивидуально-авторских трансформаций фразеологических единиц – одного из излюбленных приемов рекламной практики – реципиент без труда восстанавливает в памяти кодифицированный инвариант оборота. Устойчивость значительно повышает способность содержащей фразеологизм рекламной фразы легко восприниматься, запоминаться и воспроизводиться. *«Удачно использованный в рекламном слогане фразеологизм становится бесплатным рекламоносителем. Употребляя его в повседневной речи, люди автоматически вспоминают о рекламной интерпретации выражения»*¹.

Несмотря на то, что фразеологический фонд русского языка далеко не исчерпывается образными единицами, следует признать, что образные единицы заметнее и экспрессивнее безобразных. Сущность образности в широком смысле – *«в смысловой реализации речи преимущественно в конкретных представлениях»*². Образные сочетания способны выражать сложно представимые понятия с помощью зримых предметных картин. Именно это свойство высоко ценится и широко применяется авторами рекламных текстов.

¹ Морозова, И.: Слогая слоганы, Москва, 2001, с. 76

² Мокиенко, В. М.: Славянская фразеология, Москва, 1989, с. 157

Предметом нашего интереса служат приемы актуализированного использования фразеологических единиц. Наблюдение над рассмотренными нами рекламными текстами показало, что число актуализаций фразеологизмов в них превышает случаи употребления кодифицированных оборотов. Это не удивительно, т. к. трансформация фразеологизмов – инструмент повышения их эмоционально-экспрессивного потенциала, привлечения внимания читателя за счет неожиданной конфронтации между узнаваемой формой и видоизмененной семантикой.

Художественный потенциал фразеологии не может быть раскрыт в текстах рекламного жанра так широко как, например, в художественном или публицистическом стиле. Это происходит из-за узкой, прагматической направленности текстов данного жанра. В нашем докладе мы попытаемся проиллюстрировать довольно ограниченный, на наш взгляд, репертуар трансформаций фразеологических единиц, активно используемых в рекламной практике. Теоретически мы исходим из подробной классификации трансформаций устойчивых сочетаний, приведенной во введении к словарю «Фразеологизмы русской речи» Алины Михайловны Мелерович и Валерия Михайловича Мокиенко. Практический материал был нами подобран из журнала «Итоги» за 1995–2003 гг.

Трансформации фразеологических единиц

1 Семантические трансформации

К трансформациям этого типа относятся семантико-стилистические преобразования, не затрагивающие лексико-грамматическую структуру. Конечный результат достигается за счет определенным образом организованного контекста.

1.1 Двойной семантический план (двойная актуализация)

Двойной семантический план создается в результате совмещения или сталкивания в одном контексте фразеологического значения оборота и его прямого значения, его образной основы. Конфронтация семантических планов осуществляется за счет того, что ближайший контекст оборота содержит слова одной тематической группы с компонентом ФЕ. Напр.:

Революция в технике стирки набирает обороты. Ритм задает барабан (стиральные машины «Miele»).

При таком обыгрывании фразеологизма сначала воспринимается его переносное значение «начинать делать что-либо в полную силу», однако семантическая связь слов *обороты* – *барабан* – *стирка* поддерживает буквальный смысл устойчивого сочетания. Прямое значение, как правило, также подчеркнуто наглядно-чувствительным представлением, которое заключено в визуальном ряду. Оба семантических плана фразеологической единицы, таким образом, равноправны в рекламном тексте в отличие от приёмов буквализации значения ФЕ, о которых речь пойдет ниже. Другие примеры двойной актуализации:

Когда посылка имеет вес, вы выбираете DHL (экспресс-доставка грузов «DHL»).

Купите себе место под солнцем. Недвижимость в Испании на побережье Costa Blanca <> (строительная корпорация «Today Team»).

Чтобы вам достался алмаз, мы готовы свернуть горы. Чтобы найти алмаз, нужно перевернуть горы породы. Чтобы автомобиль попал в Россию, необходимо внести множество модификаций в его конструкцию (автомобили «Renault»).

В некоторых случаях в результате семантической двуплановости создается комический эффект – получается каламбур. И прямое, и фразеологическое значение этого типа трансформации устойчивого сочетания по «законам рекламного жанра» должно иметь непосредственное отношение к объекту рекламы.

1.2 Буквализация значения

При буквализации значения прямое значение сочетания, представляющее собой образную основу, актуализируется, оттесняя на второй план фразеологическое значение, которое к объекту рекламы не имеет, как правило, никакого отношения. Напр.:

*Пришло время **поставить крест** на цифровые технологии (копиры «Xerox»).* Интерпретация рекламного слогана как «пришло время окончательно разувериться в цифровых технологиях; отказаться от цифровых технологий» – не верна. Ключ к смыслу фразы – прямое значение сочетания «поставить клеймо в форме креста», являющегося торговой маркой фирмы «Xerox».

Тем не менее первоначальное, ошибочное восприятие словосочетания в его переносном, фразеологическом значении (чему способствует устойчивость формы фразеологизма) создает эффект каламбура. Отношение к объекту рекламы может иметь либо образная основа в целом, либо один из лексических компонентов сочетания. Иные примеры данного типа трансформации:

Скидки в Силе! Вторая половина бесплатно (Магазин «ТехноСила»).

Всегда в рабочей форме (производитель рабочей одежды).

Комар носу не подточит (средство от комаров «Autan»).

Купайтесь в роскоши! (оборудование для ванн «Максвелл»).

Легок на подъем (авиалинии «Аэрофлот»).

Цени Момент! (клей «Момент»).

1.3 Экспликация внутренней формы (образной основы)

Под данным типом преобразования понимается раскрытие в контексте исходного образного представления, ситуации, явившейся базой фразеобразования. Мотивирующая ситуация выявляется при помощи визуального ряда. Напр.:

Сбилась с ног в поисках оптимального решения? («идеальный» принтер для дома и офиса «НР»). Визуальный ряд содержит изображение развалившихся ботинок.

Рено Меган. Ни капли волнения. Рено Меган – признан самым безопасным автомобилем в своем классе. Визуальный ряд изображает капли воды, символизирующие опасность дорожно-транспортного происшествия, которые разбиваются о «силовое поле» вокруг автомобиля.

1.4 Народноэтимологическое переосмысление внутренней формы

На всю катушку (радиоприемник *Sony Car Audio*). Визуальный ряд содержит изображение ручки громкости.

Сон в руку! Форд Фокус в кредит. <>. Еще вчера такое могло привидеться только во сне, а сегодня новый Форд Фокус так и просится в руки. Визуальный ряд изображает руку, держащую ключи от автомобиля Форд Фокус – «предела мечтаний» потребителя.

2 Приемы структурно-семантической трансформации

Окказиональное изменение происходит за счет отступления от привычной формы: расширение компонентного состава, эллипсис, субституция и т. д.

2.1 Замена компонента словом или словосочетанием

Чаще всего происходит замена составляющего фразеологизм компонента на слово, связанное с рекламируемым продуктом, его свойствами, ситуацией применения и т. п. В случае звукового подобия исходного слова и его субститута – близкого ему по звучанию, но далекого по семантике – происходит эффектная игра слов. Напр.:

*Моментальные результаты в самом **выгодном цвете*** (цветной принтер «Epson»). Кодифицированный фразеологизм – *в выгодном свете*.

Вольному – Вольво (автомобили «Volvo»). Кодифицированный фразеологизм – *вольному – воля*.

*От вас до кредита **один телефонный звонок*** (Дельта Кредит). Кодифицированный фразеологизм – *один (только) шаг*.

*Когда наступает гармония? Когда **каждая деталь на своем месте*** (Ауди). Кодифицированный фразеологизм – *всё на (своем) месте*.

Расставьте все точки над *dpi* (сканеры, принтеры Epson). Кодифицированный фразеологизм – *расставить (все) точки над «i»*.

2.2 Морфологические преобразования ФЕ

Данный тип представляет собой нормативные видоизменения грамматической формы компонентов ФЕ в пределах морфологической парадигмы. Напр.:

*Не **теряя времени** – **теряй годы!*** (косметика «Мирра Люкс»).

Купайтесь в роскоши! (оборудование для ванн «Максвелл»).

2.3 *Расширение компонентного состава*

Лексический состав ФЕ дополняется словом, связанным с объектом рекламы. Напр.:

*Ваше лицо в отличной **форме!*** (крем «Черный жемчуг»). Кодифицированный фразеологизм – *в форме*.

Даже небольшой объем рекламных текстов, рассмотренных нами, позволяет, на наш взгляд, сделать несколько общих выводов. Из многочисленных типов семантических и структурно-семантических трансформаций, выделяемых теоретически, лишь некоторые находят широкое применение в рекламной практике. Прежде всего, это семантические трансформации каламбурного характера, построенные на игре смыслов. Преобразования, в которых оба семантических плана (фразеологическое значение – прямое значение, наглядный образ) равным образом актуализируются, а еще лучше – сталкиваются в сознании реципиента, обладают огромным экспрессивным потенциалом. Наиболее экспрессивным приемом структурно-семантических трансформаций является фразеологический «*moment zklamaneho osekavani*», поэтому замена кодифицированного компонента устойчивого словосочетания другим, имеющим непосредственное отношение к рекламируемому товару, встречается согласно ожиданию также довольно часто.

Использованная литература

- Мелерович, А. М., Мокиенко, В. М.: Фразеологизмы в русской речи, Москва, 2001
Мокиенко, В. М.: Славянская фразеология, Москва, 1989
Морозова, И.: Слагая слоганы, Москва, 2001
Проблемы фразеологической семантики (под ред. Лилич, Г. А.), СПб., 1996
Šmejrková, S.: Reklama v češtině. Čeština v reklamě, Praha, 2000

Key words:

russian advertisement, phraseology, structural-semantic transformation, semantic transformation

Summary

The present paper deals with the issue of transformations (topicalisations) of phraseological units which occur in Russian printed advertisement texts. The theoretical points are based on the classification set up by A. M. Melero-vitch and V. M. Mokienko. The author distinguishes the types of semantic and structural-semantic transformations. The author comes to the conclusion that within advertisement communication the following types of transformations are engaged: two different semantic levels, backgrounding of the idiomatic meaning, substitution of the fixed component by an occasional component.

ПРОБЛЕМА ПОНИМАНИЯ В АСПЕКТЕ МЕЖКУЛЬТУРНОЙ КОММУНИКАЦИИ

Людмила Богданова, Россия, Москва

По словам Ю. Н. Караулова, «национальное пронизывает все уровни организации языковой личности, на каждом из них приобретая своеобразную форму воплощения» (Караулов 2002, с. 42). Это, безусловно, справедливая мысль. Но не стоит, на наш взгляд, как это ни парадоксально звучит, чрезмерно преувеличивать роль национального компонента. «К несчастью, неоспоримо, что народы и государства стремятся сосредоточиться на самих себе и поставить эгоизм в основу своих взаимоотношений, а культуры горделиво прославляют свои отличительные особенности и забывают об общих чертах. Но, несмотря на это, они не острова без общения; между ними взаимное понимание, перевод, сколько бы оно ни было трудным, всегда возможно» (Сигуан М., Макки У. Ф. 1990). Казалось бы, этому утверждению противоречат многие факты, на которых остановимся подробнее.

Многие исследователи говорят о том, что существуют специфические для каждой культуры алгоритмы минимизации культурных феноменов. Самые простые примеры в этом плане – различия в структуре знакового пространства с точки зрения отправителя и получателя информации. Так, напр., студентка, родным языком которой был молдавский, услышав на лекции по зарубежной литературе «Декамерон», записала *Д. К. Мирон*, т. к. произведение Боккаччо ей было неизвестно, а Мирон – распространённая фамилия в Молдавии (пример из: Лукин 1999, с. 16). Аналогичный пример приводит Ю. М. Лотман: *Шуми, шуми, волна Мирона* – вместо *Шуми, шуми волнами, Рона* (Лотман 1970, с. 175). Важно отметить, что представители разных культурно-языковых сообществ не всегда осознают несовпадение в структуре восприятия феноменов культуры, но различия в оценке заметны сразу и могут явиться источником коммуникативных неудач и межкультурных конфликтов. Так, в частности, многие корейские учащиеся отрицательно оценивают тот факт из биографии М. В. Ломоносова, который связан с его уходом из родного дома. По их мнению, Ломоносов не должен был противиться отцовской воле, не

должен был покидать родительский дом. В русском культурном сознании этот момент остаётся в тени, важным же является страстное желание учиться, сила воли, целеустремленность, т. е. те качества, которые высоко оцениваются членами русского культурного сообщества. Но именно эти черты характера остались вне культурного сознания корейских учащихся. Известны и другие примеры. Отрицательно оцениваются, в частности, японцами, герои некоторых русских сказок, напр., Иванушка-дурачок, Емеля и другие персонажи, воспринимаемые русскими как положительные. Причина несовпадения оценок состоит в том, что в характере одних и тех же героев представители разных культур выделяют различные доминантные черты. Таким образом, структура представлений об одном и том же явлении может разительно не совпадать у разных культурных сообществ. Американские студенты, напр., заметили в характере профессора Преображенского (повесть «Собачье сердце» М. А. Булгакова) такие черты, как резкость, амбициозность, сарказм, но вне поля их сознания остались трудолюбие, талант, высокие понятия о чести и достоинстве и многие другие качества профессора (см. об этом подробнее: Гудков 1999, с. 57). Даже при наличии сходного опыта люди разных культур могут по-разному воспринимать и оценивать одни и те же факты, что ещё раз подтверждает мысль Фуко о существовании основополагающих кодов культуры, которые управляют её языком и её схемами восприятия (Фуко 1978, с. 37). В связи с этим возникает вопрос, должен ли преподаватель корректировать восприятие своих студентов или он должен принимать их подход как одну из возможных и равноправных трактовок? Ответ на этот вопрос достаточно сложен. Нельзя, по-видимому, научить готовому пониманию: *«насилие над пониманием является и насилием над личностью»* (см. об этом: Васильева 2000, с. 111). Объективно между замыслом автора и истолкованием текста получателем существует неизбежный зазор. Причина этого в творческом характере процесса понимания. Как отмечал А. А. Потебня, *«понимание есть повторение процесса творчества в изменённом порядке...»*, из этого следует, что *«думать при слове именно то, что думает другой, значило бы перестать быть самим собой»* (Потебня 1997, с. 70). Идя от готового текста, читатель в ходе своей мыслительной работы объективно не может повторить замысел создателя произведения. Писатель и семиолог Умберто Эко подчёркивает: *«Ничто так не радует сочинителя, как новые прочтения, о которых он не думал и которые возникают у читателя. ...Текст порождает собственные смыслы. ... Автору*

следовало бы умереть, закончив книгу. Чтобы не становиться на пути текста» (Эко 1989, с. 429–430). Один из наиболее авторитетных представителей философской герменевтики 20 века Г.-Г. Гадамер также утверждает, что нормой для понимания книги не является мнение его автора. Дело в том, что люди не всё могут предусмотреть, и их слова и произведения могут означать нечто такое, о чём они сами не собирались говорить или писать. Единственный критерий правильности понимания – взаимосогласие отдельного и целого. Если такого взаимосогласия не возникает, значит, понимание не состоялось (см. об этом подробнее: Гадамер 1988, с. 231 и далее).

Итак, учить готовому пониманию невозможно, но можно и нужно учить видеть не только «своё» в культуре, но и находить позитивное в чужом. Действительно глубокое понимание предмета характеризуется возникновением общей картины, включением изучаемого явления в более широкий контекст, осознанием всех его связей.

Как известно, одна из закономерностей человеческой психики состоит в том, что, когда мы хотим что-нибудь понять, мы вынуждены соотнести новую информацию со своим предшествующим опытом. Это доказывает, что уже в самом механизме понимания заложено диалогическое соотношение нового, неизвестного со старым, знакомым. Как показал в своих трудах М. М. Бахтин, понимание в своем диалогическом движении проходит через следующие этапы: исходная точка – данный текст; движение назад – прошлые контексты; движение вперед – предвосхищение (и начало) будущего контекста. Таким образом, узнавание старого и встреча с новым, незнакомым как бы слиты в живом акте понимания, диалогичном по своей сути. В процессе понимания важно поймать тот почти неуловимый миг озарения, тот момент, когда происходит диалогическая встреча старого с новым – восполняемое воспоминание и предвосхищение новых возможностей, начало новых отношений и связей. Нельзя рассматривать понимание как перевод с «чужого» языка на «свой» язык. Понимание как бы восполняет текст, творит его в соответствии с личностью понимающего. Поэтому безоценочное понимание невозможно. Понимание и оценка составляют единый целостный акт. В акте понимания происходит борьба, ведущая к взаимному изменению и обогащению диалогических позиций. Активное согласие или несогласие способствуют более глубокому пониманию. Понимание, с одной стороны, основано на постоянном учете дистанции между участниками коммуникации («внеаходимость»

понимающего по отношению к тому, что он хочет понять), с другой стороны, для понимания необходимо «согласие» психического состояния коммуникантов, при котором становится возможным их сближение и, как конечная цель, «слияние горизонтов» участников диалога. При разрыве духовно-языковой связи между говорящим и адресатом понимание затрудняется, коммуникация нарушается.

Истина по своей природе событийна и рождается в точке соприкосновения разных сознаний, а сознание не что иное, как внутренняя коммуникация, внутренний диалог. Всякое содержание, вносимое в сознание, прежде чем стать имманентной частицей личности, обсуждается в нем, хочет он того или нет. Именно диалог в таком смысле становится ключом к изучению культуры и языка, фактором, расширяющим сознание человека, определяющим векторы его духовных поисков. Значительная переориентация в мире ценностей, их переоценка с позиций гуманитарного мышления убеждает, что развитие и возрождение культуры возможно путем изменения взгляда на мир, признания свободной личности «клеточкой» культуры. Через осмысление архитектоники поступка каждого человека, его диалогичности с миром можно приблизить создание новой, более гуманной архитектоники мира, которая создается человеком путем реализации идей, образов, замыслов, проектов, осуществляемых на основе диалогического постижения мира. Гуманитарное познание диалогического типа является связующим звеном между человеком в его целостности и дискретностью окружающего его мира.

Представление о понимании как об активно-ответном творческом процессе, диалогичном в своей основе, обеспечивает, на наш взгляд, плодотворный выход в практику, в частности, в методику преподавания иностранных языков и культур. Думается, что диалогика М. М. Бахтина, формирующая концепцию диалогичности понимания, будет способствовать выработке умений смотреть на педагогическое общение через призму диалогичности, что, в свою очередь, будет снижать травмирующий эффект межличностного общения в рамках учебной коммуникации, поможет установить общий ритм диалогического взаимодействия и сделает возможным понимание и перевод в самых трудных языковых ситуациях.

Использованная литература

- Бахтин, М. М.: *Эстетика словесного творчества*. М., 1986.
- Васильева, О. Ф.: *Методика интерпретационного типа в практике обучения чтению*. М., 2000.
- Гадамер, Г.-Г.: *Истина и метод*. М., 1988.
- Гудков, Д. Б.: *Прецедентное имя и проблемы прецедентности*. М., 1999.
- Караулов, Ю. Н.: *Русский язык и языковая личность*. «УРСС», М., 2002.
- Лотман, Ю. М.: *Структура художественного текста*. М., 1970.
- Лукин, В. А.: *Художественный текст. Основы лингвистической теории и элементы анализа*. М., 1999.
- Потебня, А. А.: *Из записок по теории словесности*. In: *Русская словесность. Антология*. «Academia», М., 1997, с. 66–84.
- Сигуан, М., Макки, У. Ф.: *Образование и двуязычие*. М., 1990.
- Эко, У.: *Имя Розы*. М., 1989.
- Фуко, М.: *Слова и вещи*. М., 1978.

Key words:

understanding, intercultural communication, cultural phenomenon, cultural code, scheme of perception, communicative failure

Summary

The paper deals with the dialogical nature of understanding, universal and specific features of understanding, Having similar background people from different cultures can interpret the same cultural phenomenon in a different way. This fact proves the idea of existence of cultural codes which regulate the schemes of perception of language and culture. Nevertheless despite existing difficulties in intercultural communication there is a way of adequate interpretation and understanding.

«МУЗЫКА» ДО ТРАХТЕНБЕРГА. О СЛОВАРЕ РУССКОГО ВОРОВСКОГО ЖАРГОНА XIX ВЕКА

Салават Вахитов, Россия, Уфа

Наша работа, представляющая собой лексикографическое описание воровского жаргона XIX века, построена на сопоставлении рассматриваемых единиц с материалами известной каждому жаргонологу книги В. Ф. Трахтенберга.

Словарь В. Ф. Трахтенберга «Блатная музыка...» – первое авторитетное издание собрания воровской лексики – вышел в 1908 году. Авторитетность книге придаёт редакторская работа И. А. Бодуэна де Куртенэ, о самом же авторе мы знаем немного. Вячеслав Тонков в своем исследовании воровского языка (1930г.) называет его профессором Трахтенбергом. Перефразируя популярное выражение М. Горького, спросим: «А был ли профессор?» Сведения о жизни автора словаря довольно скупы, однако складывается впечатление, что это был человек авантюрного склада, довольно далёкий от науки. В Интернете как-то промелькнуло сообщение о его причастности к афере с продажей южноафриканских рудников правительству Франции, в публицистике же начала XX века имеются заметки о его неблагоприятных похождениях. В. Ф. Трахтенберг происходит из состоятельной купеческой семьи, в мае 1899 года он окончил курс во 2-й петербургской гимназии и поступил в Императорскую военно-медицинскую академию. Образование не завершил, поскольку пристрастился к карточным играм и, имея лёгкий источник дохода, вёл праздный образ жизни. Неоднократно становился участником судебных разбирательств, к которым привлекался то как свидетель, то как обвиняемый. Известно, что в 1900 году он был приговорён к месячному тюремному заключению, а ещё через какое-то время – к двум месяцам тюрьмы. По сообщению Х. Вальтера, умер он где-то в Париже.

Видимо, непосредственное знакомство с тюремным бытом и дало возможность В. Ф. Трахтенбергу собрать жаргонный материал, который впоследствии был приобретён отделением русского языка и словесности

Императорской Академии наук для пополнения издаваемого словаря русского языка. И. А. Бодуэн де Куртенэ сделал научную обработку этих записей, добавил известную ему воровскую лексику, сделав множество выписок из труда Брейтмана, составил указатель к словам и написал предисловие к работе. По сути, он создал свой словарь тюремного жаргона, но, будучи человеком скромным и глубоко порядочным, оставил авторство за В. Ф. Трахтенбергом. (Заметим, что с трудом В. И. Даля он поступил так же: полностью научно переработав словарь Даля, исправив ошибки и включив около 30 000 новых слов, И. А. Бодуэн де Куртенэ признал себя лишь редактором 3-го издания, хотя вполне мог претендовать и на авторство.)

Конечно, небольшие словари воровского жаргона были известны и до Трахтенберга. Самые ранние из них относятся к середине XIX века и доступны в научном мире благодаря четырёхтомному «Собранию русских воровских словарей» Владимира Козловского. Тем не менее, при работе над материалами к словарю жаргона XIX века мы в первую очередь обращаемся к словарю Трахтенберга как первому лингвистическому изданию жаргонной лексики, зафиксировавшему её состояние перед грядущими социальными потрясениями XX века.

Жизнь слова в словаре и жизнь слова в тексте отличаются значительно и не только из-за известной разницы между языковым и контекстным значениями. Уже более века жаргонные единицы «кочуют» из словаря в словарь, многие при этом видоизменяются орфографически, грамматически и семантически. Одна неточность влечёт за собой другую, и число словарных ошибок растёт. Об этом в последнее время часто пишет В. В. Шаповал (см. www.philology.ru/marginalia/shapoval11.htm). Видимо, многих недоразумений в толкованиях слов можно было бы избежать, если бы словари, отражающие лексику XIX века, приводили иллюстрации реального употребления лексических единиц в речи. Одной из посылок к началу нашей работы и было желание создать картотеку письменных фиксаций субстандартных единиц русского языка, рассыпанных в художественной и публицистической литературе, в воспоминаниях каторжан и других подобных изданиях. Другой (пока ещё достаточно далёкой) целью нашей работы является паспортизация слова по временным и географическим параметрам. К сожалению, мы мало что знаем о жизни жаргонного слова во времени и пространстве, настолько мало, что складывается впечатление о жаргонизмах как о «словах-однодневках» (см.,

к примеру, работу К. Чуковского «Живой как жизнь»). То, что жаргонизмы проходят длительный путь развития, в отечественной лингвистике осознавалось немногими исследователями. Вот показательный пример из А. И. Куприна, свидетельствующий о географии распространения синонимичных жаргонизмов, обозначающих нищего: «В Петербурге его называют 'вяземским кадетом', в Москве – 'золоторотцем', в Одессе – 'шарлатаном', в Харькове – 'раклом'. В Киеве имя ему – 'босяк'». По нашему замыслу, иллюстративный материал словаря должен позволить в какой-то степени проследить историю развития жаргонизма. Так, например, авторы историко-этимологического словаря воровского жаргона отмечают первую фиксацию слова *малина* «воровской притон» в словаре Трахтенберга (1908г.) [Грачёв, Мокиенко: 116]. Однако это слово зафиксировано уже в публицистике А. И. Свирского не позже 1892 года в значении «укрытие; место, где можно спрятаться». Видимо, значение «воровской притон» более позднее и возникло в результате метонимии. Разумеется, отношение к источникам словаря жаргона XIX века не может быть однозначным. Тексты, особенно художественные, могут содержать ошибки в употреблении редких для авторов слов. Однако большой сравнительный материал позволил бы выявить такие неточности.

В своей работе мы намеренно отказались от принципа «чистоты» представляемого лексического материала, полагая, что словарь «музыки», то есть воровского языка, кроме жаргонного ядра, должен отражать и немалую лексическую периферию – слова, не являющиеся специфически воровскими, но употребляющиеся в воровской среде и осознаваемые этим контингентом людей как свои: отдельные диалектизмы и просторечия, арестантские, острожные и тюремные слова и т. п. Не включается в словарь лексика офенская, бурсацкая, полутерминологическая лексика ремесленников. Эти единицы должны стать объектом самостоятельного лексикографического описания.

Словарная статья предлагаемого словаря включает в себя толкование значений лексической единицы, грамматические характеристики слова и иллюстративный материал с указанием на источник и дату фиксации жаргонизма в печати. Если в источнике содержится ссылка на место распространения слова, то это отмечается отдельно. В структуру словарной статьи исторического словаря входят и комментарии, которые содержат сопоставительный материал из словаря В. Ф. Трахтенберга, а также по не-

обходимости других словарей и замечания составителя. Образцы статей на отдельное слово и фразеологическое выражение приводятся ниже:

МАЙДАН, -а, м. – 1. Место в остроге для игры в карты и торговли. ~ Почти в каждой казарме был такой арестант, который держал у себя аршинный худенький коврик, свечку и до невероятности засаленные, жирные карты. Все это вместе называлось: *майдан*. Достоевский. Записки из Мёртвого дома, 1860. ~ Во всякой тюрьме (русской и сибирской) существует так называемый *майдан*. Это, в тесном смысле, подостланная на нарах тряпка, полушубок или просто очищенное от этой ветоши место на нарах, на котором производится игра в карты, кости, в юлку и около которого группируются все игроки из арестантов. Максимов. Сибирь и каторга, 1871. ~ *Майдан* – это игорный дом, маленькое Монте-Карло, развивающее в арестанте заразительную страсть к штоссу и другим азартным играм. Около *майдана* и карт непременно ютятся всегда готовое к услугам ростовщичество, жестокое и неумолимое. Чехов. Остров Сахалин, 1893. ~ Где-нибудь под нарами, можете быть вполне уверены, отлично спрятаны водка и карты. Это – *майдан*. Дорошевич. Сахалин, 1903. ~ *Майдан*, это – закусочная, кабак, табачная лавочка, игорный дом и доходная статья тюрьмы. Дорошевич. Сахалин, 1903. 2. Собрив. Участники игры на майдане. ~ Но так как караульному прислужнику после того больно доставалось от *майдана*, то и случаи таких промахов были чрезвычайно редки. Достоевский. Записки из Мёртвого дома, 1860. 3. Игра в карты. ~ – Чтой-то, братцы, сегодня *майдана* нет? – Даве пропились, – заметил Вася. – Если б не пропились, так оно, пожалуй, и было бы. ~ До тех пор всегда, бывало, идет суетня, разговоры, а иногда, как и зимой, бывают и *майданы*. Достоевский. Записки из Мёртвого дома, 1860. <По Трахтенбергу, «собственно – кусок сукна, постилаемый на нары для игры в карты, вообще же привилегия, полученная одним из арестантов, сделавшим известный взнос на 'шпану', монополизировать в своих руках продажу запрещённых в тюрьме продуктов, 'гамуры', 'горчиловки', 'дыма' и т. п., и сдачу на прокат игральных карт и костей» [Трахтенберг 1908: 36].>

БРАТСКОЕ ОКОШКО – <У Дорошевича приводятся противоречивые значения «четвёрка в картах» и «двойка в картах». По Трахтенбергу, так называется «шестёрка» – карта, из которой делается «галантина», то есть поддельная карта, по необходимости выдаваемая шулером то за шестёрку, то за четвёрку [Трахтенберг 1908: 10, 16–17]. Балдаев объ-

ясняет выражение как «шестёрка, используемая для подделки других карт» [Балдаев I: 290]. Интернетовские словари предлагают значение «игральные карты (тройка или шестёрка), используемые для изготовления поддельных» [<http://crossna.narod.ru/slovari/jargon/index.html> и <http://afanasii.boom.ru/vorjargon1.html>]. У Тонкова зафиксировано в форме *братское окошечко*, он же приводит сомнительную этимологию: «четвёрка по рисунку напоминает окно» [Тонков 1930: 33]. Более точное толкование у А. В. Кучинского, в котором представлена и мотивация второго слова наименования: «Братское окошко» – отверстие прямоугольной формы в первом слое игровой карты со вставленными внутрь передвигающимися знаками, с помощью которых можно изменять значение карты в нужном для шулера сочетании. В то же время в своём словаре Кучинский приводит выражение *братское очко* «четвёрка», где *очко* – жаргонное «окно» [Кучинский: <http://doyou.h1.ru/zip/prison.html>]. Трудно объяснить мотивацию первого слова наименования, но, возможно, оно употреблено в значении «бурятское».>

Использованная литература

- Балдаев, Д. С.: Словарь блатного воровского жаргона: В 2 т. М., 1997.
Грачев, М. А./Мокиенко, В. М.: Историко-этимологический словарь воровского жаргона. СПб., 2000.
Кучинский, А. В.: <http://doyou.h1.ru/zip/prison.html>
Тонков, В.: Опыт исследования воровского языка. Казань, 1930.
Трахтенберг, В. Ф.: Блатная музыка: Жаргон тюрьмы. СПб., 1908.
Шаповал, В. В.: Границы жаргонного слова: понт-томта – «жертва шулера».
<http://www.philology.ru/marginalia/shapoval11.htm>

Key words:

the speech of the thieves, the material of V. F. Trachtenberg dictionary, the literature of the 19th century, the time and geographic parameters of the substandard words, the structure of the dictionary, the examples of the jargon dictionary.

Summary

This article describes the experience of compiling the dictionary of Russian thieves' cant. The main sources of the dictionary are belles-lettres and publicistic writing of the 19th century. The dictionary articles contain the interpretation of word meaning, grammatical descriptions, the analysis of word use in the text and commentaries, which are given a comparison of represented cant words with the material of V. F. Trachtenberg dictionary.

УСТОЙЧИВЫЕ СРАВНЕНИЯ С АНТРОПОНИМАМИ И СОЮЗОМ *КАК* В РУССКОМ И ЧЕШСКОМ ЯЗЫКАХ

Рене Гренарова, Чешская Республика, Брно

В богатой и разнообразной фразеологии русского языка значительное место занимают фразеологизмы со структурой *устойчивого сравнения* (УС).

Через сравнение, в том числе через сравнение устойчивое, человек издавна постигал окружающий мир: сопоставление неизвестного или малознакомого с известным и хорошо знакомым – один из древнейших и надежных способов номинации. Сравнение не просто способ наименования окружающей действительности, но и весьма яркое средство ее оценки. Оно экспрессивно, наглядно и образно характеризует человека, явления природы, повседневные ситуации. Устойчивые сравнения с *антропонимами* и союзом *как* – *jako* в русском языке в сопоставлении с чешским привлекают наше внимание.

Целью доклада является выделение фразеосемантических полей (ФСП), фразеосемантических групп (ФСГ) и фразеосемантических подгрупп (ФСПГ). Сопоставительное изучение фразеосемантических полей, групп и подгрупп УС двух языков дает возможность выявить не только национальную специфику, но и то типологически общее в психологии, быте, истории, культуре, что восходит к генетическому родству наших языков.

Для УС, семантически ориентированных на человека, приобретает особую значимость то, что характеризует человека – его внешний взгляд, характер, деятельность, поведение, отношения между людьми. В рамках семантического анализа можно определить конкретные фразеосемантические поля.

Фразеосемантическое поле *внешность человека*

Внешность определяется как совокупность всех разнообразных черт наружности, доступных зрительному восприятию. К этому ФСП отно-

сятся 73 УС. Выделяем ФСГ: *внешность в целом* (ФСПГ: *цвет кожи; чистый/грязный; нагота тела, физическая красота и безобразие; преклонный возраст*); *лицо, черты лица* (ФСПГ: *выражение лица, внешность лица*); *рост человека* (ФСПГ: *высокий рост, низкий рост*).

Наиболее многочисленную группу составляют устойчивые сравнения со значением *внешность в целом*: *быть красив как Аполлон* – *být krásný jako Apollon*; (*быть*) *страшный как сто китайцев* – «*o strašném, děsivém, škaredém člověku*»; *быть черный как негр* – *být opálený/černý jako Ašant/černoč/negr*.

Примерами УС фразеосемантической группы со значением *лицо, черты лица* являются: (*у него*) *борода как у Черномора* – (*být fousatý*) *mít fousy jako Krakonoš*; *смотреть как Ленин на буржуазию* – «*nenávistný, nespášenlivý a zamračený pohled*»; *koukat jako Babinský/Babinskej* – «*у него взгляд как у убийцы*».

Интересны также устойчивые сравнения, характеризующие особенности *роста человека*. В русском и чешском языках встречаем антропонимы *Голиаф* – *Goliáš*: *большой как Голиаф* – *být jako Goliáš*; *Гулливер* – *Gulliver*: *быть как Гулливер среди лилипутов* – *být jako Gulliver mezi liliputány*; *Пат и Паташон* – *Pat a Patachon*: *быть как Пат и Паташон* – *být jako Pat i Patachon*.

Фразеосемантическое поле *характер человека*

Устойчивые сравнения, относящиеся к этому ФСП, составляют довольно многочисленную, часто употребительную и типичную для обоих языков серию фразеологизмов, отличаются развитой системой значений, образов и средств выражения. К данному фразеосемантическому полю нами отнесено 55 УС русского и 34 УС чешского языка. Наиболее многочисленную ФСПГ составляют УС с общим значением *хитрость и лицемерие*, например: *быть хитрый как сто китайцев* – *být chytrý jako stádo opic*; *быть хитрый как Лиса Патрикеевна* – «*vychytralý, lstivý člověk*»; *ловкий как Хлестаков* – «*filuta, mazaný člověk*»; *být mazaný jako Žid*. Далее выделяется ФСПГ *лживость и обман; злоба и злость; предательство; жестокость; многословие; ревнивость; жадность* и др. – напр: *быть как прусские тараканы* – «*o rozpínavosti, posměšné označení vojáků*»; *быть как Плюшкин* – «*být jako křeček, shromážďovat zásoby*»; *kecat jako Palackej* – «*трепать языком/болтать (ораторствовать, витийствовать)*».

При сравнении объема УС в фразеосемантических группах обнаруживается определенная неравномерность. Количество УС со значением одобрения как констатации социально устоявшейся оценки определенных черт характера человека, значительно меньше. ФСПГ положительной оценки: *смелость, верность, трудолюбие, справедливость, терпеливость*; примеры УС: *вести себя как Иван Токмаков* – «být hrdina, o statečnosti», *терпеливый как Иов* – *být trpělivý jako Job/snášet něco trpělivě jako Job*; *работать как папа Карло* – «mnoho pracovat, ale málo vydělat»; *куй железо как Горбачев* – «být pohotový, pospišit si, udělat něco dokud je to možné»; *молчать как Зоя Космодемьянская* – «mlčet jako hrob, nic neprozradit».

С точки зрения эмоциональности ряд фразеологизмов имеет сатирическую окрашенность, напр.: *быть как Плюшкин*; *хитрый как сто китайцев* и др.

Фразеосемантическое поле интеллектуальные способности человека

К этому ФСП относятся УС, характеризующие «способность человека мыслить». Данное фразеосемантическое поле не является многочисленным и насчитывает только 11 УС в русском языке, в чешском – 5 устойчивых сравнений.

Наиболее многочисленны сравнения ФСГ *низкие интеллектуальные способности* с общим значением *глупость* – *hloupost*, напр.: *быть как Иванушка-дурачок*; *обалую как грека*; *вести себя как Ерема*; *быть как Емеля-дурачок* – *být jako hloupý Honza/Janek*, «o hlupákovi a prostáčkovi»; *умен как поп Семен* – ирон. «znalý, dovedný jako pravoslavný kněz»; *быть как умная Маша* – «být jako hlupačka, nána, husa». В русском языке существует ряд собственных мужских и женских имен, выражающих глупость.

К ФСГ *высокие интеллектуальные способности* с положительной оценочной конотацией и значением *ум, мудрость* относятся УС: *мудрый как царь Соломон* – *být moudrý jako Šalotoun/Šalotoun*; *мудрый как старый индеец* – «o moudrém, zkušeném, uvážlivém člověku».

Фразеосемантическое поле

физические возможности, состояние, деятельность человека

Это ФСП представляет многочисленную группу фразеологизмов. Было подобрано 67 УС. Примеры УС: *воевал как Мамай* – «bojoval jako

Мамай»; *добился/проигрался/сгинул как швед под Полтавою* – «dopadnout špatně, prohrát, tj. dopadl jako sedláci u Chlumce»; *пропал как Бекович* – «zahynout, zemřít», tj. «špatně dopadl»; *бегать как Зatóпек* – быстроногий как олень; *бегать/скákat jako Jura* – бегает как ни в чем не бывало; *лазить как Тарзан* – *lézt/šplhat jako Tarzan*.

В 15 УС антропонимы совпадают, напр., *Геркулес* – *Herkules*; *Самсон* – *Samson*; *Паганини* – *Paganini*; *Аргус* – *Argus*; *Тарзан* – *Tarzan*; *самаритянин* – *Samaritán*.

В 39 УС антропонимы выражают национальное своеобразие, напр.: *быть сильный как Илья Муромец*; *silný jako Bivoj*; *jezdí jako Chiron*; *пít jako holendr/holandr*; *stát (někde)/koukat jako svatej Utrinos*.

Фразеосемантическое поле социальное положение человека

Последнее нами выделенное ФСП формируется в рамках *социального обеспечения человека*. Определяем ФСГ: *овладение материальными ценностями; качество жизненных условий*. С точки зрения качества и количества учитываются факторы: постоянное богатство и постоянная бедность, уровень материальных условий жизни и др. Например.: *он богат как Крез* – *bohatý jako Krésus*; *оборванный как цыган* – *být/chodit otrhaný jako cikán*; *жить как у Христа за пазухой* – *mít se/žít si jako Bůh*; *это как на Маланьину свадьбу* – *je toho jako pro celý regiment vojáků, je toho jako pro Šaracký*; *как Мамай прошел* – «zanechat úplný nepořádek, spoušť, zpusťované a vyrabované prostředí»; *богатый как Ротшильд* – *(být) bohatý/mít peněz jako Rotschild*; *(она) как Золушка* – *být (někde) jako Popelka*; *беден/гол как турецкий святой* – «*chudý jako turecký svatý*»; *беден как Иов* – *chudý jako Job*; *беден как Лазарь* – *chudý jako Lazar*; *живет как Иванушка на печи* – *mít se (někde) jako Honza za pecí*; *сыт как Егорьевская гора* – «o hojnosti a blahobytu»; *нужен как пане Римскому значок ГТО* – «o čemkoliv nepotřebném, o prostoto zbytečné věci».

Выводы

Сопоставительный анализ УС, семантически ориентированных на человека, в русском и чешском языках выявил сходства и различия на семантическом уровне и в употреблении *антропонимов*. Сходство показывает группа *антропонимов*, относящихся к христианской мифо-

логии, к классической (древнегреческой и древнеримской) мифологии и к зарубежным, преимущественно западноевропейским, художественно-литературным источникам. Сходства в семантике и употреблении этих УС можно объяснить общностью окружающего мира, избирательной отражающей способностью мышления человека, сходством поведения людей в одинаковых условиях.

Различия проявляются, в основном, в выделении ограниченного ряда УС, когда сравнение включает в состав имя героя народной сказки, песни или былины или же какое-либо мифическое представление. В части устойчивых сравнений запечатлены события многовековой истории русского и чешского народов, особенности культуры и быта, отечественные художественно-литературные источники. Говоря о семантике УС, нужно отметить следующее: некоторые УС могут входить не только в одну, но и в две (и более) фразеосемантические группы и фразеосемантические подгруппы. Этот факт подтверждает положение о системном характере фразеологии, взаимосвязи УС, отобранных нами для анализа.

Использованная литература

- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: *Словарь фразеологических синонимов русского языка*. Ростов-н/Д. 1996.
- Ганжина, И. М.: *Словарь современных русских фамилий*. Москва. 2001.
- Мокиенко, В. М. – Николаева, Е. К.: *Структурно-семантическая и стилистическая систематизация польских и русских сравнений*. In: *Synteza w stylistyce słowiańskiej*. Opole, 1991, s. 149–156.
- Огольцев, В. М.: *Устойчивые сравнения в системе русской фразеологии*. Ленинград. 1978.
- Суперанская, А. В.: *Справочник личных имен народов РСФСР*. Москва. 1987.
- Черемисина, М. И.: *Сравнительные конструкции русского языка*. Новосибирск. 1976.
- Čermák, F. – Hronek, J. – Machač, J.: *Slovník české frazeologie a idiomatiky. Přirovnání*. Praha. 1983.
- Jelínek, M.: *Ustálená přirovnání v češtině a ruštině*. In: *Příspěvky k aktuálním otázkám jazykovědné rusistiky*. MU, Brno 1999, s. 73–82.
- Knappová, M.: *Jak se bude Vaše dítě jmenovat?* Praha. 1996.
- Kučerová, E.: *Ustálené přirovnání v ruštině a slovenčině*. In: *Ruštínár*, 18, 1983, s. 5–8.

Key words:

the phraseosemantic field, the phraseosemantic group, the logical-semantic group simple idioms with anthroponyms, the conjunction as, the analysis

Summary

The paper analyses the phraseosemantic fields in the Russian and Czech comparisons as the logical-semantic group simple idioms with anthroponyms to the right of the conjunction as (for instance, она прекрасна как Венера – she is as beautiful as Venus), belonging to the macro-field *man as a living being*. A total of 273 idioms have been analysed in both languages. The analysis considers the evaluation of a functionally-stylistic and emotionally-expressive distinction, i. e. connotative elements of phraseological meaning. We can state with both languages an almost 80 % correspondence in connotation and the used anthroponyms. The ascertained differences mostly result from national specifications (life style, religion, historical and political development).

МЕЖЪЯЗЫКОВАЯ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКАЯ ИНТЕРФЕРЕНЦИЯ

Петер Дюрчо, Словацкая Республика, Братислава

Одной из наиболее актуальных задач современной сопоставительной фразеодидактики, которая очень тесно связана с сопоставительной фразеологией, является преодоление разрыва между теоретическим осмыслением семантических и прагматических аспектов бытования идиом в речи носителей языка и в текстах, с одной стороны, и их конкретным дидактическим и лексикографическим описанием – с другой.

В этой связи я хочу коснуться вопроса причин межъязыковой фразеологической интерференции на системно-лингвистическом уровне, т. е. с точки зрения структуры и семантики идиом и их парадигматических отношений.

Основываясь на опыте работы над «Русско-словацким фразеологическим словарем» (1998) и обобщая некоторые практические результаты работы над Большим шеститомным словацко-русским словарем (1979–1995), я сделал попытку рассмотреть вопрос причин межъязыковой фразеологической интерференции и дать основную типологию причин этой интерференции.

Фразеологические эквиваленты зависят от характера межъязыковой идиоматичности, которая проявляется в наличии хотя бы одного специфического элемента в форме или в структуре семантики сравниваемых фразеологических единиц. Степень межъязыковой идиоматичности может быть различной – от близкой к нулевой до абсолютной. Интерпретация и восприятие элементов плана содержания и плана выражения являются комплексом динамических ингредиентов, которые в сравнении со средствами второго языка могут либо совпадать, либо частично или полностью отличаться. Таким образом, фразеологические единицы могут по аналогии с лексическими (ср. Dolník 1987; Соколова и кол. 2003) находиться на уровне формы (F) и семантики (S) во взаимоотношении тождества (${}_0$), инклюзии (${}_i$) или дизъюнкции (${}_d$). Это отношение можно изобразить следующим способом:

$$\{F_0, F_i, F_d\} \times \{S_0, S_i, S_d\}$$

Таким образом, мы получим на основе декартова произведения следующие потенциальные межъязыковые отношения между формой и семантикой сравниваемых фразеологических единиц:

1. $F_0 : S_0$; 2. $F_0 : S_i$; 3. $F_0 : S_d$; 4. $F_i : S_0$; 5. $F_i : S_i$; 6. $F_i : S_d$; 7. $F_d : S_0$; 8. $F_d : S_i$; 9. $F_d : S_d$

Потенциальными источниками межъязыковой фразеологической интерференции являются отношения 2–8, потому что первое отношение представляет отношение полной эквивалентности, а последнее – полное отсутствие какой-нибудь параллельной точки соприкосновения формальной или семантической сторон фразеологизмов. Проиллюстрируем перечисленные отношения.

1. $F_0 : S_0$

Это отношение межъязыковой идиоматической идентичности, или эта связь обозначается также как оппозиция тождества. Мы регистрируем нулевой контраст в форме и нулевой контраст в семантике:

1. рус.:	<i>водит/за нос/кого-л.</i>	сл.:	<i>vodit/za nos/niekoho</i>
2. рус.:	<i>Беда/беду/родит.</i>	сл.:	<i>Bieda/biedu/plodí.</i>

2. $F_0 : S_i$

Это неидентичная межъязыковая идиоматическая экстенсия (полисемия) или интенсия. Фразеологическую полисемию можно определить как отношение семантической привативной или эквиполентной оппозиции и тождества формы.

2а) экстенсия: Проявляется в нулевом контрасте формы и неостром контрасте семантики. На основе представления полного совпадения количества значений или объема сочетаемости (дистрибуции) возникает ложное представление о полной эквивалентности:

3.	рус.:	=	сл.:	
	- <i>сыт</i>		- <i>najedený</i>	
<u>по горло</u>	- (<i>иметь</i>) <i>заботы</i>	?	- 0	- <u>po krk</u>
	- (<i>быть</i>) <i>в долгах</i>	?	- 0	
	0	?	- <i>mať niekoho</i>	

2b) интенсия: Неидентичная межъязыковая идиоматическая интенсия (неидентичная сущность понятия, содержания) проявляется в нулевом контрасте формы и неостром контрасте семантики, отличаясь совокупностью признаков, отраженных в данном понимании фразеологизмов:

4. (= *говорить как по-писаному*):

нем.:	сл.:	чеш.
<i>reden wie ein Buch</i>	<i>hovorit' ako kniha</i>	<i>mluvit jako kniha</i>
= <i>говорить</i> ⁺ :	= <i>говорить</i> ⁺ :	= <i>говорить</i> ⁺ :
- <i>очень много</i>	- <i>очень много</i>	- <i>самоуверенно</i>
- <i>опытно</i>	- <i>опытно</i>	- <i>но нереалистически</i>
- <i>постоянно</i>	- <i>знающе</i>	- <i>непрактично</i>
- <i>беспрерывно</i>	- <i>связно</i>	- <i>даже патетически</i>
- <i>глупо</i>	- <i>умно</i>	- <i>наивно</i>

3. $F_0 : S_d$

Это явление межъязыковой фразеологической омонимии. Фразеологическую омонимию можно определить как отношение формального тождества при одновременном семантическом отношении дизъюнкции. Суть фразеологической омонимии заключается в полном совпадении компонентного состава и грамматической структуры при наличии различного значения, иногда даже разной образной основы (см. Бирих и др., 1993, 10, 11, 59, 102). Межъязыковая идиоматическая омонимия представляет собой в аналогичном отношении к внутриязыковой фразеологической омонимии нулевой контраст в форме и острый контраст в семантике:

5. *na vlas* (= *presne*) - *na vlas* (= *мало*)
6. *дать фору кому-л.* (= *превзойти кого-л.*), сл.: *dat' fóra niekomu* (= *отдать преимущество кому-л.*)

4. $F_i : S_0$

Неидентичная межъязыковая идиоматическая дистрибуция компонентов проявляется в неостром контрасте формы и нулевом контрасте семантики. Интерференция возникает в результате неправильного выбора элемента аналогичной дистрибутивной парадигмы. Неидентичная межъязыковая идиоматическая дистрибуция элементов фразеологизма

проявляется в форме привативной, эквиполентной или комплементарной инклюзии.

4а) Привативная инклюзия – это формальная или семантическая оппозиция соотношения двух фразеологических единиц, включающая элементы парадигм компонентов или связывающая родо-видовые отношения. Например, категория единственного числа является привативной оппозицией по отношению к категории множественного числа, ср.:

7. *z prvej ruku* \subset *iz prvych ruk*

4б) Эквиполентная фразеологическая инклюзия – это частичное совпадение и частичное различие элементов сравниваемых фразеологических единиц, напр.:

8. *п о д-л и т ь/масла/в огонь* – *р r i- l i a t'/oleja/do ohňa*

4с) Комплементарная, или дополнительная межъязыковая идиоматическая дистрибуция проявляется в случае исключения общих элементов фразеологизмов, напр. в случае неидентичной когипонимии вариантных компонентов:

9. *делать/из мухи/0/слона/0*

10. *robit'/0/z kotára/0/somára*

5. $F_i : S_i$

Неострый контраст в форме и неострый контраст в семантике – одна из разновидностей инклюзивной оппозиции, проявляющаяся в непропорциональной дистрибуции формально-семантических элементов фразеологизмов, ср. немецко-словацкий пример:

11. нем.: *auf den Hund kommen* сл.: *výjst' na psa (psí tridsiatok)*

+	<i>упасть:</i>	+	
+	<i>материально</i>		+
+	<i>психически</i>		-
+	<i>физически</i>		-
+	<i>с точки зрения здоровья</i>		-

6. $F_i : S_d$

Межъязыковая идиоматическая паронимия – это одна из разновидностей формально-семантической эквиполентной оппозиции, где наблюдается неострый контраст в форме и острый контраст в семантике фразеологических единиц. Внутриязыковая паронимия – довольно частое явление, ср.: *махать рукой – махнуть рукой, с маху – с одного маху, стоять в стороне – стоять на стороне* (см. Дюрчо, 1989, 137).

При определении как внутриязыковой, так и межъязыковой паронимии мы наблюдаем изменения на фонологическом или морфологическом уровне компонентов, различия в лексическом составе и в синтаксическом строе фразеологических единиц. Все эти формальные изменения представляют собой виды формальной эквиполентной оппозиции, а в случае тождества их семантики это разные виды фразеологических вариантов (из этого типа фразеологической вариантности исключаются так наз. квантитативные или эллиптические варианты, где при оппозиции семантического тождества мы имеем дело с формальной привативной оппозицией – неодинаковое количество компонентов) (ср. Дюрчо 1989, 137–139); см. пример межъязыковой фразеологической паронимии:

12. рус.: *обводить/обвести вокруг пальца кого-л.* (= *обмануть кого-л.*)
13. сл.: *obkrútiť si niekoho okolo prsta* (*прибрать к рукам кого-л., взять над кем-л. полную власть*).

7. $F_d : S_0$

Случаи формальной дизъюнкции и семантического тождества образуют фразеологическую синонимию. Суть межъязыковой идиоматической синонимии заключается в остром контрасте формы и нулевом контрасте семантики. Потенциальная возможность межъязыковой интерференции заключается в трансформации образной мотивационной базы на другой язык, где для данного понятия существует совсем другая мотивационная база, ср.:

14. *Nízka chalupa, žiadna potupa.* – *Бедность не порок.*
15. *Niet ruže bez trnia.* – *Без костей рыбы не бывает.*

8. $F_a : S_i$

Острый формальный и неострый семантический контраст (привативного или эквиполентного характера) проявляется в случаях ассиметрической полисемии или в рамках приблизительного эквивалента без формального родства или близости. Это довольно распространенное явление в лексике и фразеологии. В лексике это отношения гиперо-, гипо- и когипонимии без формального родства (см. Dolník 1987, 133). Примером такого рода отношения во фразеологии может служить неидентичная межъязыковая идиоматическая полисемия с неточными/приблизительными эквивалентами. Напр., немецкому полисемантическому фразеологизму

16. *(noch) ein unbeschriebenes Blatt (sein)*

противостоят два формально неродственных и семантически лишь приблизительных эквивалента:

- a) *(noch) unbekannt (sein) ≅ рус.: темная лошадка*
- b) *(noch) unerfahren (sein) ≅ рус.: святая наивность*

9. $F_a : S_a$

Последняя оппозиция – это безэквивалентная фразеология, суть которой заключается в остром контрасте формы и остром контрасте семантики, т. е. данное понятие не имеет в другом языке аналога в сфере идиоматики, пр.:

17. *vrabčie hniezdo* рус. нем.
I. = *гнездо воробья* *воробьиное гнездо* *Spatznest*
II. = *растрепанные волосы* *воронье гнездо* *eine zerzauste Frisur*

Отношения идиоматической эквивалентности в этом случае можно изобразить следующим образом:

Сл. \subset Рус. \vee Нем.,

причем русский эквивалент в отношении к словацкому в оппозиции эквиполентности, а немецкое выражение с точки зрения межъязыковой идиоматичности в оппозиции дизъюнкции. Стандартным лексикографическим и дидактическим решением проблемы эквивалентности в таком случае является перифрастическое описание значения, ср.:

18. *В ногах правды нет* (\approx ponúknutie sadnúť si pred dlhším rozhovorom);
19. *Большому кораблю – большое плавание* (\approx schopný nech má voľnú cestu, zelenú).

Безэквивалентные слова (см. Фелицына-Прохоров 1979, 7), такие как предметы национального быта (*каша, уха, лыко, мякина, копейка, рубль, самовар*), историзмы (+ традиционализмы) (*грош, алтын, масленица, полушка*), архаизмы/диалектизмы (*уста, полымя*), личные имена (*Емеля, Васька, Сивка*), географические названия (*Киев, Тула*) в принципе не представляют трудности на уровне идиоматической эквивалентности, потому что в других языках существуют аналогичные фразеобразовательные модели. Вопрос безэквивалентности фразеологизмов иногда осложняется включением исторического аспекта. Такие идиомы как

20. *Бог полюбит, так не погубит*
21. *В одном кармане вошь на аркане, в другом – блоха на цепи*

с точки зрения синхронии не имеют в словацком языке эквивалентов, но точные эквиваленты можно найти на уровне устаревших или архаических форм, ср.:

22. *Boh dopustí, ale neopustí.*
23. *Nemá voza, nemá koní, jedna bieda druhú honí.*

Итак, изучение интерференции занимает важное место во фразеологической дидактике, потому что это явление представляет собой недостаточно исследованную область структурно-семантических отношений в рамках парадигматических и синтагматических связей фразеологических единиц разных языков. Системный подход дает основу как для определения понятия фразеологической интерференции, для типологии фразеологической интерференции, так и для раскрытия сути и механизмов фразеологической интерференции при сопоставительном изучении языков.

Использованная литература

- Бирих, А. К. – Волков, С. С. – Никитина, Т. Г.: *Словарь русской фразеологической терминологии*. München 1993.
- Dolník, J.: *Logické princípy organizácie slovej zásoby*. In: Slovenská reč, 52, 1987, s. 129–138.

- Dolník, J.: *Konfrontačný opis lexiky a vyučovanie cudzích jazykov*. In: Dolník, J. – Benkovičová, J. – Jarošová, A., *Porovnávací opis lexikálnej zásoby*. Bratislava, 1993.
- Ďurčo, P. a kol.: *Rusko-slovenský frazeologický slovník*. Bratislava, 1998.
- Дюрчо, П.: *Фразеологические паронимы*. Československá rusistika, XXXIV, 1989, č. 3, s. 135–143.
- Фелицына, В. П. – Прохоров, Е.: *Русские пословицы, поговорки и крылатые выражения*. М., 1979.
- Соколова, Я. и колл.: *Лексика современного русского языка. Теоретический и практический курс*. Нитра, 2003.
- Veľký slovensko-ruský slovník I–VI. Bratislava, 1979–1995.

Key words:

interlingual idiomatic interference, paradigmatic relations in phraseology, cartesian product, formal and semantic oppositions, identity, equipotent and privative inclusion, disjunction

Summary

The system-linguistic approach to the typology of interlingual phraseological interference results from the comparison of identity, equipotent and privative inclusion, and disjunction of the form (F) and the semantics (S) of the phraseological units being compared. Out of the Cartesian product $\{F_0, F_i, F_d\} \times \{S_0, S_i, S_d\}$ the following typology is derived 1. $F_0 : S_0$; 2. $F_0 : S_i$; 3. $F_0 : S_d$; 4. $F_i : S_0$; 5. $F_i : S_i$; 6. $F_i : S_d$; 7. $F_d : S_0$; 8. $F_d : S_i$; 9. $F_d : S_d$. Identification and systemization of linguistic substance of phraseological interference is a significant starting point for lexicographic and didactic description in contrastive phraseology.

ЗООМОРФИЧЕСКИЕ ГЛАГОЛЫ КАК РЕЗУЛЬТАТ КОМПРЕССИИ КОМПАРАТИВНЫХ ФРАЗЕМ (НА МАТЕРИАЛЕ РУССКОГО И ПОЛЬСКОГО ЯЗЫКОВ)

Йоланта Игнатович-Сковроньска и Йоланта Митурска-Бояновска,
Польша, Щецин

Ускорение темпов жизни русского и польского народов усиливает действие закона речевой экономии (особенно в разговорном языке). Это проявляется также и в упрощении структуры многословных наименований, функционирующих как лексические единицы и превращении их в однословные знаки. Речь идет об универбации. Обычно в лингвистической литературе описывались факты конденсации аналитических конструкций типа: *грузовой автомобиль* → *грузовик*, *liceum ogólnokształcące* → *ogólniak*, *марафонский бег* → *марафон*, *wykład monograficzny* → *monograf*, *сборная команда* → *сборная*, *rozmowa międzymiastowa* → *międzymiastowa* и т. п.¹

Однако компрессия охватывает более широкий круг явлений. В последние годы значительно увеличивается количество синтетических наименований, образованных от фразеологических единиц (т. н. отфразеологическая деривация), напр.: *втирать очки* → *очковтирательство*, *холодная война* → *похолодание*.² Синтетизмы могут иметь как узуальный, так и окказиональный характер. В обоих языках как результат вторичной номинации можно рассматривать некоторые глагольные формы. Базой для глаголов-синтетизмов являются фраземы, напр.: *бить баклуши* →

¹ Важнейшие работы на тему универбации в русском и польском языках можно найти в статье: Miturska-Bojanowska, J.: *Uniwerbiczacja jako jedno ze źródeł polisemii rzeczowników (na materiale języka rosyjskiego i polskiego)*. In: *Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*, pod red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenki, H. Waltera, Szczecin-Greifswald 2002, s. 584–592.

² Примеры М. А. Алексеенко: Алексеенко, М. А.: *Отражение актуальных процессов синхронической динамики языка в новой фразеологии*. In: *Słowo. Tekst. Czas VI. Nowa frazeologia w nowej Europie*, pod red. M. Aleksiejenko, W. Mokijenki, H. Waltera, Szczecin-Greifswald 2002, s. 31.

баклушничать, лодыря гонять → *лодырничать, балясы /лясы/ точить* → *балясничать, собаку съест в чем-л.* → *насобачиться, wciskać kit* → *kitować, wstawić bajer* → *bajerować*. Однако в нашем выступлении мы хотели бы сосредоточить внимание лишь на зооглаголах. В языковедческой литературе их называют «звериные», «отзвериные», анималистические, фаунистические, фаунальные, фаунонимические, бестиальные, зооморфические. Согласно классификации, проведенной Л. Ф. Миронюком в «Семантической типологии славянских зооморфических глаголов»³, фаунистические глаголы распадаются на две подгруппы: анималистические и синанималистические глаголы (т. е. сопутствующие анималистическим: *вкогтиться, захомутать*). В свою очередь анималистические также делятся на две подгруппы: зоосемические (*рыбачить, соболевать*) и зооморфические (*петушиться, обезьянничать*). Синтетизмами считаются зооморфические глаголы типа: *ишачить, лисить, раскороветь/раскабанеть, обезьянничать, черепашиться, попугайничать, петушиться; ślimaczyć się, byczyć się, zbaranieć, uświnić się* и т. д. Перечисленные глаголы следует рассматривать как результат вторичной номинации, результат свертывания компаративных фразем, ср.: *работат как ишак* → *ишачить, хитрый как лиса* → *лисить, растолстеть как корова/кабан* → *раскороветь/раскабанеть, ползти/идти, брести, тащиться, таскаться, плестись/как черепаха* → *черепашиться, chodzić/iść, wlec się, leżć/jak ślimak* → *ślimaczyć się, leży jak byk/wół* → *byczyć się, brudny jak świnia* → *uświnić się, głupi jak baran* → *zbaranieć*. Как показывают примеры, внутренняя структура (семная) фразем и соответствующих им глаголов сходная.

Базой для зооглагола является лишь субстантивный компонент компаративного оборота. Свертыванию фразем в одних случаях сопутствует суффиксация: *ишач-ить, лис-ить*, в других конфиксация: *рас-коров-еть, рас-кабан-еть, z-baran'-eć* или суффиксация с постфиксацией: *морж-еваться, черепаш-иться, ślimaczy-уć się, byczy-уć się*.

Как показывают примеры, большинство зооглаголов в обоих языках, лексемы ограниченного употребления. В словарях они снабжаются пометами «разговорное», «просторечное», «potoczne», «gminne». Цитированные синтетизмы и мотивирующие их фраземы имеют пейоративный, уничи-

³ Миронюк, Л. Ф.: *Семантическая типология славянских зооморфических глаголов*. Днепропетровск 1987, с. 4.

жительный характер, являются проявлением антропоцентризма.⁴ Отсюда лексемами «звереть» и «zezwierzęcie» именуется свирепых, жестоких (наподобие зверей) людей. Антропоцентризм, а вернее «аристократизм»⁵ заставляет указывать все недостатки человека сквозь фаунальную призму. В зооглаголах, как в кривом зеркале, можно увидеть несовершенный человеческий характер. Такие лексические единицы указывают на разные сферы человеческой жизни: его интеллектуальные свойства (*воронить, zbaranieć*), поведение (*лисуть, обезьянничать, byczuć się*), характер движения (*черепашичься, ślimaczyć się*), внешний вид (*раскорветь, uświnić się*). Как отмечает М. Алексеенко, «Существующие фразеологические и толковые словари новой лексики отличаются неполнотой, неточностью или отсутствием описания ОЛД (отфразеологических дериватов – Й. И.-С., Й. М.-Б.).»⁶ Отсюда некоторые языковеды делают вывод, якобы образование новых зооглаголов явление редкое. «Мы можем назвать, пожалуй, только два глагола, образованные за последние сто лет и пополнившие группу зооглаголов: *ишачить* и *присобачить*», – замечает Н. П. Колесников в конце 70-х гг. XX в.⁷ Однако Л. Миронюк отмечает, «(...) что ЗМГ (зооморфические глаголы – Й. И.-С., Й. М.-Б.) не отмирающая категория слов, а активно развивающаяся и в наше время (...)»⁸

Оказывается, что в обоих языках, правда, есть зооглаголы, но они не считаются «отфразовыми», «отфразеологическими» образованиями, напр.: *ослить, chomikować, myszkować*. Глаголы эти мотивируются существительными метафорического характера или непосредственно названиями животных (т. е. у них отсутствует фразеологическое звено): *chomik* «zwierzę» → *chomik* «człowiek» → *chomik-ować, myszka* → *myszk-ować*. От ряда компаративных фразем вообще не образуются глаголы: *впиться как клещ* (хотя свертывается фразеологизм *впиться как пиявка* → *пия-*

⁴ Примером положительной оценки являются словосочетания (*трудолюбивый, прилежный*) как *муравей, pracowity jak mrówka*.

⁵ Термином «аристократизм» пользуется З. Кэмпф: Kempf, Z.: *Wyrazy «gorsze» dotyczące zwierząt*. In: *Język Polski* LXV, z. 2-3, s. 125-144.

⁶ Алексеенко, М. А.: *Отражение актуальных...*, op. cit., с. 31.

⁷ Колесников, Н. П.: *Глаголы с корнями-названиями животных*. In: *Русский язык в школе*, 1978, № 1, с. 95.

⁸ Миронюк, Л.: *Семантико-стилистическая типология русских и украинских зооморфических глаголов*. WSP, Olsztyn 1994, с. 17.

вить), *хитрый как муха* (свертывается лишь синонимическое *хитрый как лиса* → *лисуть*), *harować/tyrać, orać/jak wół/koń, osioł/, dumny jak paw*⁹ и т. п. В обоих языках существуют компаративные фраземы, которые имеют семантические соответствия – зооморфические глаголы в других языках. Например, рус. *смотреть/глядеть, вылупиться, лупить глаза, уставиться/как/будто, словно, точно/баран на новые ворота* и польск. *patrzeć jak ciele na malowane wrota* имеют глагольные эквиваленты в украинском языке *збараніти, побараніти*, которые мотивируются фраземами *мов (як) баран на нові ворота дивиться* и *мов (як) баран на нові ворота вирячиться* или рус. *пустить псу под хвост* – укр. *зіпсувати*.¹⁰

В результате проведенного анализа весь материал в обоих языках мы разделили на 3 группы:

1. в обоих языках существуют зооморфические глаголы-эквиваленты: *обезьянничать-małpować, попугайничать - parugować;*
2. русские зооглаголы имеют свои соответствия в польском языке только в форме устойчивых словосочетаний (т. е. отсутствуют зооглаголы): *ишачить-harować (tyrać, orać) jak wół (koń, osioł); навлиниться-dumny jak paw;*
3. зооглаголы, существующие в русском языке, не имеют эквивалентов в польском языке – ни цельнооформленной, ни раздельнооформленной единицы, напр.: *стрекозить*.

Наши наблюдения показывают, что свертывание компаративных фразем с зоонимическим компонентом чаще происходит в русском, чем в польском языке. В настоящее время свертывание многословных наименований в русском языке активизируется.¹¹

Такой способ словообразования применялся в обоих языках и раньше. Современные лексемы *белка, копейка, kurnik, jętka* и ряд других – это

⁹ Еще в начале XX в. в польском языке функционировал глагол-синтетизм *pawić się* ← *dumny jak paw*. Ср.: Chmielowiec, М.: *Czasowniki zwierzęce*. In: *Język Polski* 1931, z. 3 (XVI), s. 87-90.

¹⁰ Миронюк, Л., *op. cit.*, 38, 44.

¹¹ Валгина, Н. С., *Активные процессы в современном русском языке*, «Логос», Москва 2001, с. 145. Компрессивную функцию в языке выполняет также аббревиация, о которой Н. С. Валгина пишет: «В советское время, в частности, аббревиация, была воспринята как подлинно народный способ словообразования.» (там же, с. 147-148).

результат древнейшей конденсации аналитических названий: *белая веверица* → *белка*, *копейная деньга* → *копейка*, *chlew kurny* → *kurnik*, *mus-ha jęta* → *jętka*. Часть синтетизмов с течением времени нейтрализуется и вытесняет из литературного языка аналитическое название, так как это произошло например с лексемами *открытка* (← *открытое письмо*) и *finka* (← *nóż fiński*).

Использованная литература

1. Bartmiński, J.: *Styl potoczny*. In: Encyklopedia kultury polskiej XX wieku, t.II. Współczesny język polski, pod red. J. Bartmińskiego, Wrocław 1993.
2. Dynak, W.: O słownictwie i metaforyce łowieckiej, In: *Kultura, literatura, folklor*, pod red. M. Graszewicza i J. Kolbuszewskiego, Warszawa 1988.
3. Żurek, M.: *O czasownikach «odzwierzęcych» w języku polskim i rosyjskim*. In: *Przegląd Rუსystyczny* 1988, N 3/4 (43/44), s. 87–94.

Словари:

1. Karolak, S: *Słownik frazeologiczny rosyjsko-polski*. Русско-польский фразеологический словарь, t.1–2, «Energia», Warszawa 1998.
2. Мокиенко, В. М.: *Словарь сравнений русского языка*, «Норинт», Санкт-Петербург 2003.
3. Skorupka, S: *Słownik frazeologiczny języka polskiego*, Warszawa 1989.
4. *Słownik współczesnego języka polskiego*, pod red. B. Dunaja, «Wilga», Warszawa 1997.
5. *Wielki słownik frazeologiczny polsko-rosyjski rosyjsko-polski*, pod red. J. Lukszyna, «Harald G Dictionaries», Warszawa 1998.
6. *Фразеологический словарь русского языка*, под ред. А. И. Молоткова, «Русский язык», Москва 1978.

Key words:

linguistic science, phraseology, word-formation, compression, verbs

Summary

Zoogenous verbs as a result of comparative phrasal expressions compression
(based on Russian and Polish language)

Object of our study are Russian and Polish zoomorphic verbs like: *попугайничать*, *черепашиться*, *papugować*, *ślimaczyć się*. These units have originated in result of comparative phrasal expressions: *как попугай* → *попугайничать*, *как черепаха* → *черепашиться*, *mówić, powtarzać jak papuga* → *papugować*, *wlec się, iść jak ślimak* → *ślimaczyć się*. Our research shows that compression is a typical mean of word-formation in Russian. In contemporary Russian dictionaries a number of such verbs recorded is twice as big as in Polish dictionaries.

МОТИВ ЧУДЕСНОГО РОЖДЕНИЯ В СЛАВЯНСКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Анатолий Ивченко, Украина, Львов

Отражение мотива чудесного рождения в фразеологии различных славянских языков неоднократно привлекало внимание исследователей, изучающих взаимосвязи языка и духовной культуры. Назовем хотя бы работы В. И. Коваля (Коваль: 36–41), И. А. Подюкова (Подюков: 46–47), С. М. Толстой (Толстая: 1191–1199), Е. Тредера (Tredet: 167–168), А. А. Ивченко (Ивченко: 187–189, 240–241).

Обращаясь к анализу этого мотива во фразеологии, трудно не обратить внимание на пионерскую работу В. Я. Проппа «Мотив чудесного рождения» (Пропп: 205–240). В. Я. Пропп, проанализировав исторические корни мотива чудесного рождения в русской народной сказке пришел к выводу, что они не однородны по своему происхождению: *«В основном намечаются три группы: представления, связанные с тотемизмом, представления, связанные с живительной силой растительной природы (тоже иногда с элементами тотемизма), и мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей»* (Пропп: 237). Посмотрим, насколько эти выводы актуальны для известного нам фразеологического материала.

Представления, связанные с тотемизмом и культом предков. В этой группе В. Я. Пропп выделяет несколько мотивов: «рождение как возвращение умершего», «рождение из печки», «рождение от съеденных останков» и «рождение от рыбы». Следует отметить, что практически все эти мотивы представлены во фразеологии.

«Рождение как возвращение умершего» нашло свое отражение во фразеологизмах структурно-семантической модели «родился + в элементе одежды = необычайно счастливый, удачливый», которая имеет общеславянскую ареальную проекцию, ср: рус. *в рубашке родился, родиться в сорочке*; укр. *в сорочці родивсь, в чіпці сі родив, народився в чіпчику*; бел. *радзіцца ў сарочкі, радзіцца ў рубашкі*; пол. *w czepku się urodził*; словац. *narodiť sa v čeršeku*; чеш. *v košilce se narodit, v košili se narodit*; болг. *роден с риза, роден с ризка*; хорв. *roditi se u košulji, roditi se u košuljici* и т. д. Под-

робная паспортизация материала и аргументация, позволяющая рассматривать эти фразеологизмы как отражение представлений о «рождении как возвращении умершего», приводится в одной из наших публикаций (см. Івченко: 187–189).

«**Рождение из печи**» представлено прежде всего в украинских диалектных фразеологизмах *у пічурці родився, крїй пічки родився* со значением «необычайно счастливый, удачливый», а также в целом ряде фразеологизмов, образованных по структурно-семантическим моделям: «печь + развалилась = родился ребенок» и «печь + валится = скоро родится ребенок», ср.: чеш. *rozbořila se jim pec*, в. -луж. *so kachle syprnyte někomu, so kachle čitrapa někomu* и т. д. Подробно этот мотив рассмотрен в одной из наших работ (см. Івченко: 240–241).

«**Рождение от рыбы**». По наблюдениям В. Я. Проппа, наиболее часто в сказках встречается рождение от съеденной рыбы. Этот мотив связан с архаическим обрядом съедения тотемного предка с целью его возвращения к жизни (Пропп: 227). Нам удалось отыскать только один фразеологизм, который несомненно восходит к этому мотиву, ср. словац. *rybku zjedla* со значением «забеременела вне брака».

С мотивом «рождение от рыбы», как нам кажется, можно связать происхождение следующих выражений: воронежское – *поймать лinya во все гылина* и сибирское – *меня (тайменя) поймать* со значением «забеременеть вне брака», которые приводит И. А. Подюков (Подюков: 47). Автор считает, что эти выражения созданы на архаическом символическом соотнесении ребенок → рыба. Если согласиться с предложенной И. А. Подюковым мотивацией внутренней формы, то она будет иметь вид «поймать ребенка → 'забеременеть вне брака'». По мнению автора, для народной культуры характерно «осмысление рыбы как символа беременности, первопричины жизни...» (Подюков: 47). В. И. Коваль рассматривает те же самые фразеологизмы в составе модели «схватить (съесть) + предмет с продуцирующей символикой = стать беременной, родить (вне брака)» и связывает их с продуцирующей и детородной символикой рыбы (Коваль: 36).

Нам хотелось бы обратить внимание на целый ряд псковских диалектных фразеологизмов, в которых также представлена эротическая символика рыбы, ср. *рыбку половить* «провести ночь с мужчиной», *ерши (ершей) морозить, на ерши ходить* 1. «ходить на свидания»; 2. «ухаживать

за кем-л.»; 3. «хватать женщину за груди», *на еришах стоять (сидеть)* «быть на свидании».

Представленный в этих фразеологизмах мотив «ловли рыбы» несомненно вторичен по отношению к мотиву «съедение рыбы». Об этом свидетельствует и более широкая семантическая палитра первого мотива. Хотя в известных нам источниках не зафиксирован русский фразеологизм с образной моделью «съесть рыбу» и значением «забеременеть вне брака», о ее существовании косвенно может свидетельствовать известная русская пословица *«Хочет и рыбку съесть, и на хуй сесть»*. Первоначально эта пословица могла употребляться только по отношению к женщине, которая хотела маловозможного: одновременно забеременеть как магическим путем от съеденной рыбы, так и обычным – половым.

В Луганской области на Украине недавно был зафиксирован фразеологизм *риба наснилась кому* (букв. рыба приснилась кому) «кто-либо забеременела», который также может быть соотнесен с мотивом «рождение от рыбы».

Несколько иной способ контакта с рыбой представлен в кашубском фразеологизме *wegorz ję kasył* (букв. угорь ее укусил) со значением «она забеременела вне брака». Укус рыбы в этом выражении эвфемистически может обозначать дефлорацию. Оплодотворение женщины рыбой широко известно в мифологии различных народов. Поскольку рыбе, по наблюдениям В. Я. Проппа, свойствен фаллический характер, она всегда играет роль отцовского начала (см. Пропп: 232).

С тотемическими представлениями, как нам кажется, связан также мотив «рождение от съеденной птицы», который представлен в словацком фразеологизме *vtáčka zjedla* «она забеременела вне брака».

Представления, связанные с живительной силой растительной природы отражены в мотиве «зачатие от плода», который широко представлен в сказках и мифах различных народов. В. Я. Пропп отмечает, что в русских и украинских сказках чаще всего фигурирует горох (Пропп: 208). С этим мотивом связывается происхождение ряда фразеологизмов, образованных по структурно-семантической модели «съесть + бобовое растение = забеременеть вне брака», которая известна в диалектах большинства славянских языков, ср.: рус. *покушать горошку*, перм. *горохом обьелась*, *горошку наклевалась*, *съела горох с червем*, сиб. *гороху обьесться*, укр. подол. *наїстися гороху*, гуцул. *си наїла бобу*, кашуб. *grochu sę obzarta*,

najesc się bobu, пол. *grochu się objadła*. Фразеологизмы, соотносимые с этим мотивом, как и символика бобовых в славянской народной культуре, подробно описаны А. Плотниковой (Плотникова: 47–55), а также в работах И. А. Подюкова (Подюков: 44–46) и В. И. Коваля (Коваль: 39–40).

Кашубские фразеологизмы *wlezc w grochowinę* (букв. влезть в гороховое поле), *przeńsc bez kapustę* (букв. пройти через капусту) со значением «забеременеть вне брака» имеют мотивацию «**найти ребенка в растениях**» и отражают архаические представления о том, «*что потомство (как и все другие блага) присылаются предками с «того света». При этом как души умерших, так и новорожденные души появляются на земле в период наибольшей вегетативной активности природы*» (Виноградова: 186).

Мотивы, восходящие к мифам о создании первых людей. С. М. Толстая, проанализировав обширный славянский фразеологический материал, выделяет шесть семантических моделей, образная основа которых может восходить к мифологическим представлениям о создании первых людей: «глиняный человек» (человек из глины, из земли, праха), «человек из теста», «сшитый человек», «тканый человек», «вытесанный или вырубленный из дерева», «кованный человек» (Толстая: 1191–1199). Любопытно отметить, что В. Я. Пропп на материале сказок выделяет только два вида «сделанных людей» – глиняных и деревянных (Пропп: 233–236).

За пределами нашей работы осталось значительное количество фразеологизмов со значением «кто-либо родился вне брака», ср.: рус. перм. *из коленка выломил, из подмышки вынули* (Подюков: 44) и «заберемела вне брака», ср.: рус. арх. *ячменного хлебушка поела* (Подюков: 46), бел. диал. *роў улавіць* (Коваль: 37), кашуб. *mróz ję schwócył (narazył), źnija ję kęsęła, pszczola ję ugręzła, pszczolę ję ugręzłę, brzmioł ję kęsył, pszczół ję kęsył, bocón ję węklepół, bocón ję w kolano szczypnął, koza ję pobodła (pobęka), slëmién ję kęsył, ost ję w palec uktół* (Tredér: 167–168) и др. – которые выходят за пределы выделенных нами мотивов и требуют отдельного специального рассмотрения.

Проведенный анализ наглядно продемонстрировал наличие в славянских языках значительного количества фразеологизмов с различной семантикой, внутренняя форма которых мотивирована архаическими представлениями о чудесном зачатии и рождении. Говоря о проблеме соотношения фразеологизмов с фольклорными текстами, трудно не согласиться с выводом С. М. Толстой: «*В каких-то конкретных случаях, по-видимому, фольклорные представления и тексты могли стать источ-*

ником языковых номинаций и выражений, но в целом более верным мне представляется объяснение, предполагающее общую когнитивную основу языкового и фольклорного материала...» (Толстая: 1198). Следует, однако, отметить, что наличие в волшебных сказках мотива чудесного рождения, несомненно способствовало сохранению и популяризации аналогичных фразеологизмов в народной речи.

Использованная литература

- Виноградова, Л. Н.: *Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей*.
Ип: Славянский и балканский фольклор/Этнолингвистическое изучение Полесья.
М. 1995, с. 173–187.
- Ивченко, А.: *Українська народна фразеологія: ономастологія, ареали, етимологія*. «Фоліо»,
Харків 1999.
- Коваль, В. И.: *Восточнославянская этнофразеология: деривация, семантика, происхождение*.
«ИММС НАНБ», Гомель 1998.
- Плотникова, А. А.: *Бобы, фасоль и горох в символике рождения и смерти*. Ип: Кодови словенских культуры, Београд 1996, Број 1, с. 47–55.
- Подюков, И. А.: *Народная фразеология в зеркале народной культуры*. «ПГПИ», Пермь 1990.
- Пропп, В. Я.: *Фольклор и действительность. Избранные статьи*. «Наука», Москва 1976.
- Толстая, С. М.: *Бренное тело, или из чего сотворен человек (этнолингвистическая заметка)*. Ип: Јужнословенски филолог, Београд 2000, LVI/3–4, Посвећено Павлу Ивићу, с. 1191–1199.
- Treder, J.: *Frazeologia kaszubska a wierzenia i zwyczajе na tle porównawczym*. Wejherowo 1989.

Key words:

phraseology, motif of miraculous birth, syntactic-semantic model, ethnolinguistic, etymology

Summary

The motif of miraculous birth in Slavic phraseology

The analyses of Slavic idioms with various semantics the internal form of which reflect the motif of miraculous birth is presented in this article. Especially these idioms are studied which depict ideas connected with totemism and an-

cestors' cult (“the birth as the dead returning”, “the birth from the stove”, “the birth from fish”) and ideas connected with nutrient force of vegetative nature and motifs set up on myths of the first people's creation.

ОБРАЗЫ ДИАЛЕКТНОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ (НА ПРИМЕРЕ СРАВНИТЕЛЬНЫХ КОНСТРУКЦИЙ В СТАРООБРЯДЧЕСКИХ ГОВОРАХ ЛАТГАЛИИ)

Елена Королёва, Латвия

Сравнение – один из способов осмысления действительности. *«Культура неотделима от сравнения, а сравнение от культуры, ибо сравнение в широком смысле – это проблема тождества и различия»* (Маслова: 144). Сравнение как познавательная категория складывается из пяти компонентов: 1. того, что сравнивается (непознанный объект), 2. того, с чем сравнивается (познанный объект, компаративный образ, эталон сравнения), 3. основания сравнения (то общее, что их объединяет, модус сравнения), 4. языковых средств выражения сравнительных отношений, 5. языковой личности, осуществляющей речетворческую деятельность и устанавливающей факты сходства и несходства в окружающем мире. *«В суждении, результирующем акт сравнения, предметом мысли всегда выступает объект сравнения, а предикатом – компаративный образ»* (Еримбетова: 35), который и является предметом нашего рассмотрения. Сравнения из диалектного языка не только отражают народный взгляд на мир, языковую картину мира сельского жителя, но и демонстрируют характер проявления языкового творчества народа. Фраземы в форме сравнительных оборотов являются отражением оппозиции *человек~окружающий мир*. В качестве непознанного объекта в подавляющем большинстве случаев выступает сам говорящий или субъект, включенный в сферу интересов говорящего. Это свидетельствует об антропоцентризме речи диалектоносителя. Интересным представляется тот факт, что компаративные образы при этом используются чаще всего из семантической сферы, связанной с миром окружающей природы и предметной сферы, при этом отсутствуют антропонимы. Все это свидетельствует о близости сельчан к природе и о возникновении компаративных образов такого рода в мифологические времена, когда в сознании человека не происходило еще разделения живого и неживого. Отражение христианских представлений может быть усмотрено в отсутствии сравнений человека с Богом.

Следует помнить, что не всегда можно найти реальный образ-этимон при установлении этимологии фразеологизма. Абсурдность (*Как мыло в рот взявши* «внезапно замолчать»), *Как баран на библии* «не разбираться, иметь слабое представление»), гиперболизация (*Работать как бурый волк*, Вода стоит *как море* – не влезть в огорód) могут использоваться при создании не только художественных образов, но и фразеологических и компаративных конструкций. Кроме того, фразеологизации подвергаются прежде всего обороты, содержащие архаическую, немотивированную лексику: Сижú *как пéха*; Он такой *как пéха*, как стéбнутый (о помутнении рассудка); *Как рожón* лётает, нóсится (рожón «черт»); Вéху залóмишь *как азиóm* тебе: потóрни ветóчку, чтоб тебе не заблудиться (азиóm «азимут, направление движения»); Состáрился *как пóльские сáни*. Диалектоносители не могут объяснить значение лексем *азиóm*, *пéха*, *рожón*, а также то, чем отличаются пóльские сáни от остальных типов зимних повозок крестьян. По-видимому, в данном случае решающим фактором, приводящим к сохранности этих фразем, оказывается повышенная экспрессивность немотивированных фразеологических единиц.

Метафоричность, характерная для фразем, находит отражение в том, что общенациональные идиомы, не оформленные в общенациональном языке как сравнительные конструкции, в диалекте могут использовать форму сравнительных оборотов: Ему́ что, окно́ в Европу проруби́л, *как козлóв на пóле вы́пустил*, распусти́л. Ср. с фразеологизмом литературного языка *пустить козла в огород*. Фразеологизм литературного языка *пьяный в стельку* представлен в форме компаративного оборота *пьяный как стéлька*, а просторечный фразеологизм *по бараба́ну* «безразлично» выступает в идиолекте в форме сравнительного оборота *как по бараба́ну*: Как и ло́шадь: друго́ю ты тронь вожжи́нкой, а друго́ю бей – *как по бараба́ну*. Эти и подобные примеры (число их можно значительно увеличить) отражают тенденцию к эксплицитному выражению в диалекте сравнительной семантики.

Сравнение окказионального характера как бы делает равными, приравнивает друг к другу различные предметы и явления на основании общего сходного признака или нескольких признаков, которые при этом остаются неназванными, и в то же время субъект высказывания получает характеристику: Гла́зы *как пúговицы таки́е*, – краси́вый собачо́нок; Так пла́чет, бédная: слéзы, *как с кры́ши с сосу́лек*, текúт. Образ, привлекаемый для сравнения, может легко развертываться в совершенно самостоятельную картину.

Рассмотрим теперь два основных типа компаративных образов, лежащих в основе сравнительных конструкций: сфера деятельности человека и мир окружающей природы.

Компаративные образы, отражающие сферу деятельности человека

Здесь представлена хозяйственная и интеллектуальная сфера деятельности человека. Явное преимущество принадлежит хозяйственной сфере. Компаративный образ создается за счет использования слов, обозначающих артефакты, предметы быта, действующие механизмы (автогѐн, вѧленок, вѧшалка, вѧжжи, клѧцка, кѧлокол, кѧмпас, коромысло, кувѧлда, молотилка, пила, портянки, пружина, резина, решето, танк, ухват, шило). Эталоны сравнения выступают привычные предметы быта, связанные с каждодневными занятиями сельчанина. Причем некоторые из них специфичны для круга занятий сельского жителя, другие – для горожан, связанных с техникой, одни – для женщин, другие для мужчин. Кроме того, отмечаются и акциональные глаголы (выговаривать, вылегчить «кастрировать», выточить, рисовать, шить).

Тот год как первый ураган тут был, *делянки* были вырезан, *как пилѧй всѧ срезан было*, полосой – два года расчищѧл. А щас, змеи, как пойдѧт выламываться, *руки как молотилки* – никакого склѧда. *Клѧны* все *как автогѧном вырезан листья*. Как задрожѧли окна – Вѧра Андреевна *как танк* идѧт. Змей, горбатый такой *как коромысло* (о кабане). А корѧва была такая тяжѧлая, *рогѧ* были *как вухѧт*. *Как по кѧмпасу* идѧт (о коте). Змеи, красивые, *как нарисованные*, как одна (о сестрах). Вот пѧра так пѧра: ѧба *как выточены*, красивая пѧра. *Как вылегчен*, считѧй, что половина егѧ! Пришѧл домой *как вѧленок* (в нетрезвом состоянии). В Ригу уѧхал толстый, приѧхал *как вѧшалка* – вот тебе и зуб. Полная, сбита *как клѧцка*. *Бьют как в кѧлокол* – все *говорѧт одно и то же*. Вот ямѧ гармонь: ну, *игрѧл как выговаривал!* А ѧту дѧржит *как на возжѧхѧх* (в строгости). Идѧт, *прѧсто шьѧт*, онѧ дышит вся, *как на пружинах*, щас как мѧха отравленная идѧт, крылья попустивши (о современной женщине, измученной заботами).

Последний пример свидетельствует о частотности сравнения в речи нашего информанта. Как видим, в одном высказывании представлено три сравнительных конструкции.

Компаративные образы, отражающие мир природы

Здесь представлены образы растительного и животного мира, а также образы, основанные на наименованиях объектов природного ландшафта (болото, море), атмосферных явлений, небесных тел. В большей степени отражен животный мир. При этом домашнее животное может выступать как эталон сравнения при характеристике дикого животного: *Зайцы как бараны*, такие серые, здоровецкие, ступить нэгде – одни зайцы. Упоминаются дикие животные (выдра, кабан, рупоть, тюлень), в том числе не встречающиеся в данной местности (тюлень), а также домашние животные (бык, козёл, кот, лошадь, овца, собака, теленок), птицы (индюк, курица, цыпленок), насекомые (муха, трутень, червяк). Сельские жители лучше городских знакомы с этим миром, их благополучие и даже само существование напрямую зависят от умения успешно взаимодействовать с окружающей природой.

Как кабан с-подо лба посмотрел: налоги надо платить. Может, поработал бы физически, а что я, *как тюлень*, всё тянет посидеть. Она *как эта выдра*: так и крутится, и вскочит, и выскочит, и пошла болмотать (о выступлении эстрадной певицы). В литературном языке с этим образом ассоциируется другое представление: так говорят о женщине с гладкими, редкими волосами. Бывало подобит, процедит и с банки *как рупоть* (жаба), пьёт яво как што (о парном молоке). Глазы белые *как в сдохлой собаки*. *Люди* живут *как коты в завязанном мешке*. В его брат тоже такой был неcludямый (нелюдимый), слова не добиться, такой *как бык*. Здоровый был, змей, *как бык*, а шчас слинял, принесут, говорит, одной какой-то заварухи (о доме престарелых). Как видим, здесь появляется специфично диалектное нелюдимый *как бык*.

Она была какие-то *таблетки* надывавша, горькие-горькие *как осина*. А в самого *слёзы как град*. Говорить ничего не говорит, а в самого *слёзы* текут *как боб*. Оны, *листья*, вон *как шальник* (камыш), на озере поплавки эти плавают. Ты *как с болота* этот *свитер* вытянул – такой *сивый*. Вытянулся в нитку (во время сна) *как червяк после дождя*, а меня мятка звала: эво наш косорага – скрутивша спал. Как придёт, тада балмочет *как индюк*. Счас идёт *как муха трвлена*: вечно в суety, в заботах, в недостатках, в недохватках (о женщине). Сидишь *как трутень* (без дела). А помёр, ни одного зуба не было вываливша – все *зубы как репа*. Она *как овечка*: поскубаёт – поскубаёт, ты ж своё полешь, назавтра опять вырастет.

Говядина крупная, её как ты не мели́, всё равно **как гверста́** (мелкие камешки). **Анто́новка** чёрным пятнам, а ны́нче **как яйцо́ чистые** все.

Материал показывает, что совпадающих с литературным языком сравнений немного: здоровый как бык, жестокий как живодер, черный как смоль, идти напролом как танк, слезы как горох, гладкий как зеркало, худой как вешалка, мясо жесткое как резина. Характерными для данного диалектного социума являются: много как грязи, как у цыгана коней, пьяный как валенок, как стелька, как суслик; тупой как бутылка, как пробка, как стенка. Для создания компаративных образов часто используется диалектная лексика: гверста́, копы́т, ма́лец, ру́поть, ша́бальник. Сравнительные конструкции, имеющие статус фразем, используются в говорах в основном как средство создания образности. Все они содержат особого рода оценку, чаще отрицательную, – через сравнение. Наиболее отчетливо это выражается при эксплицитном выражении оценочности в структуре высказывания: **А друго́му ужé** как медку́ лизну́ть **сде́лать** пло́хо. Сами же фраземы в форме компаративных конструкций свидетельствуют об эксплицитности выражения метафорического значения, характерного для фразем.

Использованная литература

Еримбетова, А. М.: *Сравнительные конструкции как один из способов категоризации мира.*

In: Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Концептосфера русского языка: константы и динамика изменений. «Политехника», СПб. 2003. С. 34–42.

Маслова, В. А.: *Лингвокультурология.* Academia, М., 2001.

Key words:

phraseological expression, comparative construction, comparative type, national stereotype, language picture of the world, neologism, Old Believers dialect, metaphor

Summary

Yelena Korolyova

Types in dialectal phraseology in comparative constructions in the dialect of Old Believers of Latgale

In the article are described dialectal phraseological expressions, which are registered by the author in the dialect of Old Believers of Latgale. These phraseologies are expressed by comparative constructions. Comparative types express the opposition human being – world, and are usually motivated by everyday occurrences and traditional conceptions. Those are national stereotypes. Besides, there are comparative constructions meaning approximate likeness and dissimilarity of phenomena. Comparative types are household goods, mechanisms, animals, plants, insects and natural occurrences. They reflect the principles of anthropocentrism. The picture of the world in the dialect of Latgale is specific, evidences of that are described idioms. There are presented a lot of neologisms in the article.

ЖИЗНЕННЫЙ ВЕК ЧЕЛОВЕКА В ВЕГЕТАТИВНЫХ МЕТАФОРАХ И ФРАЗЕОЛОГИЗМАХ

Мирослава Малюха, Польша, Кельце

Для славянской фольклорной традиции характерна «символизация» природной лексики, и в первую очередь – растительной, что является продолжением более древних мифологических представлений, в основе которых – явление анимизма и антропоморфизма как проекции человека на окружающий мир. Антропоморфизация растений получила свое дальнейшее развитие в поэтических тропах и фразеологизмах, где не только (и не столько) облик человека, но и сама человеческая жизнь в ее личностных и общественных проявлениях, равно как и здоровье, физическое и духовное, которые приобрели в образах травы и цветка свое метафорическое воплощение.

С глубокой древности в языческом мировоззрении образ женщины, ожидающей рождения ребенка, переплетался с образом прорастающего в земле зерна. Такие верования находят отражение и в известной славянской формуле *мать-земля*, которая является не просто образным словосочетанием, а выражением сущности взглядов славянина на землю. В основу мифологического концепта лег семантический комплекс «женщина – земля – рождение», описываемый корнем *gen-.

В сфере подобных представлений объяснимо развитие значений слова *семя* – «род, потомки, племя», «зародыш, источник чего-либо». На фразеологическом уровне параллелизм ребенка и семени представлен в пословицах – *Зярнятка маленьке, а дрэва з яго вырастае вялікае (а колас з яго вырастае вялікі)*; *Пустазелле расце нясеянае; Добрае насенне і на пустой зямлі ўзойдзе*. Кроме того, архаическое соположение семени и ребенка, растения и человека поддерживалось характерными для славян верованиями о связи с растениями душ умерших людей.

Верования о перемещении потусторонней силы вообще (и нечистой в частности) последовательно в деревья, а затем в травы, цветы, злаковые всходы и, наконец, в плоды свидетельствуют о связи ее с вегетативным циклом растений. В этот же мировоззренческий комплекс включаются

и представления, объясняющие, когда и каким способом божественные силы, предки, духи посылают людям потомство. Особенно заметна связь появления младенцев с вегетацией растений: детей находят не только в траве, цветах, среди овощей, ягод, грибов, в злаковом и конопляном поле, в кустах, стряхивают с деревьев, но и обнаруживают их внутри овощей (ср. *Принесли мы огурцы с грядки, разрезали, а там - маленький сидит*).

Соответственно, собирательное *семья* можно рассматривать как мифологическую метафору «зерна от одного семени (колоса)», откуда и др. – рус. *семьца* – «младший член семьи», метафорически – «малое семя». Семья, таким образом, объединяла малые и большие «семена» в диахронии, представляя горизонтальный «срез» рода.

Восприятие родственности, а через нее – семьи, базируется на биологических и культурных концепциях и на уровне массового сознания порождает представления о подобии родственников в их наиболее характерных приметах. Славянские пословицы демонстрируют огромное количество примеров реализации интернациональной модели **Какие родители – такие и дети**. При этом подчеркивается наследственность не только внешних, но и моральных качеств человека. В большинстве случаев сопоставляются обобщенные образы – **растения и его плодов**: бел. *Якая яблыня, такое і яблыка*, бел. *Які куст, такая і ягада*; **растения и отростков**: бел. *Які куст, такі і парастак*; *Які дуб, такая і сучкі*; **колоса и зерна** и т. д. Видимо, использование образа дерева, травы опирается и на тот факт, что в растительном мире ярче выражается наследственность.

Актуальным в символизации этого возрастного комплекса становится зеленый цвет, характерный для весенней вегетации – укр. *зелено під носом*; *молодий та зелений* «о молодом и неопытном человеке»; рус. *Зелен виноград не сладок, а млад человек не крепок*. Невеста также изображалась в поре «начала цветения» или «плодовой завязи», что имело сакральное значение: нерасцветенность и недозрелость символизировали физическую и нравственную девственность невесты, неразбуженность ее половой страсти до брака. Этот смысл содержится и в русском присловье *Девку отдай замуж, не доращивай!* Невеста – «береза не зеленая», «калина не красная», «рябина не созрелая» – типичная метафора восточнославянского песенного фольклора.

Фольклорно-фразеологический образ молодой девушки в славянской традиции и разрабатывается прежде всего в терминах вегетативного кода.

Традиционные образы **цветка** – *Цвели цветки да поблекли, любил молодец красну девицу да покинул*; бел. *На свежую кветку пчолка ляціць, а на старую і чорт не глядзіць* или **травки** – рус. *Девушка не травка, не вырастет без славки*, **плодов** – *Девуца в терему, что яблочко в раю* или **овощей** – бел. *Не па рэпачыцы націнка, не па дзевачыцы дзяцінка*, **деревьев** – бел. *Дзеўкі – як вярба: іх усюды перасаджваюць*, но особенно популярна «ягодная» символика – *Марина не малина: в одно лето не опадет*; бел. *Малина не тая, што дзяўчына: чым болей спяя, тым смачней будзе*.

Славянскую концепцию жизни отражает и возрастная терминология. Так, про девочку до наступления половой зрелости говорят, что она еще не цветет – *не ма ещe цвіту*. Возраст понимается как период наиболее полного расцвета жизненных сил, реализации юридических прав и трудовых функций. Не только в ритуальной практике, но и на уровне терминологии и фразеологии проявляется связь между цветением растений и «цветением» женщины. Название женских месячных периодов неизменно связывается со словами типа «цвет», «цветок», «цвести», см. пол. *kobieta kwitnie; Jesce kobieta cegos warta, jak kwitnie*. К наиболее ранним свидетельствам связи между цветением растения и «цветением» женщины относятся описания ритуалов из «Каталога магии» Рудольфа – рукописи середины XIII века, когда женщины во избежание беременности то, что они называют своим цветом (цветком), бросали на дерево бузины со словами: «Ты носи за меня, а я буду цвести за тебя». Тем самым женщина как бы обязывала растение плодоносить вместо нее, а взамен просила у него «цветение», т. е., вероятно, регулы, не совместимые с беременностью.

Именно образ растения избран для передачи в народной поэзии и фразеологии эмоционально богатого комплекса брачно-любовных отношений. В первую очередь обращает на себя внимание последовательная классификация растений относительно символизации ими того или иного пола. Истоками такой семантизации становятся как экстралингвистические показатели типа особенностей формы, вкуса и т. д., а также такие собственно лингвистические параметры как грамматический род их обозначающих, этимология слова и т. д. Так, в славянских представлениях блок «мужских» растений составят огурец, морковь, перец, петрушка, хмель, ячмень, «женских» – капуста, репа, свёкла, ягода.

У всех славян зачатие ребенка ассоциировалось с разбухшим и проросшим семенем гороха или боба. В восточнославянских волшебных сказках чудесное рождение богатыря по имени Покатигорошек, Иван-

Горох, Покатигорох, бел. Кацігарошак связывается с проглатыванием горошины или бобового зернышка. Данный сказочный сюжет имеет определенные бытовые параллели: достаточно известны фразеологизмы *гороху об'єсться, покушати горошку* «забеременеть, как правило, вне брака» и *провести опыт с горохом*. Аналогичные выражения встречаются в польском языке: *grochu się objadła*, кашуб. *ona są grouxixi obżarla, groux ja poci, vlezc v groxovině* – «забеременеть».

Архетипическая концептуальная связь человек – дерево находит отражение и в метафорике современного языка: *генеалогическое* (= «родовое») *дерево, корень* рода – старший член семьи, *прямая ветвь* – прямые наследники, в которой усматриваются следы древних представлений, согласно которым мир человека организуется по образу и подобию природного устройства. Укрепившиеся в языковом сознании, эти представления находят свое продолжение и в метафорах научного характера – *корень слова, языковое древо, языковая ветвь*.

Совершенно особое место в репрезентации растительных образов в идеографическом поле «Человек» отводится устойчивым сравнениям, которые описывают широкий спектр характеристик человека, причем как внешних, так и внутренних. Образ цветка традиционно служит эталоном красоты. Такие сравнения функционируют и самостоятельно – укр. *дівчина, як калина (квітка, цвіточок, маківка); зелена, як барвінок*, и в составе пословиц – *Красна дівка в хороводе, що маков цвіт в огороде*; бел. *Была, што чырвоная роза, а стала, што белая бяроза*. Сравнения подробно прорабатывают весь внешний облик человека, так, его голова сравнивается с кочаном капусты – бел. *У яго галава што качан капусты: хоць і вялікая, але без розуму* или тыквой – бел. *У яго на плячах гарбуз, а не галава, толькі з носам і вачамі*, губы с малиной, а зубы с чесноком – бел. *губкі як малінкі, зубы як часнык*. Целый ряд сравнений посвящен глазам – укр. *очі, як терінь, очі, як цибуля* «о больших, выпуклых глазах», бел. *Вочы на яблыку, а галава з арэх*. Если в народных сравнениях для подчеркивания необходимого качества традиционно избираются прямые, образные соответствия, то в пословицах встречаются преимущественно метафорические, переносные контексты. Человеческие качества порой неожиданно раскрываются через сопоставление их с образом дерева, растения, плода: рус. *Дерево смотри в плодах, человека в делах, Плохое дерево в сук идет, Гроза бьет по высокому дереву, Велик дуб, да дупляет, а мал дуб, да здоров*, бел. *Высокае дрэва ўсе ветры гнуць (высокія дрэвы бура ломіць*

першыми); Старога дуба не сагнеш, Скрыпучае дрэва жывучае; Скрыпучае дрэва не ломіцца (доўга жыве); Ад ветру гнецца тое дрэва, у якога слабыя карэнні; Вялікае дрэва глыбока пускае карэнні.

С наступлением старости меняется внешность человека, на что иронично указывают народные сравнения – бел. *скапусьтлася, стала бы той насіннык*, укр. *старий, як пеня, молода, як у Спасівку ягода* «ирон. о старой женщине», *молодий та зелений, як гарбуз у Спасівку* «ирон. о старом мужчине», особенно популярен здесь образ гриба – бел. *як грыб гнілы (стаць, зрабіцца), Жыве, жыве чалавек, а дажывае да грыба*. Вместе с тем, как на это указывают фразеологизмы, у пожилого человека иные достоинства – опыт, знания: бел. *У трухлявым бервяне бывае і моцны сук*.

Наполненная вегетативными образами символизация жизненного пути человека находит свое проявление не только в поэтических текстах и устойчивых выражениях, но и на уровне собственно лексической номинации.

В итоге диахронная «вертикаль» рода накладывается посредством идентификации на природную вертикаль дерева, архетипически – Мирового древа («оси» мира, соединяющей три области мироздания: небо (крона), землю (ствол), подземный мир (корни).

Вместе с тем, человек не только использовал образ растения для описания своих свойств, качеств и поступков, но и наделил его своими собственными качествами. Антропоморфное восприятие растения, и прежде всего дерева, стало основой как многих мифопоэтических мотивов, так и языковых метафор типа *плакучая ива, морщинистый ствол* и т. д. Тропы, фразеологизмы особенно наглядно демонстрируют метафорическое (а в основе – мифологическое) восприятие жизни человека как вегетативного цикла (см. *семя, зародыш, цветущий возраст, созревание, зрелость*). На уровне лексической и фразеологической семантики в полной мере эксплицировалась идея подобия генезиса человеческого рода и вегетации растения. Изоморфный характер их отношений свидетельствует о том, как антропоморфизм природы и физиоморфизм человека образуют постоянные составляющие, меняется лишь их дозировка.

Key words:

phraseology, metaphor, man's lifetime, plants, conception, birth, maturing, growing old, death, relationship "language – culture", picture of the world

Summary

The article attempts to analyse Slavonic metaphors and phraseologisms reflecting common perception of human life as a vegetative cycle. The vegetative symbolization is a continuation of the ancient mythological ideas concerned with animism and anthropomorphism. It connects not only to man's exterior, but also to his lifetime (conception, birth, maturing, growing old, death). Thus, reconstruction of the traditional model of the world in any ethos is impossible without turning to the system of its vegetative conception.

ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ В ПОВЕСТЯХ В. РАСПУТИНА: СМЫСЛОВЫЕ НАСЛОЕНИЯ КАК ПРОБЛЕМА ПЕРЕВОДА

Тамара А. Милютина, Польша, Ополе

1.0 Работ, посвященных фразеологии сибирского прозаика В. Распутина, пока немного. Однако фразеологический материал его произведений (художественных и публицистических) может представлять интерес как для отечественной, прежде всего с позиций индивидуально-авторского отражения национального идиоматикона, так и для сопоставительной фразеологии.

1.1 В кругу фразеологических единиц повестей В. Распутина особый интерес представляют единицы, которые участвуют в формировании ассоциативно-символического плана произведения, являясь ключевыми в понимании идейного замысла художника. Устанавливая закономерности функционирования лексико-фразеологических единиц в художественной системе произведений писателя, исходим из тезиса, что одним из необходимых условий поиска соотносимых средств в языке перевода является ориентация на эстетико-концептуальную установку автора.

В повести «Прощание с Матёрой» (1976) *информацию концептуального свойства* несут, в частности, библейские идиомы с их способностью создавать «подтекст современной русской культуры» [1]. Их писатель использует как слова-сигналы, чтобы воссоздать своеобразную библейскую проекцию – параллель к разворачиваемым в повести событиям. В повести происходит постоянное сопоставление конкретно-бытового событийного плана с *оценочным* авторским по шкале «добра и зла» в народно-христианском его понимании. Введение «вечных» аналогий к конкретным жизненным ситуациям – один из традиционных способов моральной оценки. Писатель предлагает нам своеобразное «двуфокусное» восприятие мира, обращаясь к приему, характерному для древнерусской литературы, т. е. к сопоставлению, которое позволяет актуализировать «духовный смысл» сравниваемых объектов [2].

1.2 Наша задача – проанализировать содержание произведения, учитывая его *ценностные ориентации, нашедшие воплощение в слове*, а также возможности передачи концептуально значимой информации средствами близкородственного языка. Ставя вопрос о «переводе» используемых автором *библейзмов*, мы, по сути, ищем ответ на вопрос: в какой мере в переводном произведении удастся «сохранить» ключевые слова, которые формируют матрицу, создающую ассоциативно-тематическое поле, при условии, что (1) в языке перевода есть эквиваленты тех слов-сигналов, которые автор соотносит с библейской тематикой, (2) семантическая структура и (3) ассоциативные поля этих единиц совпадают. Исходим из того, что полнота передачи мировоззренческой установки писателя (т. е. передача средствами близкородственного языка всех необходимых оценочно-смысловых наслоений) будет зависеть от степени совпадений ассоциативного ореола сопоставляемых единиц. При этом уточним, что оценочно-смысловые наслоения формируются как на синтагматическом уровне, – включением в цепочку тематически связанных единиц внутри текста, создающих матрицу ассоциативно-символического плана, так и на прагматическом, внетекстовом уровне [3]. В последнем случае речь идет о коннотациях слова или фразеологизма, отражающих национально-культурный исторический опыт носителей языка.

2.0 Чтобы проследить, как складывается в художественном произведении необходимый ассоциативно-символический ореол отобранной автором единицы, обратимся к следующему контексту: *...когда дождь только еще направлялся, побрызгивая манной небесной, угодной полям и огородам, в Дарьин дом – приехал Андрей [внук Дарьи] (239/273/87 ПМ)*. Этот библейский фразеологизм представлен и в чешском языке (ср.: чеш. *Biblická/Nebeská/Božská mana*); ему посвящена богатейшая литература. Но пример интересен еще и потому, что выявляет различия в подходах к анализу ФЕ, извлеченных из художественного текста. Прочитированный фрагмент из повести Распутина представлен в статье Л. И. Степановой «*Манна небесная* в чешском и русском языках» [4]. Тщательный анализ истории возникновения и бытования исходной единицы *манна небесная* и её смысловых ответвлений *ждать как манны небесной, ждать манны небесной* приводит автора к резонному выводу: данные ФЕ не только не являются устаревшими, но, наоборот, активно употребляются и развиваются. Но-

вым, по наблюдению автора, является значение «о том, что дается даром, легко, без труда», встречающееся в современной публицистике.

Вместе с тем трудно согласиться со стилистической пометой *шутливое*, которую предлагает Л. И. Степанова, характеризуя современное употребление библеизма.

2.1 Природа в повести «Прощание с Матёрой» – это своеобразная природно-космическая рамка, обрамляющая все происходящее на земле, в том числе и на Матёре [5]. К ценностно «отмеченным» природным явлениям в повести писателя относится и дождь, поэтому сочетание *манна небесная* попадает в ряд лексики высокой тональности. В описании окружающей природы эта лексика становится средством создания второго плана повествования, контрастирующего с буднично простым, внешне незамысловатым событийным планом.

Мотивацию использования фразеологизма в этом значении находим в предшествующем контексте: *Дождь, что ли брызнул бы* – (237/271 ПМ). Своеобразие проявляется в том, что автор восстанавливает «внутреннюю форму» библейского образа, делая опорным словом глагол *одождил* (ср. с таким источником: *И одождил на них манну в пищу, и хлеб небесный дал им...* [Псалтырь 77: 24]; – в комментариях и справочниках при толковании фразеологизма упоминается обычно текст Исхода: *И нарек дом Израилев хлебу тому имя: манна...* [Исход 16: 31]). Однако в использовании глагола прозаик новатором не является, ср.: *Нам камень лил воды потоки, / Дождили манной небеса* (Хомяков. Мы – род избранный!) [6].

Исходя из более широкого контекста, полагаем, что для автора важна и исконная идея *дарованности*, значение «ниспосланный свыше, от Бога». Это мотивировано последующим фрагментом: *Дождь оказался кстати: можно было посидеть, поговорить не торопясь; не решались отважиться на передышку своей властью, так ее спустил сам бог* (240/274 ПМ).

Опираясь на традиционное в русском языке употребление («Что-л. крайне необходимое, желательное, ожидаемое»), автор выстраивает цепочку контекстов так, что оборот *манна небесная* вбирает ряд смыслов, происходит их своеобразное наслоение.

2.2 Иная картина наблюдается в чешском переводе. Чешскому языку известен этот оборот, однако семантический объем формально сходных библеизмов не совпадает. В 50-ые годы лексикографы отмечают

употребление «žert. živit se manou nebeskou, živit se vzduchem» [Большой русско-чешский словарь II, 201] со значением «питаться *манной небесной* – питаться воздухом» или «fig. Přen. živit se nebeskou manou, vzduchem, hladověti» («голодать») [7]. Поздние варианты также фиксируют только пищевой аспект, восходящий к образу *хлеба небесного* [žalm 78: 24]¹, но со значением «очень вкусная еда», ср.: *Biblická/Nebeská/Božská mana* (kniž; expr., přízn., pochv.) *velmi chutný pokrm* Tohle ani není koláč, to je přímo *biblická mana!* [8]. Примеры, приведенные в статье Л. И. Степановой, наглядно показывают, что значение «о чем-н. приятном, желанном, доставляющем удовольствие, блаженство» для чешской фраземы становится ведущим.

2.3 Из-за расхождения смыслового объема формально сходных библеизмов передать авторскую оценочность «библейского» сравнения в переводном произведении не представляется возможным; поэтому в соответствии с логико-понятийным содержанием в переводе отражена только «желательность» дождя: – *kdy se teprve k dešti chýlilo a kdy spadlo jen pár toužebně očekávaných kapek, tak potřebných polím a zahradám* –.

Казалось бы, что сохранить авторскую библейскую аллюзию можно в ином пассаже. *Благодатный* очистной дождь был ниспослан на деревню и после отъезда с Матёры «набежников» – так местные жители прозвали присланных на уборку шумных и хулиганистых «помощников» из города: *Убрали хлеб, и на три дня опять напросился дождь. Но был он тихий и услужливый – унять пыль, помягчить усталую, затвердевшую землю –, пригасить чадящие дымы и горькие разорные запахи пожарищ. И падал этот дождь светло и тихо, не забывая воздуха и не закрывая далее – Приезжие, покончив с хлебом, слава богу, снялись – после них и пошел этот благодатный, очистной дождик* (290/330 ПМ). Значению «приносящий пользу, благо» [БАС, т. 1, стб. 480] в чешском языке соответствует прилагательное, включающее «библейский» (старославянский) по происхождению элемент *blaho-*: *Potocníci z města dokončili zklizeň obilí a chvála bohu zmizeli – a potom po jejich odchodu, přišel jako na zavalanou blahodárný*

¹ Ср. чешский вариант Псалтыри: [Žalm 78: 24]: *A dštil na ně mannou ku pokrmu, a obilí nebeské dával jim* (Křál.); – *jako děšť spouštěl na ně manu, aby nebeské obilí jim dával* (экумен. перевод), а также [Žalm:]

očistný deštěk. Однако «земное» и «небесное» значения в чешском языке разведены: *blahodárny* «благодатный (о дожде)» сохраняет только формальную связь с древней формой, в то время как сакральный смысл («о благодатной силе») передает совсем другая лексема – *omilostňující* [Большой русско-чешский словарь 1, 72].

3.0 Адекватная передача авторского замысла в текстах, богатых аллюзиями, создающими многоплановую идейную насыщенность художественного образа, - задача чрезвычайно сложная. Выбору необходимого варианта перевода в какой-то мере может способствовать тщательная фиксация всех употреблений единицы (с возможными наслоениями смыслов).

Использованная литература

1. Колесов, В. В. Славянорусский и церковнославянский в древних переводах Евангелия // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян. Материалы Межд. библейской конференции, посвященной 75-летию Русск. Библейской комиссии. Санкт-Петербург., 1994. С. 24.
2. См.: Лихачев Д. С. Поэтика древнерусской литературы // Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. Т. 1. Л.: Худож. лит., 1987. С. 461, 399, 442, 455, 456.
3. См.: Лескис Г. А. Синтагматика и парадигматика художественного текста // Изв. АН СССР, ОЛЯ, т. 41. 1982. № 5. С. 430–441М., 1975. С. 231–232.
4. Степанова Л. И. *Манна небесная* в чешском и русском языках // *Rossica Olomucensia XXXVII (za rok 1998)*. Olomouc 1999. S. 73–78.
5. Семенова С. Г. В. Распутин. М., 1987. С. 109.
6. Михельсон М. И. Ходячие и меткие слова: Сб. русских и иностранных цитат, пословиц, поговорок, пословичных выражений и отдельных слов (иносказаний). М.: ТЕРРА, 1994. С. 198.
7. Martinková M. *Rusko-český frazeologický slovník*. SPN Praha 1953. С. 206.
8. *Slovník české frazeologie a idiomatiky: Výrazy neslovesné*. Academia Praha 1988. С. 168.

Key words:

W. Rasputin, biblical expression “godsend”, key word, writer’s artistic skill, associative and symbolic representation of a work of art, translation

Summary

One of the conditions in the search for the corresponding means in translation is to fix the translator's attention on the author's aesthetic idea. The aim of essay is the present the problem of keeping the meaning of key words to maintain the artistic atmosphere of the world created in the novel.

ПЕРСПЕКТИВЫ ИСТОРИКО-ЭТИМОЛОГИЧЕСКОГО ОПИСАНИЯ РУССКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Валерий Мокиенко, Россия, С.-Петербург – Германия, Грейфсвальд

Историческая фразеология русского языка без массивованного и постоянного обращения к фактам украинского, белорусского, польского, чешского, словацкого и других славянских языков невысмыслима. Любая попытка игнорировать славянский материал в историко-этимологических экскурсах русской фразеологии обречена на провал. А точнее – будет сведена к двум равно ошибочным направлениям историко-этимологических интерпретаций. Либо – к признанию сугубо национального, якобы специфически русского колорита нашей фразеологической картины мира, либо – к огульной диагностике вроде «калька с французского», без учета более широкой славянской и европейской дальнотойности того или иного фразеологизма.

Именно более последовательное и целенаправленное обращение к славянским и европейским языковым параллелям при дальнейших историко-этимологических разысканиях в области русской фразеологии мне представляется главной, приоритетной перспективой. А посему – **и первой задачей** исторической фразеологии.

Последние два десятилетия мы, фразеологи-русисты, находились под мощным магнетическим воздействием двух направлений лингвистики, резко подчеркивающих национальную самобытность, специфичность нашего языка и менталитета, его оторванность от других языков и культур. Сначала, в 70-е годы, это делалось под эгидой столь популярного и небезполезного для нас, преподавателей-практиков, **лингвострановедения**. Затем, в 80–90-е годы, эту эгиду перехватила **когнитивная лингвистика**, увлекшая нас перспективой воссоздания сугубо национальной «картины мира».

Отчуждение от языковых фактов и культур других народов в некоторых исследованиях такого рода породило особый образ «русской души» – души фаталистической, мятущейся, экстремальной в своей необъятной широте и абсурдной непоследовательности. И в этих реконструкциях

русской души фразеологический материал инструментализировался весьма активно – достаточно только вспомнить пресловутый русский Авошь при интерпретации русского национального характера А. Вержицкой (Вежбицкая 1996, 78–79) или фразеологию и паремиологию типа *сладкая женщина* или *Сорок лет – бабий век, в сорок пять – баба ягодка опять*, свидетельствующие якобы о патриархальном «гастрономическом» отношении русских мужчин к женщинам, В. Н. Телии (Телия 1996, 231, 246, 262–268). После столь активных поисков национальной специфичности пора, однако, как кажется, обратиться, наконец, и к языковым фактам, неоспоримо показывающим, что русский язык **не отделяет, а объединяет** русский характер с характерами других народов. Пора заняться поисками **европейского** в русском национальном характере. И любое – даже самое поверхностное – сопоставление русской фразеологии с фразеологией славянской, немецкой, французской, английской и др. покажет, что объединяет русских с европейцами неизмеримо большее, чем преувеличенно пропагандируемое некоторыми когнитивистами сугубо национальное, фатальное, «матрёшкинско-балалаечное».

Переоценка национального, справедливости ради надо признать, – не вина или заслуга наших лингвистрановедов и художников «языковой картины мира», а – закономерное следствие предшествующих этапов исторической фразеологии русского языка, своеобразное наследие нашего «тяжёлого фразеологического прошлого».

С чего начинался в России и в других славянских странах интерес к истории и этимологии национальной идиоматики? Факты показывают, что прежде всего – именно с поисков национально специфичных идиоматических раритетов. Так, в 1813 г. в журнале «Вестник Европы» публикуется заметка Саларева «Догадка», от чего произошла пословица *«после дождичка в четверг»*. Аналогичные этюды появляются позднее в «Московских ведомостях» (*во всю ивановскую* – 1845 г.), «Литературной газете» (*жить на большой ноге* – 1841 г.), «Этнографическом обозрении» (*с легкой руки* – 1890 г.) и других газетах и журналах. К истории русских выражений в связи с возросшим интересом к духовной культуре славян обращаются в своих трудах известные ученые А. А. Потебня, Ф. И. Буслаев, А. Н. Афанасьев, Д. К. Зеленин. Наконец появляются сборники, целиком посвященные происхождению устойчивых словосочетаний (И. М. Снегирева, С. В. Максимова, М. И. Михельсона, С. Г. Займовского, Э. Вартаньяна и др.).

Материалы по истории и этимологии русских фразеологизмов, представленные в этих работах, далеко не равноценны. Слабой их стороной является чрезмерное увлечение этнографическими фактами, стремление «привязать» то или иное выражение к конкретному историческому событию или лицу. Типичным примером «привязки» такого рода является заметка в газете «День» (1862, № 49, с. 7), посвященная фразеологизму *на Маланьину свадьбу*. По мнению автора, выражение *на Маланьину свадьбу* связано с конкретным лицом – известной своим хлебосольством Маланьей Карповной, женой донского атамана. Многие современные популяризаторы некритично воспроизводят и сейчас эту версию, доказывая её «историческую самоценность». Строгий лингвистический анализ, однако, показывает ее абсолютную историческую «анекдотичность» (Мокиенко 1974; Эккерт 1990). Проверка этимологий такого рода с лингвистической точки зрения приводит к тому, что большинство из них оказываются несостоятельными. На это обратил внимание уже академик А. И. Соболевский, который в своей рецензии на книгу С. В. Максимова писал, что толкования автора «объясняют крылатые слова очень мало и в большинстве случаев состоят из кстати и некстати рассказанных анекдотов, а его исторические и филологические сведения отличаются сомнительными достоинствами» (Максимов 1956, 291). Известно и суровое, но справедливое замечание проф. Б. А. Ларина, который назвал упомянутые сборники «совсем анекдотическими и полуанекдотическими книгами», подчеркнув при этом, что «здесь подлинных разысканий по истории слов не было, а измышляли для широкой публики или для учащихся забавную этимологию в самом средневековом стиле» (Ларин 1977, 44).

Именно – для «широкой публики». А публика, как известно, всегда требует национально специфичных «хлеба и зрелищ». И русская историческая фразеология знает немало случаев, когда общечеловеческое или хотя бы общеевропейское приносилось в жертву собственно русскому, национально-специфическому. Разительный пример – посмертное однотомное издание тезауруса петербургского энциклопедиста-филолога Морица Ильича Михельсона «Русская мысль и речь...» (Михельсон 1912). Если в первом и втором изданиях книги (1894, 1896) и расширенном двухтомном втором (1903–1904) большинство русских фразеологизмов и пословиц были заботливо обрамлены автором-полиглотом параллелями из немецкого, французского, английского, итальянского, латинского, греческого языков, то в этом посмертном и последнем предреволюционном

– издании его капитального труда все – невероятно, но именно все до единого! – такие европейские параллели были урезаны неизвестным редактором. И словарь «Русская мысль и речь» оказался «чисто» русским, точнее – стерилизованно русским.

Сейчас уже невозможно выяснить, кто конкретно совершил сие варварское и кощунственное обрезание самого полного до сих пор свода русской фразеологии. Трудно объяснить и то, зачем это злодеяние было совершено. Можно лишь догадываться, что виною всему была та же русская «национальная идея», которая заставила практически в то же самое время (в августе 1914 г.) переименовать *Санкт-Петербург (Путер)* в *Петроград*. Был канун войны с кайзеровской Германией, а в словаре петербургского немца Морица Михельсона (пусть даже и Ильича) – немецких параллелей к русской идиоматике было хоть отбавляй. А вместе с немецкими урезали в то смутное время и французские, и английские, и древнегреческие соответствия русских идиом и пословиц. Чтобы пахло лишь своим, первородным русским, а не немецким духом...

Историческую несправедливость при переиздании книги М. И. Михельсона удалось устранить: «урезанный» однотомник 1912 года больше никогда не увидел света, зато 1-е (resp. 2-е) однотомное и 3-е двухтомное собрания русской фразеологии были изданы в советское и постсоветское время трижды. Автору этих строк посчастливилось в 1994 году переиздать двухтомник петербургского филолога с предисловием, развёрнутыми комментариями-дополнениями и библиографией современных разысканий в области исторической фразеологии (Михельсон 1994). Сейчас автором этих строк готовится к печати значительно расширенная и осовремененная версия этой «вечной книги». Она приурочена к 100-летию публикации двухтомника М. И. Михельсона. И Читатель этой новой версии словаря обнаружит в ней немало новых фразеологических параллелей из европейских языков – в том числе и славянских. И такая европеизация материала словаря М. И. Михельсона соответствует концепции и духу этой не устаревающей книги.

Вот почему две перспективы исторической фразеологии русского языка следует признать приоритетными – опору на славянские параллели и как можно более детальный учёт общеевропейского фона. И названные выше паремиологические собрания показывают, что в этих направлениях русская фразеография накопила некоторый опыт.

Что же делается здесь в наши дни?

Можно с удовлетворением отметить: делается. И даже – уже сделано немало.

После выхода в 1994 году в Мюнхене первого библиографического указателя «История и этимология русских фразеологизмов» (Бирих, Мокиенко, Степанова 1994) наша фразеологическая комиссия при Международном комитете славистов интенсивно стимулировала подобную работу для других славянских языков. Уже увидели свет библиографии по истории и этимологии украинского (Ивченко 1998), чешского (Stěpanova 1998) и болгарского (Lichtenberg 2000) языков. Работа эта интенсивно поддерживается и плодотворно обсуждается на многих отечественных и международных конференциях, регулярно организуемых Фразеологической комиссией при Международном Комитете Славистов. Соответствующие библиографии составляются и для польского, словацкого, сербского, хорватского, словенского языков. Они станут информационными трамплинами к историко-этимологическим словарям фразеологии отдельных славянских языков, расширяя горизонты взаимных сопоставлений и объективных истолкований.

Петербургский фразеологический семинар длительное время работал над сбором иноязычных параллелей (не только славянских, но и немецких, английских, французских, румынских, литовских и латышских) к корпусу «Историко-этимологического словаря русской фразеологии», выдержавшего два издания (Бирих, Мокиенко, Степанова 1998, 2001). Сдано в печать третье издание, увеличенное вдвое по словнику (около 4 тысяч ФЕ) и научной библиографии. Значительно расширено здесь и число славянских и европейских параллелей к русским фразеологизмам. Предстоит, однако, многотрудная работа по объективации такого иноязычного материала при внедрении его в этимологические расшифровки. И здесь мы, составители новой версии, надеемся на помощь наших коллег-славистов из разных стран.

Третьей перспективой историко-этимологических исследований русской фразеологии является усовершенствование научной методики такого анализа. Трудami многих фразеологов-славистов – начиная В. В. Виноградовым и Б. А. Лариним – здесь уже также сделано немало. Наша петербургско-грайфсвальдская фразеологическая группа и фразеологи из разных научных центров (Харьков, Львов, Минск, Гомель, Братислава, Щецин, Оломоуц, Прага, Белград, Загреб, Любляна и др.) с достаточной эффективностью пользуются методикой структурно-

семантического моделирования. Однако она далеко не исчерпывает возможностей объективной диахронической методики исследования фразеологии. Необходимы и ареалогические подходы, и типологическое сопоставление, и методика аппликации, и когнитивный анализ и мн. др. Будем надеяться, что и в этом, **третьем перспективном направлении** истории русской фразеологии не останутся на достигнутом.

Четвертая перспектива историко-этимологической интерпретации фразеологии – накопление и скрупулезный отбор современных **интертекстем, эпонимов** (термин Л. П. Дядечко – 2003) или, как называли их в пленарном докладе на конгрессе МАПРЯЛ в Петербурге Н. Д. Бурвикова, В. Г. Костомаров и Ю. Е. Прохоров (Бурвикова, Костомаров, Прохоров 2003), **логоэпистем**, т. е. по традиционной терминологии *крылатых слов и выражений*, маркированных печатью авторства (или – шире – стереотипизованностью). Русистика в последнее время сделала мощный скачок вперед в этом направлении. Изданы «Большой словарь крылатых слов» В. П. Беркова, В. М. Мокиенко и С. Г. Шулежковой (БМШ 2000), 4 выпуска русской «крылатики», относящейся к сфере искусства, С. Г. Шулежковой (Шулежкова 1993–1994) и 4 выпуска новых единиц такого рода Л. П. Дядечко (Дядечко 2001–2003), монументальные собрания современных цитат К. В. Душенко (Душенко 1996, 1997, 2002), словари крылатых слов из области киноискусства В. С. Елистратова и А. Ю. Кожевникова (Кожевников 2001). Это – огромная база данных, которую фразеологам еще предстоит «переварить», отобрав из нее несомненную идиоматику типа *еще не вечер*, *сладкая парочка* и даже *мочить в сортире*.

Нужно подчеркнуть при этом, что, анализируя крылатые выражения (resp. интертекстемы, прецедентные тексты, эпонимы, логоэпистемы), фразеолог не должен ограничиваться лишь бюрманновской паспортизацией конкретного автора и самой ранней фиксации оборота, восходящего к какому-либо его произведению. Нам следует углублять такой анализ и докапываться до «предынтертекстуального», собственно языкового корневища таких выражений. Так, глубинный фразеологический анализ пушкинских крылатых оборотов *и мальчики кровавые в глазах*, *золотая рыбка* или *остаться у разбитого корыта* обнаруживает в первом случае русский диалектный фразеологический источник пушкинизма (Мокиенко 1989, 21–23), во втором случае – северонемецкие фольклорные реминисценции (Мокиенко 2002), в третьем – органическое совмещение

немецкого фольклорного вульгаризма *Pisspott* (букв. ночной горшок, переносно – «старая лачуга» и «старая посуда») с восточнославянской «гендерной» семиотической моделью «посуда» (в том числе и «разбитая» → «женщина» (Мокиенко 2003а).

Такого рода «погружения» в интертекстемные глубины, как кажется, – многообещающая перспектива исторической фразеологии не только русского языка.

Пятое перспективное ее направление – массивированный целенаправленный диахронический анализ пословиц как источника ФЕ, с одной стороны, и как продукта их эксплицирования – с другой. Собственно, это направление в нашей дисциплине традиционно и в славистике освящено именами таких классиков паремиологии, как И. М. Снегирев, В. И. Даль, И. И. Иллюстров, Ф. Л. Челаковский, В. Флайшганс, А. Затурски, В. Караджич, С. Адальберг и др. В их сборниках полуторавековой и вековой давности даны яркие образцы превращения пословиц в поговорки (т. е. в ФЕ), а проницательный языковед А. А. Потехня объяснил такого рода процесс типологической закономерностью мышления (Потехня 1894). К сожалению, однако, мы, фразеологи, до сих пор в основном лишь повторяем хрестоматийные примеры классиков паремиологии, лишь иногда подводя под обнаруженный им процесс «сгущения» пословицы в поговорку спорные или явно не соответствующие этому процессу случаи. Ср., напр., диагностику (в большинстве случаев не подтверждаемую фактами) происхождения ФЕ из более развернутых единиц, делаемую Ф. С. Бахшиевой (2001): *смотреть в оба* – результат «сгущения» синонимичных пословиц *Смотри в оба, а зри в три; Гляди в оба, слушай в оба, зри в три; Смотри в оба, не разбей лоба; Гляди в оба, да не разбей лоба; Смотри в оба, не разбить бы лоба; Гляди в оба, зри в три, а придет пора, наглядисься и в полтора; Гляди в оба, а не в полтора!; Замуж выходи – в оба гляди; С хитрецом водиться – в оба глядеть* (Бахшиева 2001, 274); *палка о двух концах – Палка о двух концах: либо ты меня, либо я тебя; Палка о двух концах: и туда, и сюда* (Бахшиева 2001, 266); *красный петух* – результат эллиптирования загадки о пожаре, имеющей структуру пословицы, – *Красный кочеток по нашестке бежит* (Бахшиева 2001, 268–269), *давать волю* – следствие эллиптирования пословиц *Языком болтай, а рукам воли не давай; Глазами гляди, а рукам воли не давай* (Бахшиева 2001, 264), *кланяться в ноги* – от *В ноги кланяется, а за пятки кусает* (Бахшиева 2001,

265) и др. Языковые факты, однако, опровергают практически все эти версии (см. Бирих, Мокиенко, Степанова 2003).

При всей верности принципа «сгущения» поговорки из пословицы он остаётся лишь одной из динамической возможности рождения ФЕ. Не менее актуален и обратный процесс – процесс развёртывания, экспликации слова в поговорку (Мокиенко 1989, 96–156). История каждой конкретной ФЕ поэтому требует детальной фактографической аргументации того, как именно идет ее развитие. Вот почему следует считать это направление диахронических исследований фразеологии остро актуальным и перспективным.

Шестая его перспектива также уходит корнями в ретроспективу фразеологии как самостоятельной лингвистической дисциплины. Одной из первых проблем, которыми занялись фразеологи после трудов И. Е. Аничкова, В. В. Виноградова и Б. А. Ларина была, как известно, **проблема взаимодействия слова и ФЕ**. К сожалению, остро эмоциональные, но, в сущности, бессодержательные дискуссии о том, являются ли компоненты ФЕ словом, отвлекли многих исследователей от более важного аспекта этого взаимодействия: роли слов в процессе фразообразования и роли фразеологизмов в исторической кристаллизации слова. Наши «фразеологические» призывы к специалистам в области лексической этимологии обратить внимание на этот феномен (Mokienko 1976), увы, остались до сих пор гласом вопиющего в пустыне. Вот лишь один свежий пример. В вышедшем после долгого перерыва продолжении (буква «Л») «Этимологического словаря русского языка», редактируемого ныне проницательным славистом, учеником Н. И. Толстого А. Ф. Журавлевым, убедительно доказывается ошибочность «классической» расшифровки В. В. Виноградовым слова *лясы* в выражении *точить лясы* (ЭСРЯ 9, 214–215). С его истолкованием этого слова как оноματοпоэтического согласится каждый фразеолог-диахронист. Согласится тем более, что такая интерпретация была уже предложена более 20 лет именно на основе фразеологической, а не лексической методики историко-этимологического анализа (Мокиенко 1980, 31–38). Этимологи русской лексики, однако, на эту расшифровку внимания не обратили. Таких примеров небрежения этимологами-лексикологами разработок фразеологов-диахронистов немало.

Хочется надеяться, что оторванность диахронической лексикологии от фразеологии (и наоборот) будет всё-таки преодолена, что несомненно

обогатит как теорию, так и практику не только исторической фразеологии, но и общей славянской этимологии. Симптомом такого преодоления является созданный недавно под руководством М. А. Алексеенко «Словарь отфразеологической лексики современного русского языка» (Алексеенко, Белоусова, Литвинникова 2003) и «Лексико-фразеологический словарь русского языка» А. В. Жукова (Жуков 2002, 2003), в которых слово интерпретируется в динамической взаимосвязи с фразеологизмом.

Седьмая перспектива исторической фразеологии, наконец, – это, как кажется, более интенсивное исследование социальных сфер её возникновения. Изменившаяся во всех славянских странах языковая ситуация во многом изменила и статус того или иного социолингвистического регистра во фразеологической системе – и его функциональную дистрибуцию, и дальнобойность тех или иных блоков, маркированных социальным источником. Предварительное описание русской фразеологической неологтики, в частности, показывает мощное увеличение квоты субстандартной фразеологии и не менее интенсивное её обогащение за счет различных профессиональных терминов составного типа – таких, например, как *цепная реакция*, *чёрная дыра*, *голубые береты*, *шоковая терапия* (Новиков 1999; Мокиенко 2003). Хотя и здесь у фразеологов давно уже копится исследовательский опыт (ср., напр.: Сидоренко 1977; Юрковский 1988 и др.), в новых условиях на этот процесс следует обратить особое внимание.

Вот почему наша Фразеологическая комиссия на XIII-м Международном конгрессе славистов (Любляна, 2003 г.) с благодарностью приняла «идееносное» предложение П. Дюрчо – обсудить на специальной общеевропейской фразеологической конференции в Братиславе в 2004 году проблему «Славянская фразеология и профессиональная речь». Актуальность такого широкого обсуждения этой темы несомненна.

Итак, из необъятной палитры перспектив исследования русской и славянской исторической в настоящем докладе выделено лишь семь, которые представляются наиболее важными в данный момент. Лишь семь – не только потому, что «семёрка» – традиционно «счастливое» число для фразеологов, но и потому, что регламент доклада и статьи не позволяют умножить это число хотя бы до трёх семёрок. Нужно сказать, однако, что резервы для такого умножения перспектив у фразеологов есть.

Использованная литература

- Алексеевко, М. А. – Белоусова, Т. П. – Литвинникова, О. И.: Словарь отфразеологической лексики современного русского языка. М. 2003.
- Бахшиева, Ф. С.: Адекватность определенной части паремий с фразеологическим единичами. In: Филологический сборник. Материалы международной научной конференции, посвященной 80-летию со дня рождения проф. М. Т. Тагиева. Баку 2001, s. 264–275.
- Бирих, А. К. – Мокиенко, В. М. – Степанова, Л. И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. СПб. 1998.
- Бирих А. К., Мокиенко В. М., Степанова Л. И.: Словарь русской фразеологии. Историко-этимологический справочник. – Изд. 2-е, исправл. М. 2003.
- Бурвикова, Н. Д. – Костомаров, В. Г. – Прохоров Ю. Е.: Национально-культурные единицы общения в современном коммуникативном пространстве – лингвометодический аспект. In: Русское слово в мировой культуре. Материалы X Конгресса Международной ассоциации преподавателей русского языка и литературы. - Санкт-Петербург, 30 июня – 5 июля 2003 г. Пленарные заседания: сборник докладов. В 2-х т. СПб. 2003, с. 56–60.
- Вежибцкая, А.: Язык. Культура. Познание. Пер. с англ. М. 1996.
- Душенко, К.: Русские политические цитаты от Ленина до Ельцина. Что, как и когда было сказано. М. 1996.
- Душенко, К. В.: Словарь современных цитат. 4300 ходячих цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. М. 1997.
- Душенко, К. В.: Словарь современных цитат. 4 750 цитат и выражений XX века, их источники, авторы, датировка. – 2-е изд., перераб. и доп.. М. 2002.
- Дядечко, Л. П.: Новое в русской и украинской речи: Крылатые слова – крилаті слова (материалы для словаря). Учебное пособие. Ч. I: А–Г. К. 2001; Ч. II: Д–Л. К. 2001; Ч. III: М–П; Ч. IV: Р–Я.
- Дядечко, Л. П.: Крылатые слова как объект лингвистического описания. История и современность. Київ 2002.
- Жуков, А. В.: Лексико-фразеологический словарь русского языка. Проспект. Великий Новгород 2002.
- Івченко, А. О.: Історія та етимологія української фразеології: Бібліографічний покажчик (1864–1998). Харків 1998.
- Кожевников, А. Ю.: Большой словарь: Крылатые фразы отечественного кино. СПб.; М. 2001.
- Ларин, Б. А.: История русского языка и общее языкознание. М. 1977.
- Максимов, С. В.: Крылатые слова. М. 1956.
- Михельсон, М. И.: Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб. 1894.
- Михельсон, М. И.: Меткие и ходячие слова. Сборник русских и иностранных пословиц, изречений и выражений. СПб. 1896 [репринт М., 1994].
- Михельсон, М. И.: Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. СПб. Т.1, 1903. Т.2, 1904.
- Михельсон, М. И.: Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Посмертное издание. СПб. 1912.

- Михельсон М. И.: Русская мысль и речь. Своё и чужое. Опыт русской фразеологии. Сборник образных слов и иносказаний. Предисловие и комментарии В. М. Мокиенко. Т.1-2. М. 1994.
- Мокиенко, В. М.: На Маланьину свадьбу. In: РР 1974. N 4, с. 105–107.
- Мокиенко, В. М.: Славянская фразеология. М. 1980. 2-е изд. М. 1989.
- Мокиенко, В. М.: Пушкинская *золотая рыбка* до и после Пушкина. In: Пушкин. Альманах. Магнитогорск 2002. Вып. 3, с. 3–15.
- Мокиенко, В. М.: Новая русская фразеология. Ополе, 2003.
- Мокиенко, В. М.: Пушкинское *разбитое корыто* – до и после Пушкина. In: Frazeologické štúdie III. K XIII. Kongresu slavistov v L'ubľane. Bratislava 2003, с. 169–187.
- Новиков, А. Б.: Словарь перифраз русского языка. М. 1999.
- Потебня, А. А. Из лекций по теории словесности: Басня. Пословица. Поговорка. Харьков 1894.
- Сидоренко, К. П.: Фразеологизмы терминологического происхождения. In: РР. 1978. № 3, с. 84–88.
- Телия, В. Н.: Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: 1996.
- Шулежкова, С. Г.: Романсные и оперные крылатые выражения. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Вып. 1. Магнитогорск 1993; Песенные крылатые выражения (XVIII век – середина 40-х годов XX в.). Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Вып. 2. Магнитогорск 1993; Крылатые выражения из песен 2-й половины 1940-х – начала 1990 гг. Материалы к словарю «Крылатые выражения из области искусства». Вып. 3. Челябинск 1994; Крылатые выражения из области искусства. Материалы к словарю. Вып. 4. Челябинск, 1994.
- Эккерт, Р.: Историческая фразеология и лингвострановедение. In: Russistik. N 2. 1990, с. 14–16.
- ЭСРЯ: Этимологический словарь русского языка. Т.1–II. Вып. 1–9. М. 1963–1999.
- Юрковский, И. М.: Активные процессы в русской спортивно-игровой лексике. Кишинев 1988.
- Lichtenberg, J. Die bulgarischen Phraseologismen. Auswahlbibliographie mit einem Index zur Geschichte und Etymologie. (= Vergleichende Studien zu den Slavischen Sprachen und Literaturen. Hsg. von Renate Belentschikow und Reinhard Ibler, Bd. 8). Frankfurt am Main 2001.
- Mokienko, 1976: Mokienko Valerij. Dialektický vzťah «implicitnosť: explicitnosť» a vývoj frazeologie. In: Slovo a slovesnosť, 1976. Č. 1, s. 4–13.
- Stěpanova, L.: Historie a etymologie českých rčení. Praha 1998.

Key words:

history, Russian, Slavonic and European phraseology, etymology, the sources of the historical analysis of the idioms, the perspectives, the mistakes and the success

Summary

The article describes the actual situation in the historical reserches in the Russian, Slavonic and European phraseology. The author formulates 7 tasks for the historical analisis in the sphere of the phraseology: to use the idiomatical material from other european languages, to proceed in the methods of the historical analysis oh the idioms, to study the proverbs and other formulas, which are larger than the idioms, to study the relationship of the word and the idiom etc.

О НЕКОТОРЫХ ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИХ ЕДИНИЦАХ В СОВРЕМЕННОЙ РУССКОЙ И ЧЕШСКОЙ «ЭКОНОМИЧЕСКО-КОММЕРЧЕСКОЙ ПЕРИОДИКЕ»

Люба Мрвецова, Чешская Республика, Карвина

Экстралингвистические факторы, трансформация экономических и общественных систем в странах бывшего соцлагеря в значительной степени воздействовали на динамические процессы в отдельных национальных языках, что многократно упоминалось и акцептировалось лингвистами и выявилось также в рамках наших исследований. Переход к рыночной экономике повлек за собой изменение общего строя жизни и появление ряда новых реальностей. Без сомнения к ним можно отнести и новый тип периодики, обозначенной нами как «экономическо-коммерческая периодика» (ЭКП). Дело касается специальной периодической прессы (газет и журналов), приносящей новости из области экономики и предпринимательской деятельности в широком смысле этих понятий и рассчитанной на новопоявившийся социальный слой предпринимателей. Данный тип периодики представляет для нас основной источник выписок фразеологических оборотов (ФО), комментирующих с учетом разной степени экспрессивности различные явления новой экономической действительности. Предметом нашего рассмотрения стали фразеологизмы делового и терминологического характера, которые в настоящее время в русских ЭКП частотны, актуальны, популярны, общепонятны и из-за этого стали активной составной частью современного русского языка. Они часто представляют критические выражения на счет неудачных реформ, нелегального обогащения некоторых лиц и других негативных явлений, связанных с изменением стиля жизни русского общества. Их присутствие в такого рода специальной периодике является свидетельством того, что процесс демократизация современного русского языка как одной из типичных тенденций, проявляющейся в нем с начала 90-х годов, коснулся также новой функциональной разновидности специальных языков – языка сферы коммерции и бизнеса.

Фразеологические обороты появляются довольно часто в заголовках, рекламных слоганах, однако в более длинных теоретических экономических текстах и интервью.

Наш анализ проводится с двух точек зрения:

1. с точки зрения лексико-семантических особенностей ФО
2. с точки зрения структуры ФО и их отношения к части речи

С точки зрения лексико-семантических особенностей мы выделили следующие фразеосемантические поля (ФП):

1. ФП операций с денежными средствами и местами их употребления

Результаты анализа собранного материала в этой лексико-семантической группе показали, что в обоих языках являются очень популярными фразеологические единицы с семантическими опорными ключевыми словами: *деньги, валюта, биржа, рынок, напр.:*

а) с негативным оттенком:

«деревянные деньги»	<i>dřevěné peníze</i>
	ирон. о российских деньгах
«деревянная валюта»	<i>dřevěná valuta</i>
	ирон. о российских деньгах
- деньги, валюта, обладающие низкой покупательной способностью	
«длинные деньги»	<i>dlouhé peníze</i>
«короткие деньги»	<i>krátké peníze</i>
«легкие деньги»	<i>lehké peníze</i>
- деньги, добытые нечестным путем	
«черные деньги»	калька – <i>black money, špinavé peníze</i>
- доходы, скрытые от налогообложения; вообще, о доходах, полученных незаконным путем, с нарушением законодательства	
«черная валюта»	<i>černá valuta (nezákonná)</i>
- доходы в валюте, скрытые от налогообложения или полученные в результате незаконных операций	
«черный нал»	<i>černé peníze (nezákonné)</i>
«черная биржа»	<i>černá burza</i>
	(<i>nelegální, nezákonná burza</i>)
«черный рынок»	<i>černý trh (nelegální, nezákonný trh)</i>

- рынок нелегальных товаров: наркотиков, оружия и т. п.
 «грязные» деньги *špinavé peníze*
 «грязные» средства *špinavé prostředky (nezákonné)*
 «грязная валюта» *špinavé měna (nezákonná)*
- незаконные наличные деньги, не зафиксированные в финансовых документах и не облагаемые налогом
 «горячие деньги» калька – *hot money, horké peníze*
- средства, получаемые в результате спекулятивных финансовых операций, быстро переводимые из одной страны в другую в целях получения прибыли от изменения валютных курсов или разницы в налогах этих стран (ТС РЯ К XX в. 1998)

другое объяснение:

- ресурсы на рынке ссудных капиталов, которые имеются в суммах сверх необходимых для нормального функционирования процесса воспроизводства (БС 38, БСРЖ 2000)

б) с позитивным или нейтральным оттенком:

- «чистые деньги» *čisté peníze*
- деньги, добытые честным путем
 «свежие деньги» *volné peníze*
 «живые деньги» *volné peníze*
- наличные или реально существующие
 «быстрые деньги» *rychlé peníze*
- о крупных суммах, получаемых при быстрой окупаемости исходных затрат
 «пластиковые деньги» *plastikové peníze*
- о кредитных карточках

В обоих языках появляются одновременно фразеологические выражения, выражающие средства и способы, какими устраняются эти негативные явления:

- «моющая машина» *pračka špinavých (nezákonných) peněz*
 «отмывание грязных денег» калька – *laundry of money*
praní špinavých (nezákonných) peněz
- легализация незаконно полученных доходов, путем инвестирования их в промышленность, отчисления на благотворительные цели и т. п.

В русских периодиках чаще появляются фразеологические обороты и пословицы с ключевым словом *деньги* со структурой глагольных фразеологизмов:

«налететь на деньги»

- о ситуации, когда неожиданно приходится назначить кому-либо размер и срок выплаты какой-л. суммы

«сидеть на деньгах» *sedět na penězích (mít hodně peněz)*

имеет две значения:

- задерживать оплату долгов, используя деньги для других целей
- иметь много денег

podobně jako

«у них денег куры не клюют» *topí se v penězích, mají peněz jako želez*

«влететь в звонкую копеечку» *přijít si na těžké peníze*

«поставить на деньги» *vsadit na peníze*

2. ФП номинаций в рамках предпринимательских кругов

В этой лексико-семантической группе мы выделили следующие три ФО:

- а) с высокой степенью экспрессивности: «деловая элита», «финансовая элита», «новое дворянство», «новорусские магнаты», «команды управленцев», «империя олигархов», «нефтянные генералы».
- б) с низкой степенью экспрессивности: *команды менеджеров, обанкротившие олигархи, нефтяные круги.*
- в) лишены экспрессивности: *категория бизнесменов, предпринимательский слой, слои менеджеров, партнеры по бизнесу, финансово-промышленные группы.*

Иногда такого рода номинации являются составной частью более развитого целого, выражающего деятельность представителей предпринимательских кругов: *появление на рынке «бобров», смена старой гвардии, «административный рэкет»* (вымогательство и поборы (взятки) со стороны представителей власти («госрэкетеры»), в отношении к бизнесменам).

В отличие от русской периодики таких номинаций в чешских ЭКП гораздо меньше и если они появляются, то чаще с низкой степенью экспрессивной окраски: *dynamický klient, konzervativní klient, devizoví spekul-*

nti, padlí makléři, finanční paraziti (используется название, тождественное с наименованием известной фирмы).

3. ФП номинаций актуальных экономических состояний

В этом фразеологическом поле преобладают устойчивые словосочетания терминологического характера с типичной структурой: имя прилагательное + имя существительное

а) лишены экспрессивности: *частный сектор, нулевой рост*.

б) экспрессивно окрашены: *коррупционные акции, «экономическое чудо»*.

Иногда бывает одно и то же ключевое имя существительное развито разными по своему содержанию именами прилагательными: *акционерный капитал* (основной капитал АО, определяемый его уставом и образуемый за счет выпуска и продажи акций), *стартовый капитал, уставной капитал* (стартовая сумма капитала, напр., АО, определяемая уставом для начала деятельности), *частный капитал, мертвый капитал* (не используемый в соответствии со своим назначением).

Появляются также фразеологические единицы с метафорами: *«бархатный» сезон, тучные стада «мерседесов», поток сэконд-хенда, финансовая система как «колоссальный пылесос»* или с компонентами иностранного происхождения (чаще англицизмы), напр.: *вовремя взятый таймаут, поставка «от двери до двери»* (калька: *door – to door*).

4. ФП номинаций актуальных экономических деятельностей

Фразеологические единицы этого рода выражают динамический процесс, и поэтому их доминирующим компонентом является глагол движения (глагольные фразеологизмы): *«ломить» цены»* (*hnát ceny nahoru*), *«перекачивать валюту», «лишние» деньги убежали из страны, пойти в гору на деньгах КППС, выскакивать из финансовых пирамид, вздувать цены, обзавестись деньгами и связями, страховый рынок покинули «карлики»* (более слабые компании).

С точки зрения отношения ФО к частям речи (синтактико-морфологический подход) можно выделить:

1. группу именных фразеологических оборотов:

- а) субстантивных, напр.: *отток капитала, выздоровление экономики, «эффект бумеранга», «локомотив экономики», «рюмка помощи», политика «дешевых денег», латание экономических «дыр», «голубые фишки» - оффшорные компании.*
- б) адъективных, очень часты словосочетания с существительными *рынок, бизнес*, носящие терминологический характер, напр., *«теневой рынок», форвардный рынок, фьючерский рынок, потребительский рынок, валютный рынок, денежный рынок, торговый бизнес, финансовый бизнес, «теневой» бизнес*, или экспрессивно окрашены, как *бросовые цены, чудовищные налоги, денежные суррогаты, массированные опросы, синдицированный кредит.*

В чешской периодике появляются именные фразеологические обороты с другими ключевыми словами (*fond, trh*), актуальными для чешской экономической действительности: *hedge fondy, garanční fondy, zahraniční fondy, dluhopisné fondy, penzijní fondy, akciové fondy, podílové fondy, smíšené fondy; medvědí trhy, akciové trhy.*

2. группу глагольных фразеологических оборотов:

держат все деньги на одном месте, пойти на попятную, фирма сейчас «буксует», раздуть горнило инфляции, вывести из слабых середнячков в лидеры.

В обеих языках в ЭКП появляются **фразеологические единицы в виде целых предложений**, т. е. поговорок и пословиц, прежде всего относящихся к теме **деньги**: *Воруй, да знай меру. Налоги платят только дураки. Законы существуют для того, чтобы их нарушать. Не ворует тот, кому украсть нечего. Рубль снова одеревенел. «Деньги - воздух - деньги/штрих».*

В чешской периодике мы в заголовках нашли сходные по содержанию поговорки или трансформированные пословицы: *Peníze až na prvním místě. Peníze nebo život. Peníze na dálkové ovládání. Volné peníze nepatří pod slamník. Jak dostat peníze přes hranice? Dejte si peníze pod polštář - vyděláte. Bez peněz do hospody nelez?...to už dávno neplatí! Více peněz - více starostí.*

Довольно большое присутствие фразеологических единиц в современном ЭКП структурно разнообразных (причем в русском языке их по сравнению с чешским языком больше) является свидетельством одной из типичных тенденций в развитии современного литературного русского языка, а именно, тенденции к его демократизации. Они комментируют возродившуюся рыночную экономику и различные экономические явления, иногда не совсем совпадающие в обеих странах, что сказывается на содержании и актуализации фразеологизмов.

Использованная литература

Шанский, Н. М.: Фразеология современного русского языка, Спб. 1996.
Mokienko, V., Wurm, A.: Česko-ruský frazeologický slovník, Olomouc 2002.

Key words:

commercial sphere, idioms, various expressions, the lexico-semantic aspect, the morphological aspect, the frequency and equivalency

Summary

The transformation of political and economical situation in Russia in the last decade has changed the lifestyle in the country and brought with it a lot of new activities. Connected with these changes was also emergence of a previously non-existent type of economical periodicals. These journals are focused on activities in the commercial sphere and their audience is therefore mainly a new social class of entrepreneurs and businessmen. The paper turns attention to idioms used in these periodicals which comment with various expressions the current state and problems in the area of free-market economy. Two main aspects – the lexico-semantic one and the morphological one – of the idioms are analyzed. We also compare the frequency and equivalency of related expressions between Czech and Russian languages.

СТИЛИСТИКО-СЕМАНТИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА ЛЕКСЕМ *ОКО* И *ГЛАЗ* (НА МАТЕРИАЛЕ ЕВАНГЕЛИЙ)

Станислава Обицка, Словакия, Прешов

Читая евангелия на русском языке, мы обратили внимание на интересную разницу между словацким и русским переводом Священного Писания. Там, где в словацком тексте находится лексема *oko*, в русском переводе мы можем заметить два варианта, конкретно лексему *oko* и лексему *глаз*. И поскольку эта лексема находится в тексте очень часто, мы решили обратить на нее внимание и найти причину этого явления.

В начале надо сказать несколько слов о материале, с которым мы работали. Словацкий перевод текста Нового Завета мы сопоставляли с русским переводом. Под термином «евангелие» понимается первая часть Нового Завета Библии или Священного Писания. Это единое свидетельство, данное четырьмя свидетелями. Евангелие по-гречески значит «благая весть». Оно представляет одновременно повествование о жизни, смерти и воскресении Иисуса Христа и возвешение благой вести, принесенной им миру. Эти четыре небольшие книги были написаны между 50 (то есть через двадцать лет после смерти Иисуса) и 100 годом разными авторами – евангелистами: Матфеем, Марком, Лукой и Иоанном. Во многом общий стиль евангелий не отличается от древнееврейского так называемого «устного стиля». Притчи, которые так часты в устах Иисуса, продолжают традицию многих библейских повествований. Христос, а за ним и апостолы постоянно ссылаются на Ветхий Завет, приводя целые фразы в доказательство своих утверждений (Библия, Брюссель 1973, с. 13*–14*).

В евангелиях (в русском и тоже в словацком переводах) насчитывается 57 лексем *oko* или *глаз*. В одном случае в русском тексте находим слово *глаз*, а в словацком тексте слово *oko* отсутствует. В шести случаях эта лексема отсутствует, наоборот, в русском тексте. В русском переводе католической Библии современное русское слово *глаз* (эквивалент словацкого слова *oko*) чередуется с устаревшим русским словом *oko*, 24 раза находим в тексте лексему *oko* и лексему *глаз* находим в тексте 33 раза.

Чтобы найти причину, по которой переводчик в русском тексте употребил ту или другую лексему, надо прежде всего знать точное значение этих лексем и необходимым при этом исследованием является и хорошее понимание смысла текста, в котором данное слово использовано. При понимании трудных частей нам помогали ценные советы капеллана Душана Шкурлы из Прешова.

После тщательного изучения всех значений лексем *око* и *глаз* (по данным русских и словацких исторических, этимологических и толковых словарей) можно сказать, что в евангельских текстах эти слова употребляются в следующих значениях:

1. *«парный орган зрения человека и животного, расположенный в глазных впадинах (лица, морды) и прикрываемый веками с ресницами»* (БТС, Санкт-Петербург 1998, с. 207); напр. *Вы слышали, что сказано «око за око и зуб за зуб»* (Мф 5,38). *Иисус, возведя очи и увидев, что множество народа идет к нему, говорит Филиппу: где нам купить хлебов, чтобы их накормить?* (Ин 6,5). *Он, взяв слепого за руку, вывел его из селения и, плюнул ему на глаза, возложил на него руки, и спросил его: видит ли что?* (Мк 8,23);
2. (о милости, мысли, вере и т. п.) *«внутренний взгляд, чувство, внутренняя милость, требование»* (Historický slovník slovenského jazyka, Bratislava 1994); напр. *Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма?* (Мф 6,22–23).

Можно сказать, что лексемы *око* и *глаз* по их значению являются тождественными и потому надо искать причину их разного употребления в текстах не в их семантике, а в стиле отдельных текстов. Разницу в употреблении может нам в какой-то степени объяснить и Этимологический словарь русского языка М. Фасмера, который о лексеме *глаз* говорит, что *«первоначальное значение слова было 'шар' или 'камень'. Это связано с польским glaz 'камень, скала', glaznu 'гладкий, ловкий'. Слово глаз в современном значении отмечено лишь с конца XVI – начала XVII в.»* (Москва 1973, с. 410) Наоборот, лексему *око* – др.-русск. *око*, ст.-слав. *око*, греч. *ὀφθαλμός*, лат. *oculus*, др.-инд. *aksī*, *«глаз, отверстие, дыра»* (М. Фасмер, Этимологический словарь русского языка, Москва 1973, с. 128); в каждом словаре характеризует определение *поэтическое, устарелое, традиционно-поэтическое*.

Рассмотрим ситуации, в которых употребляются данные слова. Словацкие примеры мы приводить не будем, поскольку в словацком языке существует только одно слово – *око*.

Лексема *глаз* употребляется в ситуациях, когда речь идет о:

1. неверии израильского народа в слова пророков, в то, что придёт ожидаемый Мессия, в то, что Иисус – Мессия. Например: *И сбывается над ними пророчество Исаии, которое говорит: и слухом услышите и не уразумеваете; и глазами смотреть будете и не увидите. Ибо огрубело сердце людей сих, и ушами с трудом слышат, и глаза свои сомкнули, да не увидят глазами, и не услышат ушами, и не уразумеют сердцем, и да не обратятся, чтобы я исцелил их (Мф 13, 14–15);*
2. грехах человека, о его нечистоте. Например: *И что ты смотришь на сучок в глазе брата твоего, а бревно в твоём глазе не чувствуешь? Или, как скажешь брату твоему: «дай, я выну сучок из глаза твоего», а вот, в твоём глазе бревно? Лицемер! вынь прежде бревно из твоего глаза, и тогда увидишь, как вынуть сучок из глаза твоего (Мф 7, 3–5). И если твой глаз соблазняет тебя, вырви его и брось от себя: лучше тебе с одним глазом войти в жизнь, нежели с двумя глазами быть ввержену в геенну огненную (Мф 18,9);*
3. вылечении слепых. Например: *Иисус же, умилившись, прикоснулся к глазам их, и тотчас прозрели глаза их, и они пошли за ним (Мф 20,34). Потом опять возложил руки на глаза ему и велел ему взглянуть. И он исцелел, и стал видеть все ясно (Мк 8,25);*
4. физической слабости человека против силе духа, или о глазах обыкновенных людей. Например: *И, возвратившись, опять нашёл их спящими: ибо глаза у них отяжелели; и они не знали, что ему отвечать (Мк 14,40). И, закрыв книгу и отдав служителю, сел; и глаза всех в синагоге были устремлены на него (Лк 4,20).*

Лексема *око* употреблена:

1. как пословица: *Вы слышали, что сказано «око за око и зуб за зуб» (Мф 5,38);*
2. при понимании ока как мысли, как отношения к жизни: *Светильник для тела есть око. Итак, если око твоё будет чисто, то все тело твоё будет светло; если же око твоё будет худо, то все тело твоё будет темно. Итак, если свет, который в тебе, тьма, то какова же тьма? (Мф 6,22–23);*

3. при подчеркивании того, что Иисус – Мессия и Сын Божий и тогда, когда говорится о верующих людях, напр.: *«камень, который отвергли строители, тот самый сделался главою угла; это от Господина, и есть дивно в очах наших?»* (Мф 21,42) *...ибо видели очи мои спасение твое...* (Лк 2,30). *Ваши же блаженны очи, что видят, и уши ваши, что слышат* (Мф 13,16);
4. при вылечении слепого в субботу при уверении в Иисуса – Сына Божьего. Например: *И была суббота, когда Иисус сделал брение и отверз ему очи* (Ин 9,14). *Опять говорят слепому: ты что знаешь о нем, потому что он отверз тебе очи? Он сказал: это пророк* (Ин 9,17). *Другие говорили: это слова не бесноватого; может ли бес отверзать очи слепым?* (Ин 10,21);
5. когда речь идет о собственных глазах Иисуса, напр. *Итак отняли камень от пещеры, где лежал умерший. Иисус же возвел очи к небу и сказал: Отче! благодарю тебя, что ты услышал меня* (Ин 11,41). *После сих слов Иисус возвел очи свои на небо и сказал: Отче! пришел час, прославь Сына твоего, да Сын твой прославит тебя...* (Ин 17,1).

В четырёх случаях словацкое *pozdvihol oči k nebu* переводится на русский язык словами *воззрел на небо*; словацкое *medzi štyrmi očami* переводится как *между тобою и им одним* (Мф 18,15) и *pred očami svojich učeníkov* как *перед учениками своими* (Ин 20,30). В одном случае отсутствует слово *око* в словацком переводе. Ср.: *...так что они своими глазами смотрят и не видят...* и *...aby hľadeli a hľadeli, ale nevideli* (Мк 4,12).

Поскольку лексема *око* считается старославянизмом, архаизмом, который употребляется в высшем стиле чем современное русское слово *глаз*, из всего приведенного вытекает, что слово *око* употребляется в тексте там, где говорится о Боге, о вере, о Иисусе, а слово *глаз* там, где речь идет об обыкновенных, грешных и слабых людях, или о вещах более человеческих чем духовных. Значит, проблема употребления данных слов в библейском тексте является проблемой не столько семантической, сколько стилистической.

Список сокращений библейских текстов

Мф – Евангелие от Матфея

Мк – Евангелие от Марка

Лк - Евангелие от Луки
Ин - Евангелие от Иоанна

Использованная литература

- Библия, книги Священного Писания Ветхого и Нового Завета, в русском переводе с приложениями, Жизнь с Богом, Брюссель 1973.
Sväté Písmo, Slovenský ústav svätého Cyrila a Metoda, Rím 1995.
М. Фасмер: *Этимологический словарь русского языка*. Прогресс, Москва 1973.
Кузнецов, С. А.: *Большой толковый словарь русского языка*. Норинт, Санкт-Петербург 1998.
Шмелёв, Д. Н.: *Словарь русского языка XI-XVII вв.* Выпуск 12 (о), Москва 1907.
Евгеньева А. П.: *Словарь русского языка (в 4-х томах)*. Т.1 А-Й, Москва 1957.
Даль В.: *Толковый словарь живого великорусского языка*. Т.1 А-З, Москва, 1956.
Feciar Š.: *Slovník slovenského jazyka*. Časť 2, L-O, Bratislava 1960.
Majtán M.: *Historický slovník slovenského jazyka*. Časť 3, O-P, Bratislava 1994.

Key words:

Slovak and Russian text of Bible, lexem “oko” and “glaz”, meaning of the word “oko”, meaning of the word “glaz”, gospel texts styl, meaning of the Gospel texts, selection of the right words in Russian text

Summary

The writer of the article makes point of view to gospel texts which contain word “oko” and “glaz”. Writer is analyzing punctual meaning of these words as well as meaning of gospel texts. On the base of collected material writer is trying to designate cases of selection of these words in Russian translation of Bible.

ЭТИМОЛОГИЧЕСКИЙ ЭКСКУРС В СЛОВАЦКУЮ ФРАЗЕОЛОГИЮ

Ярмила Опалкова, Словакия, Прешов

Адекватное кодирование и декодирование семантики фразеологических единиц (ФЕ) в значительной мере обусловлено фоновыми знаниями носителей языка. Ю. А. Бурмистрович считает, что ими являются семы предметно-образного микрокомпонента лексического значения фразеологизма (1986, с. 46). Отсюда следует, что предметно-образный микрокомпонент может и должен быть ключем для декодирования семы любого фразеологизма. Однако именно этот микрокомпонент носители языка часто не в состоянии открыть, так как сумма лексических значений отдельных компонентов не равнозначна лексическому (фразеологическому) значению фразеологизма в целом. Для того, чтобы способствовать акту коммуникации, ее участники должны знать конечные семы фразеологических единиц. Специфические особенности фразеологизмов ставят перед семантизацией фразеологических единиц в словаре проблему декодирования их семантики не только с учетом латентных и потенциальных сем, но также социолингвистической и экстралингвистической информации.

В словацкой лингвистической науке вопросами исторической и этимологической фразеологии специально никто не занимается. Собственно этимологического словаря словацкой фразеологии до сих пор нет. Существуют только отдельные попытки указать на происхождение какой-либо ФЕ, да и то при параллельном решении других задач. Единственный самостоятельный фразеологический словарь словацкого языка, в котором иногда встречается помета – книжное выражение – это школьный фразеологический словарь под редакцией Э. Смиешковой (*Malý frazeologický slovník, 1977*). Русский и словацкий народ, как указывают данные исследований (В. М. Мокиенко, 1980), имеют общие этнолингвопсихологические черты и исходят из почти одинаковой образно-ассоциативной системы мировосприятия, что сближает их не только в сфере духовности, но и в материальном воплощении человеческого бытия посредством языковых знаков.

Самым богатым источником возникновения словацких фразеологизмов является Библия. Как указывает Л. М. Грановская, «в **библейской фразеологии** отложился сгусток длительного, уникального исторического опыта» (1998, No. 1, с. 73). Такие устойчивые словесные комплексы, имеющие свои параллели в разных языках мира, являются свидетельством существования так наз. «вечных истин» в области нравственных устоев и мировосприятия человечества в целом. Для сравнения приведем такие примеры, которые в лексическом и семантическом плане в словацком и русском языке полностью идентичны: *alfa a omega* – *альфа и омега*; *stratený (márnotratný) syn* – *блудный сын*; *hlas volajúceho na púšti* – *глас вопиющего в пустыне*; *Noetova archa (koráb)* – *Ноев ковчег*; *Sodoma a Gomora* – *Содом и Гоморра*; *manna nebeská* – *манна небесная*; *milosrdný samarítan* – *милосердный самарянин*; *solný stĺp* – *соляной столб*; *Kainovo znamenie* – *Кайнова печать*; *nepечаť kameň na kameni* – *камень на камне не останется*; *neveriaci Tomáš* – *Фома неверующий*; *babylonská roztopašnica* – *авилонская блудница*; *babylonský zmätok (babylon)* – *авилонское столпотворение*. Несмотря на полное совпадение внешнего образа и семантики, разные языки заимствовали из Библии прежде всего образы-символы, а не конкретные словосочетания. Это и являлось причиной определенных сдвигов как в лексическом оформлении некоторых словосочетаний, так и в выборе образов, застывших впоследствии в своем словесном оформлении. Среди них, например, такие ФЕ библейского происхождения: *obetný baránok* – *козел отпущения*; *Blahoslavený, kto trpí a je vinovatý* – *Блаженны нищие духом*; *Zo Šavla (sa stal) Pavel* – *Неужели и Саул в пророцех?*; *strom neprinášajúci ovocie* – *бесплодная смоковница*; *pod obraz boží* – *до положения риз*. Верность толкования библейской символики до сих пор подвергается пересмотру со стороны разных исследователей. Например, русское выражение *легче верблюду пройти сквозь игольное ушко (нежели богатому войти в царствие небесное)* появилось вследствие неправильного перевода, т. к. в греческом языке *kamilos* – *верблюд и канат*. Интересно, что в таком искаженном виде данное выражение прижилось и в словацком языке (*skôr prejde ťava uchem ihly, ako boháč do kráľovstva nebeského*).

Следующим источником пополнения фразеологического фонда словацкого языка являются образы из **древнегреческих мифов**. И в этой категории фразеологических единиц можно найти полные лексические и семантические эквиваленты в разных языках, в том числе в словацком и в русском. Самые известные среди них: *Augiášov chliev* – *Авгиевы конюш-*

ни; *Achillova päta* - Ахиллесова пята; *Damoklov meč* - Дамоклов меч; *labutia pieseň* - лебединая песня; *Trójsky kôň* - Троянский конь; *jablo sváru* - яблоко раздора; *osedlať (okrídleného) Pegasa* - оседлать Пегаса; *sizyfovská práca* - Сизифов труд; *Tantalove mičky* - муки Тантала. Некоторые фразеологизмы могли быть заимствованы не прямо из греческого языка, а посредством другого языка. Таким образом была заимствована, например, ФЕ *osedlať Pegasa* (она является калькой с французского *enfourcher Pégase*). К изречениям, относящимся к **античным** временам древнегреческих и древнеримских писателей, ораторов и философов, не раз обращалась европейская интеллигенция и таким образом способствовала обогащению культурного наследия своего народа и межнациональной коммуникации. В словацком языке к данной сфере можно отнести, например, ФЕ: *na ostrí poža* - на острие ножа; *zostať pri vlastnom názore* - оставаться при своем мнении; *Pyrrhovo víťazstvo* - Пиррова победа; *prekročiť Rubikon* - перейти Рубикон; *v siedmom nebi* - на седьмом небе; *Bližšia je košeľa ako kabát* - Своя рубашка ближе к телу; *Mlčanie je znakom súhlasu* - Молчание - знак согласия. Многие из таких ФЕ представляют собой латинские или греческие кальки: *Viem, že nič neviem* - Я знаю, что ничего не знаю; *Rozdeľuj a panuj!* - Разделяй и властвуй!; *Prišiel som, videl som, zvíťazil som* - Пришел, увидел, победил.

Среди словацких фразеологизмов особое место занимают и другие **латинские кальки**. Это не удивительно, потому что на территории нынешней Словакии латинский язык был долгое время государственным языком. К ним относятся следующие ФЕ: *biela vrana (alba avis)* - белая ворона, *večné mesto (Rím) (aeterna urbs)* - вечный город, *zlatá stredná cesta (aurea mediocritas)* - золотая середина, *začarovaný kruh (circulus vitiosus)* - заколдованный круг, *opakovanie je matkou múdrosti (repetitio est mater studiorum)* - повторенье - мать учения, *sľubovať hory zlata (zlaté hory) (montes auri polliceri)* - сулить золотые горы, *časy sa menia (tempora mutantur)* - времена меняются. Даже такое идиоматическое выражение, о котором можно было бы судить, что оно собственно-словацкого происхождения (Е. Смиешкова указывает, что это пословица, но не какого она происхождения) - *Vajatali hory, porodili myš*, представляет латинскую кальку *Parturiunt montes, nascetur ridiculus mus* - Гора родила мышь.

Несмотря на то, что словаки никогда в исторически обозримое время не имели таких **контактов с французами**, как другие народы, факт их размещения в Центральной Европе не мог не отразиться и в их языке.

В словацком языке встречаются такие кальки с французского языка, которые передают прежде всего разные понятия для обозначения личных отношений и человеческого поведения, например: *hodit' do tváre (jeter à la face)* – бросить в лицо; *hodit' rukavicu (jeter le gant)* – бросить перчатку; *hodit' na niekoho tieň (jeter une ombre)* – бросить тень; *búrka v pohári vody (с лат. excitare fluctus in simpulo)* – буря в стакане воды; *vziať si príklad z niekoho (prendre exemple sur qn.)* – брать пример с кого-л.; *chytiť býka za rohy (prendre le taureau par les cornes)* – брать (взять) быка за рога; *S jedlom rastie chuť (L' appétit vient en mangeant)* – аппетит приходит во время еды; *veža zo slonovej kosti (tour d'ivoire)* – башня из слоновой кости; *viesť dvojité hru (jouer le double jeu)* – вести двойную игру; *vidieť všetko v ružových farbách (voir tout couleur de rose (en noir))* – видеть все в розовом (черном) свете; *mŕtva sezóna (morte saison)* – мертвый сезон; *kúpiť mačku vo vreci (acheter chat en poche)* – купить кошку в мешке. Из других романских языков в словацком языке встречаются кальки из итальянского и испанского языков, но их очень мало. К итальянским можно отнести: *A predsa sa točí* – А все-таки она вертится; *Všetky cesty vedú do Ríma* – Все дороги ведут в Рим; *sladké ničnerobenie* – сладкое ничегонеделание; а к испанским – *Radšej umrieť postojácky, ako žiť na kolienách* – Лучше умереть стоя, чем жить на коленях; *modrá krv (sangre azul)* – голубая кровь (последнее выражение может восходить и к французской кальке (*sang bleu*)).

К фразеологизмам, представляющим кальки из англогерманской группы языков принадлежат, например, словосочетания: *voľný vták (vogelfrei)* – вольная птица; *Tu je ten pes zakopaný! (Da ist der Hund begraben!)* – Вот, где собака зарыта!; *lámaným jazykom (gebrochene Sprache)* – на ломаном языке; *na veľkej nohe (žiť) (auf grossem Fuss leben)* – на широкую ногу; *slamená vdova (Strohwitwe)* – соломенная вдова; *auf eine Karte setzen* – ставить на карту; которые по данным разных источников восходят к немецкому языку, и ФЕ: *zlatá horúčka (gold-fever)* – золотая лихорадка; *platiť tou istou mincou (to play a man back in his own coin)* – платить той же монетой; *čierna skrinka (black box)* – черный ящик; *ako na býka červená farba (like a red rag to the bull)* – как на быка красный цвет; *únik mozgov (brain drain)* – утечка мозгов; *strýko Sam (Uncle Sam)* – дядя Сэм; *Byť, či nebyť? (To be or not to be?)* – Быть или не быть?; *Kto je kto (Who's who)* – Кто есть кто; *variť sa vo vlastnej šťave (to stew in one's own juice)* – вариться в собственном соку, по данным тех же источников, восходят к английскому языку.

В словацкий язык, равно, как и в другие, прочно вошли такие словосочетания, которые можно назвать просто **заимствованными** в их не только внутреннем, но и внешнем виде. В группу таких устойчивых выражений входят: *persona non grata*; *tabula rasa*; *veni, vidi, vici*; *terra inkognita*; *salto mortale* и некоторые другие, которые довольно часто встречаются особенно в печати.

Можно было бы искать истоки словацких фразеологизмов и в других языках, среди них – в венгерском и чешском, так как словаки, чехи и венгры долгое время жили в одном общем государстве – Австро-Венгрии и взаимно обогащались. Однако, именно факт совместного жительства затрудняет определение четких границ между своим и чужим. Одним из таких устойчивых словосочетаний является выражение *vyjsť na psi tridsiatok*, т. е. *обанкротиться*, исходный образ которого уже давно забыт и для солидного научного обоснования недостаточно предпосылок, поскольку еще отсутствуют словацко-чешские и словацко-венгерские фразеологические словари, отсутствует и параллельное изучение словацкой фразеологии и этнографии, данные которых во многом помогли бы осмыслить намеченные вопросы. Тем не менее, можно с уверенностью утверждать, что в словацком языке имеются и свои собственные устойчивые словосочетания: *Povedala Beta Bete, už je to na celom svete* (всем рассказать); *ísť do Spiša (na Spiš)* (ложиться спать); *prodamť za misku чечевицы* (намек на предательство, из-за которого был приговорен к смертной казни словацкий народный герой Юрай Яношик). На них указывают прежде всего этнокультурные, ономастические или топонимические признаки, хотя и в этих случаях можно засомневаться. Так, во ФЕ *лить воду в Дунай* топоним Дунай для словака представляет нечто несомненно собственно словацкое, но Дунай – пограничная река – она протекает и через Венгрию и даже через другие государства. Такое же недоумение могут вызвать и ФЕ, в составе которых находится компонент *groš*, интуитивно ощущаемые словаками как собственно-словацкие: *byť pri groši* (иметь деньги); *smrdieť grošom* (быть постоянно без денег); *nemať za groš rozumu* (о неразумном человеке); *ani deravého groša nestojí* (что-л. не стоит выеденного яйца); *judášsky groš* (деньги, полученные за нечистую работу, предательство).

Особо стоит вопрос о происхождении фразеологических единиц, которые, например, авторы работы ОЭСРЯ включают в группу собственно русских. Имеются ввиду, например, такие устойчивые словосочетания,

как: *Соломоново решение; страны света; язык как бритва; своя рубашка ближе к телу; принять эстафету* и другие, которые представляют собой полные лексические и семантические эквиваленты словацких ФЕ: *šalamúnske rozhodnutie; (na všetky štyri) strany sveta (svetové strany); jazyk ako britva; bližšia (je) košeľa (ako kabát); prijať štafetu* и т. д.

В заключение можно сделать вывод, что с этимологической точки зрения в словацком языке существует 3 основных пласта фразеологических единиц: 1. собственно словацкие ФЕ, 2. фразеологические кальки (полукальки) и 3. заимствованные ФЕ. Большое количество ФЕ не собственно словацкого происхождения – но часть фразеологизмов в каждом языке, в силу слабой разработанности компаративной фразеологии, недостаточного учета этнографических данных, а иногда и их отсутствия – представляет промежуточный слой, который должен быть подвергнут тщательному анализу, который впоследствии будет способствовать передвижению данных ФЕ в какую-либо из указанных групп и поможет заполнить существующие пробелы в их этимологической идентификации.

Использованная литература

- Biblie: Písmo sväté starého a nového zákona. Biblická spoločnosť v ČSR 1990.
- Nabovštiaková, K. – Krošláková, E.: Človek v zrkadle frazeológie. Bratislava. Tatran 1990, 224 s.
- Smiešková, E.: Malý frazeologický slovník. Bratislava. SPN 1977, 296 s.
- Záturčeký, A. P.: Slovenské príslovia, porekadlá a úslovia. Bratislava, Tatran 1975.
- Бурмистрович, Ю. Я.: Стилистические компоненты значения фразеологизмов в сравнении с аналогичными компонентами значения слов. В кн.: Проблемы семантики русского слова. Ярославль. ЯГПИ 1986, с. 46.
- Грановская, Л. М.: Библиейские фразеологизмы. Опыт словаря. Русская речь 1–5/ 1998.
- Мокиенко, В. М.: Славянская фразеология. Москва 1980.
- Шанский, Н. М. – Зимин, В. И. – Филиппов, А. В.: Опыт этимологического словаря русской фразеологии. Москва. Русский язык 1987, 240 с.

Key words:

slovakische Phraseologismen, etymologischer Sicht, drei Grundgruppen

Zusammenfassung

Phraseologische einheiten aus etymologischer sicht

Die Verfasserin analysiert slowakische Phraseologismen aus etymologischer Sicht. Sie unterscheidet drei Grundgruppen: 1. Phraseologismen, 2. wortlich übersetzte Phraseologismen, 3. Übernommene Phraseologismen in der ursprünglichen Gestalt.

ИМЕНА СОБСТВЕННЫЕ В ПРЕДСКАЗАНИЯХ НЕКОТОРЫХ СЛАВЯНСКИХ НАРОДОВ В СБОРНИКЕ ЧЕЛАКОВСКОГО

Сватоплук Пастыржик, Чешская Республика, Градец Кралове

Предсказания, которые сохранились до наших дней, возникали на европейском континенте уже со средневековья как результат народного когнитивного процесса на основе соединения двух неодинаковых циклов – природного круговорота и годовичного календаря. Прочной основой для закрепления земледельческих и климатологических знаний и их передачи следующим поколениям был прежде всего календарь с именами святых и названиями церковных праздников.

С лингвистической точки зрения предсказания как паремиологические формы принадлежат к фразеологическим объектам, или же к паремиологическим фразеологическим объектам, несмотря на то, что фразеологи никогда не считали предсказания полностью фразеологизированными коммуникационными единицами. У предсказаний есть своя тематическая специфика, относящаяся к их содержанию (в особенности культурная и этнографическая), а также языковая, речевая (потому что они относятся к средствам обыкновенной коммуникации и народной речи). И с точки зрения развития общества они имеют большое образовательное значение и, кроме того, они являются соответствующими объектами для сопоставительных компаративистских исследований.

Для меня предсказания – это отличный лингвистический материал не только с фразеологической, но и с ономастической точки зрения. Параллельно я пытался применить также компаративистский аспект.

Ясно, как божий день, что на своем пути я не мог пройти мимо сборника Челаковского.

Чешский и словацкий языки обозначают предмет нашего исследования *pranostiky*, в русском их называют *предсказаниями*, в польском это *prognozyki rolnicze* или *przysłowia kalendarzowe*, в сербсколужицком языке их называют *burske kaznje*, в немецком *Wetterregeln* или *Bauerregeln*, в английском *Weather Proverbs (Weather Predictions)*.

Чешское имя существительное *pranostika* греко-латинского происхождения – в средневековой латыни новое слово *pragnostica* было образовано от греческого *prognosis* (знание), которое возникло от глагола *gignosko* (я знаю, я познаю). Ну а этот глагол восходит к индоевропейскому корню **gno-*. В греческом языке слово *prognosis* обозначало состояние, предупреждающее болезнь, то есть определенный вид прогноза. Средневековая латынь потом расширила объем слова *pragnostika*, им начали обозначать также любые прогнозы, не только прогноз болезни, включая в это также прогнозы астрологические и суеверные.

В современном чешском языке мы уже понимаем слово *pranostika* по-другому. SsJČ говорит о том, что *pranostika* – это:

1. *předpověď, hlavně počasí nebo budoucích věcí, lidová průpověďka obsahující takovou předpověď nebo životní zkušenost,*
2. *spis obsahující takové předpovědi.*

А какова ситуация в современном русском языке? В самом большом русском толковом словаре, т. е. в Большой советской энциклопедии, заглавного слова *предсказание* не существует, может быть, по идеологическим причинам. Как заглавное слово в БСЭ есть только **прогнозы агрометеорологические** = *предвидение изменения агрометеорологических (климатических и гидрологических) условий и их влияния на объекты сельского хозяйства.*

Следует также отметить, что не только это, но и любое другое слово из родственных заглавных слов, которые являются уже предсказаниями *sensu stricto*, так наз. словесными выражениями в соответствии с намерениями понимаемой деятельности, в этой энциклопедии не приводится. В СРЯ Розановой и Матвеева заглавное слово *предсказание* уже появляется и в объяснении значения этого выражения даже находится понятие *предсказание погоды*, обозначающее, кстати, *прогноз погоды*, но пример, который приводится имеет отношение прежде всего к вышеупомянутому прорицанию: «Цыганка предсказала, что моя сестра будет за офицером». СРЯ Ожегова объясняет выражения, интересующие нас, следующим образом: «**предсказать** = *заранее сказать, что произойдет в будущем. Правильно п. погоду.*» и «*прогноз = заключение о предстоящем развитии и исходе чего-нибудь на основании каких-н. данных. П. погоды.*»

То, что в данных словарях, в заметках и объяснениях зарегистрировано существование метеорологических прогнозов, но ни в одном

случае не встречается форма предсказания погоды, еще не значит, что в русском языке не существуют и не существовали предсказания. Но этими предсказаниями интересовались прежде всего лишь этнографы и собиратели народной устной словесности. Предсказания, однако, могут быть, если обратить внимание на их форму, также хорошим материалом для лингвистических исследований, в том числе и для фразеологических и ономастических.

Предсказание в значении небольшой литературной и стилистической формы тематически связано с сельскохозяйственной жизнью наших предков (недаром в польском языке их называют *prognostyki rolniczne*, в немецком *Bauerregeln* и в верхнесербсколужицком *burske kaznje*). С точки зрения формы предсказания близки к пословицам и устойчивым изречениям, это значит, что они относятся к малым формам устного деревенского фольклора. Предсказания отличаются от изречений и пословиц прежде всего своей временной зависимостью. Время в предсказаниях не было основной категорией человеческого познания окружающего мира и мы тоже не смотрим на него как на литературную величину, разделяемую человеком на некоторые мелкие участки и дополняемую конкретными данными. В предсказаниях время раньше определялось личными, индивидуальными, а позднее коллективно воплощенными переживаниями и познаниями, ежедневными событиями, которые касались всех членов общества на конкретной территории. В категории понимаемого таким образом времени можно также внести конкретные и, на первый взгляд, точные и реальные цифровые данные (см. напр. чешское *Medardova kápě čtyřicet dní kape*, или русское *С Благовещения осталось сорок морозов*), но не с целью передачи конкретных данных, а для более легкого запоминания относительных знаний или для выделяемого ударением восприятия передаваемого решающего содержания.

С точки зрения настоящего времени предсказания основаны собственно параллельно прежде всего на явлениях природы (на наблюдении ежегодного круговорота) и на степени развития общественных отношений, напр. на знаниях церковного календарного порядка. Соединением этих двух точек зрения возникают прогностические сентенции, у которых, кроме первичной коммуникативной функции, важную роль играет образовательная, воспитательная функция. Именно поэтому в предсказаниях используются разные средства, предоставляющие разговаривающим возможность заполнения содержания предсказаний рифмой, ритмом,

формой дистиха, параллельной композицией, собственными именами и т. п.

Паремиологический сборник Челаковского в середине 19-ого века представлял собой прежде всего выдающееся патриотическое и славянское произведение эпохи чешского национального возрождения.

Думая о чешском происхождении Челаковского, во-первых, и, во-вторых, о его деятельности в вратиславском университете в Польше, мы ожидали бы большего количества чешских и польских предсказаний в его сборнике. К нашему удивлению, большее количество предсказаний в этом сборнике – русского происхождения. Так произошло, по-моему, во-первых, под влиянием славянской идеологии (идея славянской взаимности и первенствующего русского народа), а во-вторых, это связано с обыкновенной практикой лингвистической работы в середине 19-ого века. Челаковский пользовался лишь более старыми этнографическими сборниками, не изучая народную речь, окружающую его.

Целью сборника Челаковского было только показать взаимность славянских народов, его автора, к сожалению, не интересовало сравнение предсказаний в отдельных славянских языках.

С этой точки зрения мы находим единство не только между предсказаниями соседних славянских народов, напр. чешскими и серболоужицкими (*Chodí-li husa na Martina po ledě, bude se zanedlouho zase koupat* × *Chodźi-li husyca na dnju Měrcína na lodže, chodźi po Měrcínje w blóće*), но и между предсказаниями топографически отдаленных славянских народов (см. русское *Св. Юрий запасаает коров, св. Николай коней, св. Илья зажигает жито* × сл. *Swjaty Jurij kruwam nowu picu dawa, swjaty Mikławš konjom, swjaty Elias zežněje*).

Включение иноязычных предсказаний в сборнике, выпускаемом в Чехии, поставило, само собой разумеется, также вопрос их перевода и трансформации. Эти проблемы автор сборника решил по-своему: он или приводит чешские параллельные формы (*Na św. Grzegorza jidą rzeki do morza* × *Na sv. Řehoře plove led do moře*), или образует свои формы по образцу чешских предсказаний (*Св. Вуккола – телятся жуколы* × *Na sv. Vukole se telí rohule*), в некоторых случаях он переводит предсказания буквально (*Пречистая Мать* × *Přechistá Mát'*) или объясняет в комментарии также опыт другого славянского народа (*Снасовка ласковка а Петровка голодовка* × *Spasovky lahůdky, Petrovky hladivky = půst k sv. Petru a Pavlu trvající přes pět neděl, jest pravý půst, an lid bez toho mívá všechny kouty vyprázdněné*

- *půst ale Proměnění Kristova v srpnu tehdy ve žních a po nich, dává už dostatek potrawy moučné*).

Что касается антропонимов, то в русских предсказаниях мы встречаемся со следующими именами собственными в стандартизированных и нестандартизированных формах: *Agrafena, Akulina, Alexej, Avdotja (Jevdokeja), Boris, Dmitrij (Dmitr), Fedul, Fit, Flor, Gleb, Ilja, Jegorej/Jegorij, Jeremij, Jurij, Kasjan, Matrena, Michail, Mokij, Nikita, Nikolaj (Nikola), Okejnja, Petr, Sava, Semin/Semen, Sergij, Sidor, Spiridon, Tichon, Timotej, Varvara (Varucha), Vasil, Vlasij, Vukola*.

В своем докладе мы только коснулись некоторых сторон славянских предсказаний. Несомненно, было бы целесообразным продолжать исследование предсказаний в разных славянских языках, но не только с точки зрения специфичности отдельных славянских народов, но и с точки зрения компаративистской – лингвистической и этнографической.

Использованная литература

- Большая советская энциклопедия. М. 1955, т. 34.
Čelakovský, F. L.: *Mudrosloví národu slovanského v příslovích*. Praha 1852.
Mláček, J. - Ďurčo, P. a kol.: *Frazeologická terminológia*. Bratislava 1995.
Ожегов, С. И.: *Словарь русского языка*. М. 1975.
Розанова, В. В. - Матвеев, И. И.: *Словарь русского языка*. М. 1959.

Key words:

anthroponym, weatherproverbs, calendar, Čelakovský

Summary

“Weather predictions” were brought about by a folk cognitive process based on the interaction of two principles: the circle of nature and the calendar reflecting all saints and church holidays. The latter one became a foundation determining the knowledge of agriculture and climate and its passing onto next generation. Since anthroponyms function as means of everyday communication they need not appear in their standardized forms in these cases. Anthroponyms in weather predictions mentioned in Čelakovský’s collection have become a good object for comparison in the area of Slavonic “weather predictions”.

ПАРНЫЕ СЛОВА, ОТРАЖАЮЩИЕ СПЕЦИФИКУ РУССКОЙ КУЛЬТУРНОЙ ЗОНЫ

Имре Пачаи, Венгрия, Ньиредьхаза

В фокусе нашего исследования стоят вопросы, связанные с проблематикой русской народной речи и ее категориями. В данной области лингвистики, по мнению многих исследователей (Л. В. Щерба 1975; Н. А. Баскаков 1979; О. Б. Ткаченко 1979), мы сталкиваемся с трудностями и сложными проблемами, нерешенными вопросами. При изучении русских лингвистических работ, вышедших в конце XX века, мы убедились в том, что в настоящее время все более актуальными становятся вопросы лингвокультурологии и ареальной лингвистики. С точки зрения нашего исследования, чрезвычайно важно, что в упомянутых работах русские лингвисты (В. В. Воробьев 1997, В. В. Колесов 1999) все более углубленно занимаются определением сущности русской национальной ментальности и восточным характером русской культуры.

В настоящей статье рассматриваются вопросы, связанные с теорией Н. С. Трубецкого (1927) о влиянии языков русской культурной зоны на русскую народную речь, в которой используются структуры, свойственные языкам исследуемого нами ареала. Одним из типичных структур русской народной речи оказался специфический вид деривации, который назван термином «парные» слова. Роль языковых контактов обнаружилась при сопоставительном исследовании парных слов.

При изучении использования парных слов в русской народной речи обнаружилось богатство как лексических единиц, так и разных подтипов этого вида деривации. Мы могли выделить сложения суммирующего типа: *кормить-поить, не сегодня-завтра, отец-мать, пить-есть, руки-ноги, чашки-ложки, хлеб-соль* и. т. д.; сложения синонимического типа: *булат-железо, грусть-тоска, друг-приятель, жить-быть, любо-дорого, путь-дорога, счастье-талан* и. т. д.; повторы разного типа: а) полные тождественные повторы: *большой-большой, шел-шел, много-много* и. т. д.; б) неполные тождественные повторы: *давным-давно, жить-поживать, красный-прекрасный, один-одинешенек, полным-полно, тьма-тьмущая* и. т. д.; в) рифмующие повторы: *аты-баты, фигли-мигли, шалтай-болтай, шурум-бурум* и. т. д.

Несмотря на интенсивное использование парных слов в определенной сфере общенародного русского языка, данный вид деривации имеет скудную литературу в русистике. Заслуживает пристального внимания мнение академика Н. А. Баскакова (1979) о необходимости более углубленного исследования парных слов в русском языке. Первым в русской лингвистике А. А. Потебня (1899) рассмотрел вопросы, связанные с парными словами. Он изучил структуры *отец-мать*, *род-племя*, *хлеб-соль*, *путь-дорога*, *тоска-печаль*, *ходил-гулял* и т. д., взятые из произведений русского фольклора. Работа А. А. Потебни «Из записок по русской грамматике, т. III» служила для нас важным ориентиром и в аспекте ареальной лингвистики, ведь он обращает внимание на сходство между русскими и китайскими парными словами.

При изучении литературы о словосложении в русском языке выявилось, что в русской лингвистике за прошедшее столетие ни одна работа не превосходила достижений А. А. Потебни в изучении парных слов. Вопрос более интересен тем, что многие из советских лингвистов занимались парными словами в уральских, алтайских, индийских и дальневосточных языках. Несмотря на то, что изученные ими сложения по основным структурным, семантическим и синтаксическим свойствам нередко соответствовали парным словам в русском языке, исследователи не сопоставляли их с русскими конструкциями. Трактовку парных слов мы обнаружили не в работах по деривации и стилистике, а во фразеологическом словаре В. П. Фелицыной – В. М. Мокиенко «Русские фразеологизмы» 1990. Не менее важно использование термина «русская народная речь» в связи с анализом парных слов в данной работе, указывающей на их стилистические особенности. Эквиваленты парных слов, использованных в **русской народной речи** в языке фольклора и в произведениях русских писателей, мы обнаружили в языках Восточной Евразии: русский: **жил-был**; коми: *овны-вёвны*; удм.: *улыны-вылыны*; морд.: *эрямс-аштемс*; кит.: *шень-цзунь*; русск.: **кормить-поить**; коми: *вердны-юктаны*; удм.: *сюдыны-люканы*; морд.: *нукиаиш-йуктаиш*; венг.: *etet-ital* (дать есть + дать пить – растить кого-либо, накормив и напоив); русск.: **отец-мать**; коми: *ай-мам*; удм.: *атай-анай*; морд. й: *тетят-ават*; кит.: *фу-му* (отец + мать – родители); русск.: **род-племя**; удм.: *ред-вуж*; чуваш.: *хурантаиш-ару*; кит.: *чжун-цзу*; русск.: **не сегодня-завтра** (на днях); удм.: *тунне-чуказе*; морд.: *течи-ванды*; венг.: *talholnap* < *ta* + *holnap*; уйг.: *эте-бугун*, башк.: *богон-иртен*; русск.: **жив-здоров**; морд.: *шумбра-таза*; татарский: *исен-сау*; казахский: *аман-сау*;

чуваший: *сывлах-керлех*, уйг.: *аман-есен*; русск.: *чашки-ложки*; коми: *тусти-пань*; удм.: *тусти-пуньи*; морд.: *пенчт-вакант* (Э); *куцюфт-шаванянт* (М), чуваш.: *чашак-кашак*, татарский: *кашык-аяк*; уйг.: *чине-кача*.

Представленные нами семантические и структурные параллели свидетельствуют об общем использовании данного вида деривации в исследуемом ареале. При изучении лексики и деривации языков Восточной Евразии мы установили, что в них парные слова являются важными, общими и типичными структурами. Результаты нашего исследования соответствовали концепции А. А. Потебни об ареальном характере парных слов в русском языке. Если в русской народной речи имеет место частотность использования парных слов, то не свойственно для западнославянских языков. Прием данной неславянской категории языка и частотность данного вида деривации в определенной сфере русского языка предполагает более сложный процесс языковых контактов, чем заимствование определенных лексических единиц. В данном процессе обнаруживается заимствование модели и приема деривации, где культурный фильтр и соблюдение языковых норм играют более важную роль. Вопросы словопроизводства касаются более глубоких сфер языка, связаны с синтаксисом и с отражением языковой картины мира в нормах определенного языкового коллектива. Именно принятие чуждых норм содействует порождению «исконно» русских структур посредством использования неславянской модели деривации.

В статье Н. С. Трубецкого «*Верхи и низы русской культуры*» (1927) рассматриваются вопросы, освещающие историко-общественный фон и процесс языковых и культурных связей русского языка с народами Волжского бассейна. Н. С. Трубецкой указывает на то, что русская культурная зона имеет более интенсивные связи с Востоком, чем с Западом. Наряду с представленными нами параллельными структурами в языках Восточной Евразии и русской народной речи, свидетельствуют и другие языковые элементы о существовании контактов русского народа с Востоком. Таковы, например, повторы *гудом гудела*, *кишьмя кишит*, *было не было*, *слыхом не слыхали*, *ехали не ехали*, *напоить-то напоили*, изученные Д. Э. Розенталем (1974) и Н. И. Шведовой (1982). Параллельные структуры используются преимущественно в языках изученного нами ареала: морд.: *келейде келейсте* 'очень широко (букв.: шире широкого)'; мари.: *илен-илыде* 'живя кое-как (букв.: живя не живя)', *йырым-йыр* 'кругом, по всей окружности'; венг.: *körös-körül* 'кругом, по всей окружности'; *telis-tele*

'полным-полно'; *várva vár* 'ожидая ждет'; тат.: *бердэнбер* 'один единственный'; *булмаса булган икен* 'была не была'; *кап-кара* 'черный-пречерный'; башк.: *һон-һоро* 'бурый-пребурый'; *япа-янгыз* 'один-единственный'; уйг.: *нейдин-ней* 'постепенно' и т. д. Русские структуры типичны для разговорной речи, т. е. принадлежат к лексике русской народной речи. Представленные языковые элементы свойственны, в первую очередь, фольклору и языку народных писателей, и в меньшей степени характеризуют стиль произведений т. н. «городских писателей». Данная проблема неразрывно связана с резким расхождением между русским литературным языком и русской народной речью, о чем говорится в работах В. Даля (1984), Н. С. Трубецкого (1927) Л. В. Щербы (1957), Д. Э. Розенталя (1974), В. М. Мокиенко (1999). Восточный характер русской ментальности, упомянутый В. В. Колесовым, должен отражаться в категориях русского народного языка. Н. С. Трубецкой четко определил различия между содержанием культуры верхов и низов русского общества. Культура верхов русского общества с XVIII века определяется сильными западными влияниями, престижем культуры романо-германских народов. Культуру низов русского общества намного слабее тронули западные влияния, поэтому традиции и **нормы** неграмотного русского крестьянства в большей мере отражают восточные влияния, что подтверждается особенностями русского фольклора. В русских народных сказках обнаруживаются элементы фольклора степных народов и иранских мифов. В них нетрудно выделить элементы шаманского поверья и богатырских эпосов кочевых народов. Многие из русских пословиц также отражают основные элементы стихии степных народов. Русские пословицы из сборника В. Даля: «*Лошадь человеку крылья*» (Д. II, 355); «*Не купи двора, купи соседа*» (Д. II, с. 155); «*Сухая ложка рот дерет*» (Д. I, 133); «*Твоими устами да мед пить*» (Д. I, 325) явно обнаруживают ментальность русской культурной зоны, влияние культуры степных народов на культуру русского крестьянства. Следующие народные изречения «*Меньшой сын на коню сидит* (в крестьянстве – наследует дом)» (Д. I, 130), «*Меньшому сыну отцовский двор, старшему новоселье*» (Д. II, 73), по толкованию В. Даля, отражают существование института минората в обычном праве русского крестьянства. Данный элемент обычного права типичен для традиций кочевых народов (Баранникова, 1978). В пословицах: «*Все ли подбру-поздорову*» (Д. II, 209), «*Талан на майдан*» (Д. II, 209) «*Ни яман, ни якиш, ни средней руки*» (Д. I, 369), «*Ни сана, ни мана*» (Д. I, 351), «*Как в поле туман, так ему счастье-талан*»

(Д. I, 296) обнаруживаются как парные слова, так лексика изученного региона. При комплексном изучении языка и культуры русского народа обнаружилось, что изученный нами микроэлемент русской народной речи органически примыкает к другим элементам языковой картины мира. В разных жанрах русского фольклора выделяются не только общие мотивы сюжета, но и элементы языковой модели мира, свойственные для ментальности народов Волжского бассейна. Обнаруженные нами данные дополняют в аспекте лингвистики исследования Н. С. Трубецкого, изучившего контакты русской культурной зоны. Определение сущности языковой картины мира, свойственной национальной ментальности требуют комплексного анализа, так как в структурах языковой модели мира неразрывно связаны компоненты языка и культуры.

Литература

- Баранникова, Е. В.: О бурятской волшебной сказке. Москва, 1978.
- Баскаков, Н. А.: Русские фамилии тюркского происхождения. Москва, 1979.
- Воробьев, В. В.: Лингвокультурология. Москва, 1997.
- Горелов, В. И.: Лексикология китайского языка. Москва, 1984.
- Даль, В.: Пословицы русского народа. Сборник В. Даля в двух томах. Москва, Художественная литература, 1984.
- Колесов, В. В.: Жизнь происходит от слова. Санкт-Петербург, 1999.
- Мокиенко В. М.: В глубь поговорки. Санкт-Петербург, «МиМ» «Паритет», 1999.
- Потебня, А. А.: Из записок по русской грамматике. Т. III. Москва, 1968.
- Розенталь, Д. Э.: Практическая стилистика русского языка. Москва. 1974
- Ткаченко, О. Б.: Сопоставительно-историческая фразеология славянских и финно-угорских языков. Киев, «Наукова думка», 1979.
- Трубецкой, Н. С.: Верхи и низы русской культуры. Вестник Моск. университета. Сер. 9. Фил. 1991. № 1. с. 87–98.
- Фелицына В. П. – Мокиенко В. М.: Русские фразеологизмы. (Лингвострановедческий словарь). Москва, «Русский язык», 1990.
- Щерба, Л. В.: Избранные работы по русскому языку. Москва, 1957.

Key words:

coordinative compound, derivation, folklore, Russian folk language, East Eurasia, Volga-Basin, Russian cultural zone

Summary

Coordinative Compounds Mirroring the Features of the Russian Cultural Zone

The present research focuses on the analysis of the Russian folk language reflecting the influence of the Russian cultural zone. The coordinative compound, which is not a derivation mode primarily characteristic to Slavic languages, is on the specific structures of the Russian cultural zone. The most structures parallel to Russian were found in the languages of the people of the Volga-Basin and East Eurasia. The findings of our research coincide with the theory of many scholars who emphasize the importance of the contacts between Russian and other people living in the Volga-Basin. The complex analysis of the Russian folk language and folklore has proved that the coordinative compound does not appear as an isolated phenomenon in the Russian folk language, but represents the specific element of the Eastern structural system.

О ПРИЧИНАХ ВАРЬИРОВАНИЯ ПОСЛОВИЦ: ОБРАЗ И ИДЕЯ

Елена Селиверстова (Санкт-Петербург, Россия)

При сравнении значительного блока паремиологических единиц (ПЕ), передающих одно содержание, выстраиваются два ряда единиц. Первый ряд составляют версии одной инвариантной паремии, например: *Люди тонут и за соломинку хватаются; Кто тонет, тот и за вострой меч ухватится; Когда тонешь, то ухватишься и за раскаленный железный прут; Кто тонет - нож подай, и за нож ухватится; Утопающий и за колючки хватается.* В основу всех версий положен яркий образ утопающего, хватающего в отчаянных поисках чего-либо для своего спасения первое, что попадется под руку (= «все»). Если отвлечься от деталей образа, то совпадающими являются три составные ее образного плана: *тонуций (утопающий) + хватается за... + нечто (= все), будто бы способное помочь.* Внутренняя форма отражает практический опыт, подтверждающий способность человека (*тонущего*) использовать в борьбе за выживание (*хвататься*) все возможные средства, в том числе и не очень надежные (*соломинка, меч, нож* и т. д.). Прозрачность внутренней формы ПЕ позволяет соотнести ее элементы с фрагментами толкования ПЕ: «В безвыходном положении (*тонуций*) как к последней надежде на спасение (*меч, соломинка, нож* и др.) прибегают (*хватается*) даже к такому средству, которое вряд ли может помочь (*меч, соломинка, нож* и др.)» [Жуков, 337]. Образная ПЕ варьирует только в той ее части, которая предлагает разнообразные «спасительные» средства, следовательно, в действие приведен «квантор всеобщности», активизирующий варианты замены (ср. окказ. *Утопающий и за воздух /нитку/ хватается*).

Славянские языки, располагающие эквивалентной ПЕ – а в некоторых случаях и несколькими ее вариантами, – поддерживают версии русской паремии: словац. *Topiaci sa aj slamky (trávy, machu) chytá* и сравнительно новая версия *Topiaci sa aj britvy chytá*; польск. *Topący brzytmu się chwytą*; чеш. *Topoucí se i stébla chytá*; серб. *Утопњеник се и за сламку хвата; Ко се топи, за пјену се хвата*; укр. *Як топишся, то й за бритву вхопишся; І за соломину*

хопиться, хто топиться; болг. *Който се дави, хваща се и за змия*; белорус. *Хто топіцца, той і за вострую касу (брытву/саломінку) хопіцца* [Котова, 399]. Таким образом, в составе структурно-семантической модели ПЕ – в ее рематической части – представлены фрагменты с растительной семантикой *солома, трава, мох, соломина*, иллюзорная в смысле помощи *пена*; их объединяет представление о ломкости, ненадежности «помощи». Второе направление задают фрагменты, актуализирующие сему «острый» – *бритва, меч, нож, коса*, сему «обжигающий» *раскаленный (железный прут)*, сему «кусающий» – *змея*, сему «царапающий, колючий» – *колючки* (они могут быть отнесены и к ломким предметам), – все они в свою очередь входят в генерализованное «опасный». При сведении в одну парадигму представлений о хрупкости и, с другой стороны, – опасности происходит нивелировка семантических расхождений.

Как видно из соотношения внутренней формы и ее переносного значения, сема «сомнительность, ненадежность», связываемая с разными свойствами предметов – хрупкостью, остротой, температурой, – может сблизить никак не связанные в реальной жизни предметы. Названные семы неотчетливы в виртуальном слове – слове в системе языка, но актуализируются при реализации в определенных сочетаниях и, в частности, выявляются часто именно в результате сосуществования различных вариантов ПЕ. Все версии укладываются в схему, которая служит обобщающим семантическим звеном - между тем, что сказано буквально, и тем, что хотят этим сказать [Крикманн 1994, 121].

Представляется, однако, что в отношении обобщающей схемы часть версий ПЕ является порождающей, а часть – порождаемой. Рассуждать подобным образом нам позволяет, в частности, тот факт, что варианты ПЕ метафорически описывают ситуации, обнаруживающие расхождение в степени их реальности: если острая коса (ср.: *На острую косу много сенокосу*) может во время сенокоса оказаться по соседству с тонушим, как и острый меч – во время битвы, не говоря уже о соломе, то вряд ли можно представить предложенными для спасения раскаленный железный прут или бритву. Не случайно *железный прут и меч* – потенциальные спасительные средства – намеренно «созданы» коллективным автором мало пригодными для этой цели за счет соответственно определений *раскаленный и вострой*. Два определения к компоненту ПЕ редки в составе ПЕ – и это также производит впечатление искусственности, вторичности этой версии.

Присоединение отдельных версий ПЕ происходит, вероятно, ступенчато. Сначала на основе нескольких ситуаций и воспроизводящих их версий ПЕ формируется обобщенная схема, или идея, которая позволяет затем сопоставлять с нею новые возникающие ситуации и проводить аналогию между старым и новым. Ведь сопоставление актуальной ситуации говорящий осуществляет не с существующими паремиями, а в первую очередь – с отвлеченной идеей. В данной схеме четко выделяются два фрагмента – пословичный бином, составляющий ее основу и основу любой из версий инвариантной ПЕ: *тонущий + <годятся, хватается, использует, хороши> любые средства спасения*. Присутствие семы «любые» в обобщенной схеме подтверждается примерами, в которых подчеркивается готовность воспользоваться всеми возможными средствами: *Борисов в слепой надежде, как утопающий, хватается за любую подвернувшуюся соломинку, пытается хоть как-то изменить сложившуюся ситуацию* (В. Безымянный, *Смерть отбрасывает тень*); *Бригадир... сам обречен, но будет карабкаться вверх, держаться за все соломинки, которые бросает ему начальство* (В. Шаламов, *Новая проза*). О биномиальной структуре свидетельствует и окказиональный вариант ПЕ с опущением глагольного компонента: статья под заголовком *Солома для утопающих* построена целиком на этой метафоре: *Утопающим в трясине идеологического беспредела россиянам с высот политической и идеологической элиты время от времени бросаются соломинки, ухватившись за которые, россияне должны обрести идейную ориентацию в постсоветском пространстве, и даже целые охапки такой спасительной соломы* (Лит. газ.). Сопоставляя новую наблюдаемую ситуацию с имеющимся опытом и усматривая в ней знакомые блоки – «трудная, критическая ситуация» + «попытки выхода из нее», говорящий квалифицирует ее с помощью соответствующей ПЕ. Е. В. Иванова считает такого рода отношения двух или более концептов, связанных стереотипным пропозициональным отношением (в нашей терминологии – бином), основной единицей, хранящейся в человеческой памяти [Иванова, 55]. Однако не всегда при этом используется уже знакомая формула: во-первых, новая ситуация становится тематическим индуктором для новой версии или новой ПЕ; во-вторых, дискретность паремии и ее обобщенной схемы позволяет говорящему варьировать какие-либо ее части, в том числе изменяя расстановку некоторых оттенков значения – например, усиливая сему «беспольность» в версии с *раскаленным железным прутом* (ср. современное ироничное *Утопающий и за мен-*

товский свисток хватается). В-третьих, говорящий может внести свой вклад в оформление ПЕ сообразно его представлениям о многообразии реальной действительности и элементам его собственного опыта.

Позиция ремы также способствует поиску нового выражения актуального смысла, в то время как первая составляющая схемы *«утопающий = критическое положение»* в контексте может быть даже опущена: *Давтян вел борьбу за станцию техобслуживания «Ситроен». Это была последняя соломинка, за которую он мог ухватиться* (АиФ, № 14/ 95); *Второе пришествие в Думу И. Рыбкина и впрямь может стать последней спасительной соломинкой для депутатов* (Сегодня, 3. 04. 98). Итак, идея служит своего рода стержнем, на который нанизываются одна за другой ПЕ с общим значением и семантическим потенциалом, близкие по внутренней форме, связанные обобщенной схемой. Творческие правила порождения пословичного текста указывают – не только в случае с данной ПЕ – на поиск максимального количества способов перевыражения одной идеи. «Подбор» компонентов в разных версиях ПЕ производится на основе их парадигматического значения вне паремии (ср. предметы с семантикой «острый, способный поранить») и – более точно – потенциальных сем, обеспечивающих вхождение компонента в качестве субститута в состав ПЕ, в семантический фрагмент обобщенной схемы, которому компонент или сочетание соответствует.

Ориентированность не одной, а многих единиц на паремийное осмысление одной идеи хороша видна на примере ПЕ, передающих идею неэффективности слова. Наряду с наблюдением относительно невозможности возврата сказанного слова (*Слово не воробей, вылетит – не поймает* и ее многочисленные варианты), это одно из самых распространенных в ПЕ направлений мысли, связанных с речевой деятельностью. С одной стороны, слово противопоставляется делу в самом широком смысле слова – *Поменьше бы слов, да побольше дела; Словами и туды и сюда, а делами никуда*. Слово («речь») осмысляется как недостаточное, бесполезное, негативное по сравнению с более насущным, весомым, позитивным делом – вероятно, любимыми практическими действиями.

Та же идея развивается в ПЕ, где дело представлено более конкретно – каким-то из видов реальной деятельности человека, весьма существенной или не очень важной: *С твоих слов дом не выстроишь; Словами жернова не повернешь, а глухого не научишь; Словом и комара не убьешь* и т. д. Сопоставление слова с делом представлено имплицитно – констатацией

невозможности достичь некоторого результата, что косвенно указывает на необходимость иной, не речевой, деятельности или – по метонимическому принципу – вещей, инструментов, материалов для совершения действия или достижения результата. Слово бесполезно в том смысле, что им нельзя накормить и напоить: *Брюхо не насыщается словами; Брюхо глухо: словом не уймешь; Из слов щей не сварить – нужны капуста и мясо; Из слов блинов не испечешь и полушубка не сошьешь; Голодного словами не накормишь*. Отдельную ветвь в развитии этой идеи представляют ПЕ, связанные с благодарностью, словесное выражение которой также представляется ничемной носителям языка: *Спасибо съят не будешь*. Эта линия продолжается и современными ПЕ *Спасибо в стакан не нальешь (не булькает); Спасибо на хлеб не намажешь*.

Нематериальность слов отмечена и в ПЕ *От слов мощна не будет полна; Поле словами не засевают; Из спасибо шубы не шить*. На обобщенное значение «непрактичность» указывает принципиальное отсутствие альтернативы слову: *Спасибо за пазуху не положишь (в карман не кладут) домой не принесешь*.

Идея бесполезности одного лишь слова, и даже слова, обращенного к Господу, реализуется и в ПЕ с иными «словесными» компонентами. При этом возможны семантические нюансы, как, например, сема «выдуманное» (*Соловья баснями /басни/ не кормят*), сема «праздная, пустая» (*На баснях /лясах/ недалеко уедешь*). При этом любая речевая деятельность, мысленно сравниваемая с делом, признается «малоэффективной, бесполезной»: *Баснями закрома не наполнишь; Соловья песнь не кормит; Молитвой не пашут, словами не жнут; Амином квашни (теста) не замесишь: молитву твори, да муку <в квашню> клади; Молебен нет, а пользы нет*. Во всех вариантах ПЕ и совариантах (Г. Л. Пермяков) методом наложения выявляется четкая корреляция двух блоков информации – фрагментов ее семантического содержания и элементов, участвующих в описании ситуации; ср.: «речь, разговор» (*басня* «выдумка, празднословие, пустословие») и «бесполезно» (*не накормишь, не наполнишь* и др.) – именно они и определяют содержание ПЕ. Это объясняет и несколько неожиданный в составе ПЕ *Соловья (журавля) баснями не кормят* компонент *журавля*, который редко содержится в клетке и нуждается в том, чтобы его кормили. Оба компонента на фоне версии *не накормишь* орнаментальны, относительно свободны и даже избыточны, но вносят в ПЕ образный элемент.

Именно различные версии ПЕ и другие реализации этой модели проясняют порой ее истинный смысл – через призму обобщенной схемы. Так, в ПЕ *Аминем беса не отбудешь* компонент *бес* может быть воспринят и с прямым («нечистый»), и с переносным значением «зло, искушение», а вся паремия – «Святым словом от искушения не избавиться». Однако версия ПЕ *Аминем беса (лихого) не избыть* с заменой *бес – лихое* («трудное, опасное», ср.: *Лиха беда начало, лихой человек*), «размывает» значение отдельного компонента и заставляет нас увидеть за конкретным более общее: «одним святым словом опасного, трудного не избежать только разговорами результата не добиться, дела не сделать». Это подтверждается и паремиями *Аминем квашни не замесишь; От аминя не прибудет* и др.

Итак, паремийная идея представляет собой обобщенный вывод, вытекающий из наблюдения над сходными частными случаями, и становящийся ПЕ при соблюдении некоторых условий. К ним среди прочих относится метафорическое выражение идеи как главный паремийный признак, признаваемый большинством исследователей, обеспечивающий приложимость паремии к большому количеству ситуаций. Обобщенная схема ПЕ – посредник между множеством частных случаев реальной жизни и их художественной символизацией в паремии – является, на наш взгляд, фактором, регулирующим и во многом определяющим вариантность.

Использованная литература

- Жуков, В. П.: *Словарь русских пословиц и поговорок*. 7-е изд., стереотип. М., 2002.
- Иванова, Е. В.: *Пословичные картины мира (на материале английских и русских пословиц)*. СПб., 2002.
- Котова, М. Ю.: *Русско-славянский словарь пословиц с английскими соответствиями*. СПб., 2000.
- Райхштейн, А. Д.: *О семантической структуре пословиц*. In: Теоретические вопросы романогерманской филологии: Респ. сборник. Горький, 1976. С. 204–214.
- Селиверстова, Е. И.: *Проблема тождества пословицы и лексическая вариантность*. In: Вестник СПбГУ. Сер. 2. История, языкозн., литератур. Вып. 4, СПб., 2003, (в печати).
- Krikmann, A.: *The Great Chain Metaphor: An Open Sesame for Proverb Semantics?* In: *Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship*. Vol. 11: 1994. Vermont. С. 117–124.

Mlacek, J.: *The Equivalency of Phrasems and the Phraseological variation*. In: Studien zur Phraseologie und Parömiologie. Eurofras 95: Europäische Phraseologie im Vergleich: Gemeinsames Erbe und kulturelle Vielfalt (Wolfgang Eismann) Bochum 1998.

Shirley L. Aurora: *Proverbs and Prejudice*. In: Proverbium: Yearbook of International Proverb Scholarship. Vol. 11:1994. Vermont. C. 27-46.

Key words:

Russian proverb, Variation, Proverbial version, Semantic structure

Summary

Toward the reasons of the proverbial variation: Image and Idea

In order to study the origin of the proverb variation the author compares some versions of the proverb and some proverbs with the same model and similar semantic structure. Based on material of the two groups of the proverbs she shows that the possibility of variation is connected with the semantic features of the proverbial sentence and idea, which is the middle level between different figurative realization and semantic generalization of them and is common for all the versions.

ДИАХРОНИЯ В СОВРЕМЕННОЙ СЛОВАЦКОЙ ФРАЗЕОЛОГИИ

Яна Складана, Словацкая Республика, Братислава

Синхронная фразеология долгое время была в словацкой фразеологии основной теоретико-методологической базой фразеологических исследований. Фразеологическое сочетание рассматривалось прежде всего с точки зрения его функционирования в настоящее время. В синхронной фразеологии для фразеологических единиц (ФЕ) обычно характерны расчлененность формы и целостное фразеологическое значение, что означает, что фразеологизм представляет собой словосочетание, включающее в себя как минимум два элемента (два компонента), но может иметь и форму сложного предложения (в случае паремиологических единиц). Значения данных элементов обычно отличаются от исходных, прямых значений и вместе формируют одно особое, целостное фразеологическое значение, которое в большинстве случаев не равняется сумме прямых значений отдельных элементов. Однако теории синхронных фразеологов значительно различаются. Разница отдельных подходов к исследованию фразеологизмов проявляется прежде всего в ином понимании основных качеств фразеологизмов и в иной иерархии этих качеств либо в совершенно отличном теоретическом или методологическом изучении фразеологизмов. Фразеологические исследования направлены прежде всего на так наз. функциональную фразеологию. Обходится вниманием другой важный аспект исследования фразеологии – диахронический подход к данной проблематике. Важным переломным моментом в теории и методологии фразеологии с точки зрения ее современного состояния и с точки зрения общего развития языка стала концепция российского фразеолога В. М. Мокиенко, который разработал теорию пяти противоречий: устойчивость – неустойчивость, моделируемость – немоделируемость, имплицитность – эксплицитность, образность – безобразность, диахрония – синхрония, причем последнее противоречие является основой для понимания всех предыдущих противоречий (1980а). В словацкую фразеологию теорию В. М. Мокиенко внедрил Йозеф Млацек (1978, 1983), внося тем самым в синхронные исследования оригинальный дух.

С точки зрения органического соединения диахронических и синхронических исследований необходимо рассматривать фразеологизм как двухразмерную единицу, причем эта двухразмерность основана на диалектическом напряжении и соотношении между первоначальным конкретным содержанием и единым, целостным фразеологическим значением. Исходное конкретное содержание сохраняется во внутренней форме, в виде конкретного представления, мотивирующего переносное значение всего словосочетания. В этом уже содержится новый элемент в сравнении с синхронным подходом, а именно – исходное конкретное содержание фразеологизма.

В нашем докладе мы попытаемся описать роль имен собственных (далее ИС) во фразеологизмах с учетом коннотационной ценности данных фразеологизмов с диахронической точки зрения.

Чем отличаются фразеологизмы с ИС от апеллятивных? Слово при вхождении в состав фразеологизма изменяет свои семантические и формальные качества (Mlasek, 1981, s. 265). Это справедливо и по отношению к ИС, которые имеют и некоторые другие специфические признаки (Mokijenko, 1980; Stepanova, 1979). Особенность фразеологических сочетаний, включающих в свой состав ИС, связана со спецификой значения ИС, с переходом имен нарицательных в собственные (Blanar, 1980).

Имя собственное также можно рассматривать с двух точек зрения. С одной стороны, ИС во фразеологизме сохраняет ономастические признаки, с другой стороны, оно уже становится апеллятивом. В этом заключается специфика фразеологизированного имени собственного. Изучение таких ИС очень важен для понимания проблемы семантической или асемантической ономастики (Mokijenko, 1980, s. 57). ИС – сейчас мы не говорим об их функционировании во фразеологии – с точки зрения диахронии имеют свое специфическое содержание, которое не ограничивается только обозначением единичных предметов (людей и вещей). Кроме данной денотации сюда входит и целый ряд семантических элементов коннотационных, прежде всего определенные классификационные черты, относящие обозначаемый индивид к определенному специфическому округу. С точки зрения диахронии мы отмечаем эти классификационные черты, но с точки зрения синхронии они уже утрачены и соответствующие ИС имеют лишь различительный характер.

В связи с фразеологизмами часто подчеркивается, что исконная, незамысловатая фразеология отражает специфичность данного народа,

данного языка. То же самое можно сказать о фразеологизмах, содержащих ИС. В. М. Мокиенко (1980, 62 и сл.) разделяет эти фразеологизмы на три группы:

1. фразеологизмы с ИС, связанными с широко известными библейскими, античными (мифологическими, историческими, литературными) и более новыми литературными и историческими источниками, напр. *Tantalove muky, Achillova päta, Potemkinove dediny*;
2. фразеологизмы с ИС, которые перешли в разряд нарицательных еще перед фразеологизацией, напр. *nech som kubo, bude z toho világoš*;
3. фразеологизмы с ИС, возникшие на основе языковой шутки, каламбура. Такие «имена» намеренно соотносятся с апеллятивами, от которых они образованы, напр. *isť do Spiša, Pán z Chudobíc* (ср. также Mlacek, 1981).

С точки зрения возникновения фразеологизмов с ИС такая классификация достаточна. Однако можно было бы выделить еще некоторые группы фразеологизмов с ИС, которые не подходят ни к одной из названных трех групп (на возможность более детальной классификации указывает и В. М. Мокиенко). Речь идет, например, о фразеологизмах, в которых содержится исконное ИС с более или менее сохранившимся материальным значением. К таким единицам относятся прежде всего пословицы, поговорки и народные предсказания, напр. *Za živa v Bystrici a po smrti v nebi; Slováč ako repa; Čo Slováč, to chlap*. А. П. Затурецкий приводит пословицу *Štiavnica má múry zlaté, Kremnica strieborné a Bystrica medené*. Более сильный коннотационный заряд имеет вариант *Opitá Štiavnica, ospalá Kremnica, hrdá Bystrica*. Мотивировка этих двух пословиц заключается в том, что Штявница процветала в период добычи золота, Кремница – серебра, а Банска Быстрица – меди. Большое количество народных предсказаний содержит личное имя или название праздника, напр. *Katarína na ľade, Vianoce na blate; Martin prichádza na bielom koni; Medardova kvapka štyridsať dní kvapká; Na Tri Krále o krok ďalej*. В особую группу можно было бы выделить фразеологизмы, содержащие ИС, характерные только для одной области, напр. *Turek, turecký*. С точки зрения современного языка мы не всегда осознаем мотивировку оборота *poturčenec horší od Turka, raz za turecký (uhorský) rok* и т. д. Воспринимается главным образом их целостное значение. Однако с точки зрения диахронии эти обороты связаны с периодом турецкого владычества, продолжавшегося у нас полтора

века. Происхождение выражения *poturčenec horší od Turka* со значением «перерожденец хуже настоящего врага» заключается в том, что во время турецких войн турки брали в плен не только взрослых, но и детей, из которых после строгой военной подготовки составляли специальные отряды так наз. янычаров, которые уже не знали своего происхождения и, приученные к жестокости, славились своей жестокостью на добываемой территории, которая, собственно говоря, была их родиной.оборот *raz za turecký* (сейчас чаще *uhorský*) *rok* со значением «редко» также связан с турецким владычеством. В период турецких войн солдат нанимали на службу в Венгрии на определенное время, которое в зависимости от нужды с каждым годом продлевалось. Эти фразеологизмы отличаются отрицательной коннотацией.

Богатым источником ИС являются фразеологические интернационализмы, первая группа ФЕ по классификации Мокиенко. В области европейского региона ФЕ данной группы образуют так наз. основной европейский фразеологический фонд. Большую часть его несомненно составляют фразеологизмы, восходящие к Библии, напр. *hotový, úplný Babylon, umývat si ruku (ako Pilát)* – сегодня чаще без последних, факультативных компонентов, *Sodoma a Gomora, judášsky groš, byť starý ako Matuzalem, múdry ako Šalamún*.

Вторую по величине группу составляют фразеологизмы из области античности, напр. *lukulské hody; Damoklov meč, Prokrustova postel'* – словацкий аналог *Matajova postel'*, чешский аналог – *Záhořovo lože* и т. п. Следующие группы восходят к древней истории (*bartolomejská noc; Kolumbovo vajce; íst' do Canossy, hurónsky rev*) и к мировой литературе (*hamletovská otázka, blúdiaci Holand'an, posledný Mohykán*).

Можно констатировать, что коннотационные признаки представлены в разных ФЕ с именами собственными по-разному. Наименьшей экспрессивностью отличаются ФЕ первой группы, т. е. интернационализмы. Высока экспрессивность третьей группы ФЕ (*íst' do Spiša*). При всей их национальной специфичности можно найти общие тенденции их образования, а также аналогичные структуро-семантические модели. Этот тип менее зависит от внеязыковых факторов, чем ФЕ других групп. Их высокая экспрессивность обусловлена высокой степенью связи между их актуальным и этимологическим значениями. Коннотационная величина у ФЕ других групп различна и зависит от того, являются ли ономастические компоненты скорее асемантическими или мы больше осознаем их

семантику. Чем больше мы осознаем значение ИС в фразеологизме, тем выше его экспрессивность (Skladaná, 1994, s. 63 n.).

Использованная литература

- Blanár, V.: *Apelatívna a propriálna sémantika*. In: *Jazykovedný časopis*, 31, 1980, s. 3–12.
- Mlacek, J.: *Hľadanie dialektických zákonitostí vo frazeológii (Charakteristika frazeologickej koncepcie V. M. Mokijenka)*. In: *Jazykovedný časopis*, 29, 1978, s. 165–173.
- Mlacek, J.; Mokijenko, V. M.: *Slavianskaja frazeologija*. Moskva: Vysšaja škola 1980. In: *Slavica Slovaca*, 18, 1983, s. 72–75. (rec.)
- Mlacek, J.: *Ustálené spojenia s vlastným menom*. In: *Kultúra slova*, 15, 1981, s. 264–270.
- Мокиенко, В. М.: *О собственном имени в составе фразеологии*. In: *Перспективы развития славянской ономастики*. М., 1980, s. 57–67.
- Мокиенко, В. М.: *Славянска фразеология*. М., 1980 (1980a).
- Skladaná, J.: *Internationalismen in der Phraseologie*. In: *Frazeológia vo vzdelávaní, vede a kultúre*. Nitra, 1993, s. 345–355.
- Skladaná, J.: *Konotačný príznak vo frazémach s vlastnými menami z diachrónneho hľadiska*. In: *Jazyková a mimojazyková stránka vlastných mien*. Bratislava – Nitra., 1994, s. 61–64.
- Степанова, Л. И.: *Проблемы изучения словацкой фразеологии*. In: *Вестник Ленинградского университета*, 8, 1979, с. 114–116.

Key words:

historical reserches in the phraseology, proper names and appellatives, proper names from Bible, Greece myths, proverbs

Summary

The paper deals with the proper names in the idioms and proverbs. The connotations of the proper names in the different types of idioms are different. The article analyses the biblical and mythological etc. proper names in the idioms and the function of the proper names in the proverbs. The proper names in the language jokes are the most expressive, because the speaker recognises the connections between the proper name and the appellative.

**РУССКИЕ КОЛЛОКАЦИИ 2-Й ПОЛ. XIX ВЕКА
(НА МАТЕРИАЛЕ «КУРСА РУССКОЙ ИСТОРИИ»
В. О. КЛЮЧЕВСКОГО)**

Олег Федосов, Венгрия, Будапешт

Термином **коллокации** мы будем называть различные устойчивые словосочетания русского языка, которые, в частности, во фразеологической теории В. В. Виноградова носят название **фразеологических сочетаний**. Теоретическая база исследования коллокаций изложена нами в докладе (Федосов 2003) для XIII Международного съезда славистов, в котором демонстрировались результаты исследования чешских глагольных коллокаций с существительными – названиями эмоций на примере устойчивых сочетаний глаголов со словом *radost* (*mít, dělat, přinášet ... kazit radost*). В настоящем докладе мы продолжим обсуждение факторов устойчивой, прежде всего глагольно-именной сочетаемости на примере русских коллокаций 2-й половины 19-го века.

Наш исследовательский интерес сводится к старому вопросу о причинах узуализации, иначе говоря, сводится к дилемме: является ли устойчивая сочетаемость слов всегда мотивированной (историческими, семантическими и др. причинами), или же это в принципе не поддающийся лингвистическому объяснению, не прогнозируемый «каприз узуса»? Оба мнения, как известно, имеют своих сторонников, а также богатую литературу. Но однозначного ответа на данный вопрос пока нет.

Выбор источника материала – всего лишь одного тома из монументального 9-томного «Курса русской истории» В. О. Ключевского (Ключевский 1989) – обусловлен следующими причинами: это, во-первых, высокая концентрация коллокаций разного типа, в том числе глагольно-именных устойчивых сочетаний, в тексте не художественного, а научно-публицистического плана. Во-вторых, подавляющее большинство коллокаций в тексте Ключевского полностью соответствует нормам современного русского словоупотребления, но при этом в тексте мы можем обнаружить немало и таких коллокаций, которые, при их полной

узнаваемости и понятности для современного читателя, сегодня уже не узуальны.

Примером первого могут явиться коллокации, взятые с одной, произвольно выбранной страницы текста (стр. 177):

реформа...носила...характер, новое здание управления строилось... в основе (чего) лежит, принимал деятельное участие, зорко следил за, работы вводили его в круг понятий и вопросов, стал...сознавать свои промахи, уважать чужое мнение, (что-то) произвело поворот в его сознании, стал глубже вникать, понимал необходимость, выражал уверенность и др.

Мы намеренно не будем здесь обсуждать характер, тем более «фразеологический» статус, приведенных примеров, отметим только, что – от устойчивых метафор и «фразеологических сочетаний» (по В. В. Виноградову) до клише – таких коллокаций во всем тексте Ключевского очень много.

С другой стороны, мы встретим такие примеры:

(Петр Первый) тратил много хлопот и денег, чтобы... (39 – сегодняшний узус: тратил много усилий); выбор учителя решен был человеком... (6 – сегодня: выбор был сделан); Зотов введен был в должность (7 – сегодня скорее: был назначен на должность); все пройденное...взято было назубок (8 – сегодня только: учить назубок) и др.

Конечно же, нет ничего удивительного в том, что в языке русского историка более столетия назад появляются такие словосочетания, которые – повторим: при всей их понятности современному носителю русского языка – сегодня употребляются по-другому, т. е. за прошедшее время эти словосочетания (коллокации) изменили в чем-то свой состав, порядок слов, иногда грамматические формы, сохранив, однако, значение. В языке русских писателей-классиков 19-го века мы также встретим массу подобных отклонений от норм современной комбинаторики. Один пример за все: если в романе Л. Н. Толстого «Воскресенье» товарищ прокурора говорит на суде о Масловой, что «Женщина эта ... получила образование...Она не только *знает читать и писать, она знает по-французски...*» (Толстой 1959: 81), то все мы знаем, что речь идет об изменившемся узусе. Сегодня мы не можем сказать иначе, как *она умеет читать и писать* и *она знает французский*. Интересно, однако, что Толстой писал

свой роман в период между 1889 и 1899 гг., т. е. по прошествии многих десятилетий со времен творчества А. С. Пушкина – эпохи становления норм современного литературного русского языка.

Упоминание о Пушкине не случайно: не так давно из-под пера Д. О. Добровольского вышло несколько исследований (Добровольский 1999, 2000, 2001), посвященных именно динамике узуальных норм в свете различий сочетаемости слов в языке Пушкина и в современном словоупотреблении. Вывод автора таков: в отличие от почти не изменившихся норм грамматики русского языка, лексические и прагматические особенности речи за последние 160–170 лет сильно изменились, причем изменения эти касаются главным образом правил сочетаемости, глагольного управления, предпочтительности тех или иных конструкций (Добровольский 2001: 161–162). Приведем всего один пример из работ Добровольского: пушкинская коллокация *полагать надежду на что-л.* сегодня употребляема лишь в форме *возлагать надежды на кого-, что-л.* От этой коллокации можно перебросить мостик к языку Ключевского: ее употребление у автора соответствует уже современной норме, но, однако, в примере *Петр возлагал на учебные посылки за границу широкие надежды...* (218), где и глагол *возлагал* вместо пушкинского *полагал*, и существительное во мн. ч. не вызовут наших подозрений, нестандартность этой коллокации проявилась в употреблении атрибута *широкие* вместо обычного сейчас *большие*.

Вернувшись к языку Ключевского, надо отметить несколько фактов: курс лекций читался историком в высших учебных заведениях Москвы (в частности, на Высших женских курсах на Пироговке) в 80-х и в 90-х гг. 19-го века, а письменный вариант, ставший основой многотомного издания, создавался в течение многих десятилетий, в частности, проанализированный нами 4-й том «Курса» (посвященный эпохе Петра Великого) был написан автором на основе лекций 1907–1909 гг., т. е. уже в начале 20-го века. Книжный текст «Курса» носит на себе отпечатки живого языка лекций, со следами непосредственного обращения к слушателям, т. е. это язык, близкий к нормам разговорного литературного языка 2-й пол. 19-го века. В тексте лекций язык эпохи Петра, язык начала 18-го века выделен историком как в форме цитат, так и в метатексте. Например, цитируя современника Петра, автор пишет: *Другой близкий к Петру человек...в записках своих скорбит о том, «что соделывалось против сего монарха, что претерпевал, что сносил он и какими уязвляем был горестями».* (201) Поэтому коллокацию *уязвлять горестями* мы, естественно, не

будем относить к рассматриваемым нами особенностям языка Ключевского. Язык историка ярок, метафоричен, идиоматичен: «*Политическая драма князя Голицина, плохо срететированная и еще хуже сыгранная, быстро дошла до эпилога.*» (264) Специфические термины, названия, выражения эпохи историк терпеливо объясняет своим слушателям, например: «*Замечу мимоходом, что подлые люди значили тогда просто низшие классы, лежащие под верхними, не имея неприятного нравственного значения, приданного этому выражению позднее.*» (171) Поэтому современный читатель «Курса» нисколько не удивится, встретив вместо привычного нам слова *деятель* термин эпохи Петра *делец*, слово, которое сегодня носит явный отрицательный оттенок. В другом месте термин эпохи автор просто переводит на современный ему русский язык: *Явился целый ряд доносителей, как их тогда называли, или публицистов, как называли бы их мы ...* (118).

На В. О. Ключевского и его филологическую точность ссылается и В. В. Виноградов, замечая, что статья Ключевского об историческом значении слова *кормление* носила «более филологический характер», чем исследования его коллеги-историка Д. И. Иловайского (Виноградов 1999: 34). Естественно, мы не можем исключить и случаев, которые трудно оценить однозначно с точки зрения языковой компетенции автора. Так, встречаясь в тексте с метафорой типа *Реформа ... взбалмугтила всю застоявшуюся плесень русской жизни ...* (202), мы не можем сказать, является ли она просто неудачной метафорой, или же речь идет о нормальной для времени написания текста, но необычной для нас сочетаемости слов.

Рассмотрим теперь случаи специфического словоупотребления, нестандартной с точки зрения современной нормы сочетаемости в языке самого Ключевского. Данные примеры мы можем разбить на несколько групп, подлежащих анализу на не-узуальность или не-стандартность по разным причинам.

К первой группе отнесем не словосочетания, т. е. не «классические» коллокации, а отдельные слова, непривычные нашему уху продукты словообразования, необычные атрибуты, отдельные выражения. Естественно, может возникнуть вопрос, что – помимо языковой компетенции автора доклада как носителя языка – воспринимается нами как современный стандарт. Им мы будем считать данные таких общеизвестных словарных источников, как словарь С. И. Ожегова, Учебный словарь сочетаемости и сборник устойчивых глагольно-именных словосочетаний В. М. Дерibasа (Ожегов 1975; УСССРЯ 1978; Дерibas 1975). У существительных встретим следующие случаи:

- среди колебаний...среди частичных и возвратных ... **приступов** то к той, то к другой отрасли управления (174) – сегодня мы сказали бы *подходов* к чему-л., хотя сам глагол *приступить к какому-л. делу* узуален;
- Преобразовательная **увлекаемость** и самоуверенное всевластие – это были две руки Петра... (201) – из узуальных сегодня слов увлечение, увлекательность, увлеченность скорее последнее ближе всего стоит к словоупотреблению Ключевского по смыслу, в сочетании же с атрибутом все выражение нестандартно.
- Петр хотел сделать дворянство **рассадником** европейской...техники (219)

Эти полки служили ... школой ... и **рассадниками** офицерства... (74) – хотя в (Ожегов 1975: 610) мы и обнаружим фразу *Университет – рассадник просвещения*, но наша языковая компетенция склоняет нас скорее к негативному переносному значению этого существительного, как в комбинации *Рассадник заразы*.

Среди атрибутов, главным образом прилагательных, обнаружим такие примеры:

- Восточный вопрос со **взбудораженными** ожиданиями балканских христиан... (48)
- Сенату оставлена была довольно **страдательная** роль (164)
- Этот указ задал **суетливую** работу губернским ... управлениям... (87)
- ...поднял **неугомонную** войну за государев интерес... (140)
- ...рискуя разбиться о **неодолимые** препятствия... (204)

Список подобных примеров можно было бы еще продолжить, но ограничимся лишь коротким комментарием к употреблению таких атрибутов: нестандартность некоторых из них можно отнести на счет особенностей стилистики Ключевского, но даже в этом случае сам факт их «смелого» употребления свидетельствует о том, что во времена Ключевского такие атрибуты не перечили языковому вкусу читателя или слушателя. Подобно атрибутам ведут себя и многие адвербиальные спутники глаголов, например:

- Посошков, например, **отважно** уверен, что... (107)
- Но и в этом законе ... преобразователь **мало** соображал нравы, бытовые понятия и привычки. (82)

Ко второй группе случаев мы относим примеры нестандартного, главным образом глагольного употребления и управления:

- ...Петру пришлось подумать **о постановке** созданной им регулярной армии **на мирную ногу...** (86)
- дело сенаторов ...непрестанно **трудиться о распорядке** государства (160)
- **Принятая в руководство ... смета...** (125)

В третьей группе примеров мы рассмотрим собственно коллокации, сделав при этом несколько предварительных замечаний. Под коллокациями мы понимаем не только «классические фразеологические сочетания» в духе теории В. В. Виноградова, т. е. не только кочующие из работы в работу примеры типа *зло берет и испуг охватил, одержать победу и оказать влияние*, а все те устойчивые словосочетания в широкой шкале лексической комбинаторики, без изучения которых мы не можем претендовать на знание о динамике современных языковых процессов. Проблемы определения степени устойчивости или идиоматичности, т. е. то, что более или менее помещается в рамки понятий «широкого» и «узкого» понимания фразеологии, мы оставим здесь без обсуждения, а обратимся к языковому материалу.

Ограничим его только примерами глагольно-именных коллокаций для «рельефности» картины. Начнем банальным примером: в справочнике (Дерибас 1975: 176) приводится 25 коллокаций со словом *вопрос*, но среди них нет следующих случаев:

- *Но здесь поперек всем замыслам Петра **ложился вопрос** о подвозных путях.* (112)
- ***Отлагая вопрос** о финансовом значении подушной подати...* (90)
- ***возбудили вопрос** о необходимости...* (114)

Сегодня мы можем только *ставить в.*, он *ставится/вставал*, но никак не *ложился*, и *возбудить* мы можем только *дело, зависть, интерес* и т. д., но не *вопрос*. Из этого следует, что за прошедшие 100 лет слово *вопрос* потеряло в русском языке способность устойчиво сочетаться с рядом глаголов, иначе говоря, произошла замена одного глагольного компонента другим при сохранении общего значения коллокации.

Рассмотрим следующие примеры:

- ... но **потерпело** ли крепостное право какое-либо изменение в своем юридическом составе? (92) – претерпело
- Коренной переворот **потерпело** при Петре прямое обложение. (124) – произошел ... в ...
- Он не мог пройти мимо полезной работы ... чтобы не остановиться, не **войти** в подробности. (99) – вникнуть

Рядом с примерами мы приводим замену неузального глагольного компонента современным. Рассмотрим подробнее пример (42): *терпеть/потерпеть* в современном русском мы можем в основном неприятные вещи типа: *аварию, банкротство, крах, крушение, поражение, убытки, урон* и др. (Дерибас 1975: 154–155). Изменение же может, но не должно быть негативным явлением, и очевидно поэтому это слово выходит из-под влияния глагола *терпеть/потерпеть* и находит себе иного глагольного партнера, с более специфической семантикой – *претерпеть* – задаваемой семантикой приставки *пре-* (Дерибас 1975: 112). Ситуация внешне похожа на описанную в (Успенский 1994: 187): «Соотнесенность славянизмов с абстрактной семантической сферой отражается и на сочетаемости русских слов. Так, например, по-русски говорят *прервать разговор*, но *перервать нитку*: неполногласная форма (*прервать*) закономерно появляется в сочетании со словом, обозначающим нематериальное понятие (*разговор*), и, напротив, полногласная форма (*перервать*) появляется в сочетании со словом, обозначающим материальное понятие (*нитка*). Это происходит автоматически: и в этом случае церковнославянская и русская форма предстают, в сущности, как варианты одного слова.»

Другое объяснение случаям замены глагольного компонента дает в выше приведенных работах Д. О. Добровольский: это его гипотеза о замене «простого глагола на более сложный», как в коллокациях *брать участие* и заменившей ее *принимать участие*. Автор пишет: калька с французской коллокации переводилась сначала с помощью глагола *брать*, но на этапе адаптации русским языком произошла замена на *принимать*. «Причины этого видятся в существовании общей для русской лексической системы тенденции, согласно которой при наличии альтернатив в рамках определенного семантического инварианта предпочтение отдается глаголу, в котором менее акцентуирован признак физического действия» (Добровольский 2000: 8).

Гипотезу Д. Добровольского мы можем проиллюстрировать на коллокациях из текста Ключевского с глаголом *дать*:

- ...*Петр хотел дать промышленности устройство, которое...* (105)
- *Крестьянская крепость дала практике перевес над правом...* (78)
- *Эти ... цифры ... дают, однако, несколько выразительных итогов финансовой реформы...* (130)

Ограниченный местом разбор коллокаций 19-го века подводит нас к заключению, что изучение диахронных аспектов сочетаемости слов должно быть неотъемлемой частью не только лексикологических, но и фразеологических исследований. «Слово – *ахинея* в русском литературном языке, - писал В. В. Виноградов – значит: вздор, чепуха, чушь, нелепость, бессмыслица, глупости (ср. сл. Даля 1903, 1, с. 78). Часто употребляется в застывших 'фразах': *нести ахинею, городить ахинею, пороть ахинею, молоть ахинею, плести ахинею*» (Виноградов 1999: 41). Эти словосочетания сам Виноградов относит к фразеологии языка, когда говорит о том, что судьба «диалектизмов» *хиня* и *ахинея* различна: если первое в литературном языке осталось сигналом жаргона из «низких» социальных сфер, то второе поднялось в верхи литературного языка (там же: 46). Сравнив же данные фраземы с точки зрения частотности их употребления в современном русском, мы сделаем вывод, что самым устойчивым, и следовательно, идиоматичным осталось выражение *нести ахинею*.

Все это – яркое свидетельство изменений в нормах сочетаемости фразем, коллокаций в широком смысле, что делает проблематику лексической комбинаторики актуальной и важной областью изучения.

Использованная литература

- Виноградов, В. В.: *История слов*. М. 1999.
- Дерibas, В. М.: *Устойчивые глагольно-именные словосочетания русского языка*. М., 1975.
- Добровольский, Д. О.: *О языке художественной прозы Пушкина: аспекты лексической сочетаемости*. In: Материалы международной пушкинской конференции, Трир, окт. 1999 г. (в печати)
- Добровольский, Д. О.: *Лексическая сочетаемость в диахронии (к динамике узусных норм)*. In: Русский язык сегодня 2: Доклады IV Шмелевских чтений (23–25 февр. 2000 г.)

- Добровольский, Д. О.: *К динамике узуса (язык Пушкина и современное словоупотребление)*.
In: Русский язык в научном освещении, 2001/1, стр. 161–178
- Ключевский, В. О.: *Курс русской истории*. Сочинения в девяти томах. Часть IV. М., 1989
- Ожегов, С. И.: *Словарь русского языка*. М., 1975.
- Толстой, Л. Н.: *Воскресение*. In: Собрание сочинений в двенадцати томах. Том 11. М., 1959.
- Успенский, Б. А.: *Краткий очерк истории русского литературного языка (XI–XIX вв.)*. М., 1994.
- Учебный словарь сочетаемости слов русского языка* / под ред. П. Н. Денисова. М., 1975
- Федосов, О. И.: *Динамика лексической и фразеологической сочетаемости в чешском языке*.
In: *Studia Slavica Hung.* 48, 2003.

Key words:

text of the end of 19 century, Kluchevsky, the combinations of the words, the changes in the using of the phrases, the structure of the idioms, the studying of the diachronic aspects of the phraseology

Summary

The paper deals with the idioms in the texts of Kluchevsky (the end of 19 century). The author demonstrates the different using of some words and some phrases and also the changes in the structure of the phrases. The studying of the diachronic aspects of the combinations of the words must become the important part of the phraseological researches.

ХОРВАТСКИЕ ФРАЗЕОЛОГИЗМЫ *DOBITI/DOBIVATI KOŠARICU И DATI/DAVATI KOŠARICU*

Желька Финк, Хорватия, Загреб

1 Два хорватских глагольных фразеологизма *dati/davati košaricu (košaru) komu* и *dobiti/dobivati košaricu (košaru) <od koga>* являются калькой из немецкого языка от фразеологизмов *j-m einen Korb geben* и *einen Korb <von j-m> bekommen*.

2 В Латинско-илирском словаре Ивана Белостенца¹, опубликованном в Загребе в 1740 году впервые упоминается один из приведенных хорватских фразеологизмов, причем он тогда включал в свой состав еще одно существительное в предложно-падежной форме: *košaricu od divojke dobiti* (в Словаре регистрируется только совершенный вид глагола). Но, кроме него, И. Белостенец фиксирует и фразеологизм *z košarice opasti*, который не употребляется в современном хорватском литературном языке. Эти единицы считались синонимами и употреблялись в ситуации, когда девушка отказывается выйти замуж за сватающегося.

Что лежит в основе данных фразеологизмов? По С. Тропшу, в средневековой Германии девушка спускала в окно большую корзину парню, который стоял под окном, и в этой корзине поднимала его к себе. Но, если девушка не соглашалась выйти за него замуж, она в окно спускала корзину с неподходящим дном, с таким, которое не могло его удержать, и он выпадал из корзины. Позднее девушки спускали корзины без дна и таким образом выражали свой отказ. По другим источникам, такая же ситуация повторялась и в случаях, когда жена временно оставалась без мужа.

В пятом томе *Словаря хорватского или сербского языка* (под редакцией Перо Будмани²), опубликованном в Загребе в конце XIX и в начале XX вв.

¹ Ivan Belostenec, *Gazophylacium seu latino-illyricorum onomatium aerarium (Латинско-илирская сокровищница слов)*. Илирский язык здесь считается синонимом хорватского языка.

² Хорватский лингвист (1835–1914).

(1898–1903 гг.), включены те же фразеологизмы в немножко измененной форме (*pasti s košarice, dobiti košaricu*), причем приводится, кроме уже упомянутого значения, и следующее примечание: *в последнее время в Хорватии очень часто употребляются и в более широком смысле*. Значит, уже в конце XIX века в хорватском языке появляется новое, более широкое значение фразеологизмов, относящееся к отказу вообще.

Большинство общих и фразеологических толковых словарей хорватского языка, которые печатались в течение XX и в начале XXI века, включает фразеологизм *dobiti/dobivati košaricu <od koga>* (фразеологизм *pasti s košarice* больше не упоминается), но появляется и новый фразеологизм одинаковой структуры, в составе которого употребляются глаголы другого направления: *dati/davati košaricu komu*. Если в первом и более старом фразеологизме субъектом действия считается мужчина, получающий корзину, то во втором изменилось отношение субъекта и объекта действия. Здесь субъектом действия считается девушка, дающая корзину. Помимо того, в новейших словарях появился и словообразовательный вариант существительному *košarica*, вариант без уменьшительного суффикса *-ic(a)*: *košara (dati/davati košaru komu, dobiti/dobivati košaru <od koga>)*, причем предпочтение обычно отдается уменьшительному варианту.

3 Какое фразеологическое значение имеют анализируемые фразеологизмы? Носители языка и словари данные фразеологизмы в основном связывают со следующими ситуациями.

3.1 Во-первых, это контекст отказа сватающемуся или жениху (речь идет не только о браке, отказ может относиться и к любому другому любовному контексту):

- контекст брака: *Jedna mu je bez pardona davala košaricu, izvješćujući ga da je našla bolju priliku, druga mu je s nešto više takta iznosila svoju bojazan da bi njihova veza mogla biti promašena, ako bi stupili u brak...* (Ivo Brešan³)
- контекст внебрачных любовных отношений: *Djevojka mi se jako svadjela, prišao sam joj, ali sam dobio košaricu.*

Хотя в большинстве случаев отказывает женщина, а мужчина получает отказ, возможен и контекст, в котором роли меняются:

³ Современный хорватский писатель (род. в 1936 г.).

Iako se nakon trogodišnje veze očekivala najava braka, 37-godišnji glumac je Juliji dao košaricu. (Večernji list⁴, 2001 г.)

*Zbog Clooneya je Julija Roberts **dobila košaricu.*** (Večernji list, 2001 г.)

3.2 Во-вторых, фразеологизмы относятся к контексту отказа танцевать с мужчиной или женщиной:

*Ivana Brkljačić je za ples zamolila Miroslava Ćiru Blaževića koji joj, unatoč ozljedi palca, **nije dao košaricu.*** (Google)

3.3 Кроме приведенных ситуаций, фразеологизмы употребляются и гораздо шире и, можно сказать, встречаются в любом контексте, в котором говорится об отказе:

– контекст пищи:

*Imam odličan domaći sladoled i nikako ne bih preživjela da mi **date košaricu** tvrdeći kako vam se baš sada ništa ne jede.* (Marijan Matković⁵)

*Nije ugodno ni kad okreneš broj «pizze preko žice» pa - umjesto «capricciose», «napolitane» ili kakve druge poslastice - **dobiješ košaricu.*** (Google)

– контекст политики:

*Kako to da je glasnogovornik stranke istovremeno i urednik na javnoj televiziji? A sada taj isti čovjek **daje košaricu** stranačkom šefu?* (Google)

В последнее время оба фразеологизма иногда употребляются и в форме эллипсиса, причем компонент *košarica* берет на себя значение целого фразеологизма. Надо подчеркнуть, что лексема *košarica* не имеет значения «отказ». Можно предположить, что в современном хорватском языке развивается новое значение слова *košarica* на базе двух фразеологизмов:

*Nakon što joj je posvećenost karijeri uništila privatni život (navodno je Justinov glavni razlog za **košaricu** bio taj što se uopće ne vidaju zbog njena posla.* (Google)

3.4 Надо еще добавить, что фразеологизмы *dati/davati košaricu (košaru)* кому, *dobiti/dobivati košaricu (košaru)* <od koga>, в наши дни не очень часто употребляются в разговорной речи, а если включаются, то они, кроме уже присущего оттенка архаичности, в зависимости от контекста приобре-

⁴ Хорватская ежедневная газета.

⁵ Хорватский писатель (1915–1985).

тают, с одной стороны, оттенок иронии или пренебрежения, а с другой, шуточный оттенок.

4 Анализируемые фразеологизмы одинаковой структуры и лексического состава существуют и в некоторых других славянских языках. Они тоже являются калькой из немецкого языка. Их фразеологическое значение соответствует хорватскому. Привожу примеры из двух южнославянских языков: словенский язык – *dati košarico komu, dobiti košarico*, сербский язык – *dati/davati korpu*⁶ (*košar, košaru, košaricu*) *komu, dobiti/dobivati korpu (košar, košaru, košaricu) <od koga>*; из трех западнославянских языков: словацкий язык – *dat' kôš (košík, košom), dostat' kôš (košík, košom)*, чешский язык – *dát košem (košičkem) někomu, dostat koš (košiček, košem, košičkem)*, польский язык – *dać kosza, dostać kosza*. Хотя все приведенные фразеологизмы имеют одинаковую структуру (глагол + существительное), падеж существительного отличается в разных языках. В южнославянских языках употребляется только винительный падеж, в то время как в западнославянских языках возможны другие падежи: в чешском языке в одном из фразеологизмов существительное имеет только форму творительного падежа, а в другом фразеологизме чешского языка и в обоих словацких варьируются винительный и творительный падежи. Одновременно в польском языке употребляется родительный падеж. Как было уже указано, в хорватском языке присущи и словообразовательные варианты (*košarica – košara*). Они зафиксированы и в словацком, чешском и сербском языках, только уменьшительный компонент появляется в составе словенского фразеологизма, а в польском употребляется только существительное без уменьшительного суффикса.

5 В украинском языке существуют фразеологизмы одинаковой структуры, но с частично другим лексическим составом. Вместо компонентов *košarica, košara* в составе фразеологизма находится существительное *гарбуз* в родительном падеже. Кроме соответствующих глаголов *дати/давати* и *дістати* употребляется и ряд других: *дати/давати (підносити, піднести, підсунути* и т. д.) *гарбуза* и *дістати (покуштувати, взяти, з'їсти) гарбуза*.

⁶ Слово *korpa* заимствовано из немецкого языка (*der Korb*), значит, фразеологизм можно считать полукалькой.

Значение данных фразеологизмов уже, чем в других упомянутых славянских языках, и в основном относится к отказу при сватовстве.

В некоторых русских областях употребляются фразеологизмы *дать (поднести) арбуз* и *получить арбуз*. Значение русских оборотов такое же, как и в украинском языке, т. е. в основном относится к отказу от брака.

Использованная литература

- Anić, V.: *Rječnik hrvatskoga jezika*. Zagreb. 1998.
- Basaj, M., Rytel, D.: *Słownik frazeologiczny czesko-polski*. Katowice. 1981.
- Belostenec, I.: *Gazophylacium seu latino-illyricorum onomatatum aerarium*. Zagreb. 1740.
- Бирих, А. К., Мокиенко, В. М., Степанова Л. И.: *Словарь русской фразеологии, историко-этимологический справочник*. Санкт-Петербург. 1998.
- Jurančić, J.: *Slovensko-hrvatski ili srpski rječnik*. Ljubljana, Zagreb. 1989.
- Kopaliński, W.: *Słownik mitów i tradycji kultury*. Warszawa. 1985.
- Matešić, J.: *Frazeološki rječnik hrvatskoga ili srpskog jezika*. Zagreb. 1982.
- Олійник, І. С., Сидоренко, М. М.: *Українсько-російський і російсько-український фразеологічний словник*. Київ. 1978.
- Praktyczny słownik frazeologiczny* (pod red. I. Puchalskiej). Kraków. 2002.
- Rečnik srpskohrvatskog književnog i narodnog jezika*. knjiga X. Beograd. 1978.
- Rječnik hrvatskoga ili srpskoga jezika (JAZU)*, ur. P. Budmani), dio V. Zagreb. 1898–1903.
- Rječnik hrvatskoga jezika* (ur. J. Šonje). Zagreb. 2000.
- Slovník spisovného jazyka českého* (Československá akademie věd). Praha. 1960–1971.
- Smiešková, E.: *Malý frazeologický slovník*. Bratislava. 1989.
- Українсько-російський словник* (ред. І. М. Кириченко) том I. Київ. 1953.

Key words:

croatian language, croatian phraseology, idiom *dati/davati košaricu (košaru) komu*, idiom *dobiti/dobivati košaricu (košaru) <od koga>*

Summary

The paper deals with the origin, phraseological meaning as well as the form of Croatian idioms *dati/davati košaricu (košaru) komu* and *dobiti/dobivati košaricu (košaru) <od koga>*. They are being compared to the structure of similar idioms in some other Slavic languages.

ФРАЗЕОЛОГИЧЕСКИЕ ОБОРОТЫ РУССКОГО ЯЗЫКА С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ИХ ПРОИСХОЖДЕНИЯ

Ленка Чокинова, Словакия, Трнава

Словарный состав русского литературного языка прошёл сложный и долгий путь исторического развития и является продуктом целого ряда эпох, на протяжении которых он оформлялся, обогащался, развивался. В языке появляются новые слова, для выражения новых явлений и уходят из употребления слова, ставшие ненужными.

Вопрос о начальном периоде существования русского литературного языка, его происхождении издавна занимал учёных, потому что *«русский литературный язык представляет явление глубокого культурно-исторического интереса»* (Шахматов, А. А., Очерк современного русского литературного языка, Москва 1941, стр. 60).

С исторической точки зрения выделяются в современном русском литературном языке два основных пласта фразеологических единиц: исконно русские и заимствованные. Самой богатой и разнообразной в языке русского народа является исконно русская фразеология.

М. А. Брицын в книге «Русский язык» (1986, стр. 148) в части «Фразеология» разделяет фразеологические обороты исконно русского характера по сфере первоначального употребления на следующие группы:

1. выражения из разговорнобытовой русской речи, пословицы и поговорки русского народа, напр. *кот заплакал, в сорочке родился, кровь стынет в жилах, кончил дело гуляй смело* и др.
2. выражения из профессиональных диалектов и аргю: *играть роль, играть первую скрипку, раскрыть карты* и др.
3. фразеологические обороты, вошедшие в литературный язык из научных терминологий: *отрицательная величина, центр тяжести* и др.
4. крылатые выражения выдающихся русских политических деятелей и писателей: *Мёртвые души Гоголя, Человек в футляре Чехова* и др.

В русском литературном языке выделяется определенное количество слов, заимствованных из других языков. К ним относятся, например,

заимствования из латинского, немецкого, французского, английского и других языков. Имеются также кальки и полукальки иноязычных фразеологизмов.

В составе фразеологии современного русского языка находится большой пласт фразеологизмов из старославянского языка. Их количество в русском языке трудно точно определить. Старославянский язык, язык древнейших славянских переводов греческих богослужебных книг начинается уже с X в. использоваться славянами не только как язык церкви, но и как язык науки и литературы. Старославянский язык сам подвергнулся воздействию живой русской речи и, значительно обрусевший, принял форму церковнославянского языка.

Если взять в руки памятники старославянской письменности, напр. Ассеманиево евангелие, Зографское евангелие, Мариинское евангелие, Саввину книгу или другие памятники, то можем встретиться напр. с такими фразеологическими оборотами:

1. *святая святых* - с<вя>таа с<вя>тыхъ попьрана соутъ (Клоц 7 а 22; Супр. 418, 14) - что обозначало самую священную часть иерусалимского храма, в котором хранились заповеди Моисея. В современном русском языке *святая святых* обозначает тоже нечто самое дорогое, сокровенное.
2. *умыть руки* - приимъ водоу оумы роуце предъ народомъ (Мт 27,24 Зогр. Мар. Ас. Сав.) - обряд как свидетельство невиновности своей или другого. В современном языке *умыть руки* значит снять с себя ответственность за что-нибудь.
3. *не от мира сего* - азъ несмъ отъ сего мира (И 8,23 Мар. Ас.) - о человеке, не думающем о практической стороне жизни, не приспособленном к жизни.
4. *денно и ношъчно* - выноу днь и ноштъ в гробехъ · i въ горахъ бе (Мк 5,5 Зогр., Мар.) - значит днём и ночью, всё время.
5. *во время оно* - въ оно в<ремя> · чл<ове>къ юноша единъ приде къ Ис<оусо>ви (Мт 19,16 Сав;) - время, период.
6. *заблудшая овца* - заблудихъ яко овья погыбъшее (Пс. 118,176 Син) - о сбившемся с правильного пути человеке.

Анализ распределения слов по отдельным рукописям показывает, что русский язык в настоящее время содержит определённое коли-

чество старославянских по происхождению слов и фразеологических выражений.

В сферу фразеологии вошли некоторые библейские речения цитатного характера, церковнославянизмы и библеизмы, напр. *глас вопиющего в пустыне, посыпать пеплом главу, вавилонское столпотворение, Ноев ковчег, камень преткновеня, кесарево кесарю, не мудрствуя лукаво, не добро человеку быть единому, беречь как зеницу ока, не хлебом единым, золотой телец, злоба дня* и друг.

Надо сказать, что библейское происхождение ряда фразеологизмов не означает того, что фразеологическое словосочетание было непосредственно заимствовано из перевода Библии на старославянский или церковнославянский язык. Как отмечает Н. М. Шанский в книге «Лексикология современного русского языка» (1964, стр. 235–236), «фразеологизма *'волк в овечьей шкуре'*, как такового, не было. Он появился в русском языке на базе евангельского отрывка: *'Берегитесь лжепророков, которые приходят к вам в овечьей одежде, а внутри суть волки хищные'*. Образ, положенный в основу фразеологического оборота *'волк в овечьей шкуре'* заимствован; сам же фразеологический оборот в характерной для него форме и лексикограмматическом составе является исконно русским».

Большинство фразеологизмов старославянского происхождения, попав на русскую почву, утратило свою книжную стилистическую окраску, напр. *кость от кости, соль земли, в плоть и кровь, портить всю обедню, на сон грядущий, корень зла, злачное место, выпить чашу до дна...*

Но многие фразеологические обороты в своем составе содержат слова и формы старославянского происхождения: *излить душу, ничтоже сумняшеся, денно и ночью, глас вопиющего в пустыне, алчущие и жаждущие, святая святых, тьма кромешная* и другие.

Фразеологический состав русского языка изменяется. Устаревшие фразеологизмы (архаизмы) постепенно выходят из фразеологической системы. Фразеологизмы иноязычного происхождения вытесняют синонимичные выражения русского происхождения. Наряду с этим процессом фразеология русского языка пополняется новыми фразеологическими единицами. (Кононенко, В. И.; Брицын, М. А. – Русский язык, Высшая школа, Киев 1986, стр. 149)

Желая глубже и лучше понимать современное состояние русского словарного состава, весьма полезно знать его историю. Русский литературный язык прошел долгий путь исторического развития, поэтому этот

вопрос является всегда актуальным, он интересует многих учёных и до сих пор он не закончен.

Сокращения названий старославянских рукописей

- Клоц (7 а 22) - Клоцов сборник
- Супр. (418) - Супрасльская рукопись
- Мт (27,24) - Евангелие от Матфея
- Зогр. - Зографское евангелие
- Мар. - Мариинское евангелие
- Ас. - Ассеманиево евангелие
- Сав. - Саввина книга
- И (8,23) - Евангелие он Иоанна
- Мк (5,5) - Евангелие от Марка

Использованная литература

- Бездек, Я.: *Пособие по лексикологии русского языка*. SPN, Praha 1964.
- Цейтлин, Р. М.: *Старославянский словарь (по рукописям X-XI веков)*. Русский язык, Москва 1999.
- Fojtíková E. a kol.: *Staroruská čítanka*. SPN, Bratislava 1989.
- Гудзий, Н. К.: *Хрестоматия по древней русской литературе XI-XVII веков*. Просвещение, Москва 1952.
- Кононенко, В. И., Брицын, М. А., Ганич, Д. И.: *Русский язык*. Вища школа, Киев 1986, с. 138-153.
- Kurz J. a kol.: *Čítanka staroslověnských textů se slovníkem*. SPN, Praha 1970.
- Mrázek R., Popova G. V.: *Historický vývoj ruštiny*. SPN, Praha 1988.
- Шанский, Н. М.: *Лексикология современного русского языка*. Москва 1964, с. 235-236.
- Шмелёв, Д. Н.: *Современный русский язык*. Просвещение, Москва 1977.
- Якубинский, Л. Т.: *История древнерусского языка*. Просвещение, Москва 1953.

Key words:

phrases, Russian phrases, phrases taken from other languages, old Slavic languages, old Slavic memories

Summary

The writer of the article is analyzing phrases from the point of view of their development. In the beginning writer is pointing to the typical Russian phrases. Writer is also pointing on phrases taken from other languages. Through the old Slavic memories writer is taking close care to phrases taken from old Slavic language. She emphasizes first of all their influence to contemporary Russian language.

РОЛЬ ДРЕВНЕРУССКОГО И РУССКОГО ФОЛЬКЛОРНОГО МАТЕРИАЛА ПРИ ИЗУЧЕНИИ ФРАЗЕОЛОГИЗМА **NAGLAJA (SKORAJA) SЪMBЪRTЪ*

Райнер Эккерт, Германия, Берлин

В «Этимологическом словаре славянских языков» под редакцией недавно ушедшего от нас акад. О. Н. Трубачева реконструировался праславянский оборот на основании соответствующих оборотов в польском, белорусском, украинском и словенском языках, а также на основании сочетаний наречия **naglě* или **naglo* + глагола **meri* в словенском, чешском, нижне-лужицком, украинском, белорусском и польском языках (Эккерт: 2003, 107–109). Этот праславянский фразеологизм (редчайший случай в ЭССЯ!) имел значение «неожиданная, внезапная, поспешная, крутая, недобрая смерть». В моей работе, посвященной заимствованию литовского оборота *togla smertis* «внезапная, непредвиденная смерть» из праславянской фраземы, я привожу примеры универбации этих оборотов в польском и белорусском, а именно польск. *nagla* (resp. *naglota*), белорусск. *нагла, нагельница* «внезапная, неожиданная смерть» (см. Эккерт: 1999, 183–193).

Уже в более позднее христианское время противопоставляется «плохая, недобрая смерть» (например, смерть без миропомазания; смерть некрещеных детей¹; массовая смерть от эпидемий, напр., от мора²) «доброй, подготовленной смерти». Эта оппозиция является явно поздней, средневековой. В преобразованной форме она продолжает праславянскую (частично диалектную индоевропейскую) оппозицию **nesvoja sъmbъrtъ* «неестественная смерть»: **svoja sъmbъrtъ* «естественная смерть».

¹ Ср. укр. диал. Кали нєкрєщоний, так не законной смертью умер. Кабакова, Г.: Дети, умершие до крещения. In: Проблеми сучасної ареалогії. Київ, 1994, с. 312. Ср. также старопольск. *Dzueszcza bylo zuwo, asz ye krzczono ... dla nagley szmyerczy ...* (Sl. stpolsk (Эккерт, 103) – букв. «Ребенок был живым, до тех пор пока его крестили ... от неожиданной смерти»).

² Ср. древнепольск. ... a twoja gorzka smie(r)c byla tez zaszczyceniem mojim od smierci morowej i od naglej. Amen (Ksiazeczka do spowiedzi krolewny Jadwigi 1530 – ChStp, 47).

Она реконструировалась в одной из частей работы В. В. Иванова и В. Н. Топорова на материале славянских языков (русск. *умереть своей смертью*; с.-хорв. *умерети својм смрти*; польск. *swa śmiercia umrzeć*; чешск. *umřítí svou smrtí*); литовского *jis mire savo mirtimi* и др.-персидск. *ivamršiyuš amariyata* (см. Иванов – Топоров 1963, 143–147). Таким образом, индоевропейская диалектная и праславянская оппозиция «несвоя смерть»: «своя смерть» сменилась более поздней оппозицией «недобрая смерть»: «добрая смерть» в эпоху средневековья.

В своем кратком сообщении я рассматриваю еще более позднюю эпоху, чем та, которая характеризуется средневековым противопоставлением «недобрая смерть»: «добрая смерть», в котором встречаются константы в виде следующих примеров в древнерусском, в русских и белорусских народных говорах и в русском фольклоре. Здесь выделяются три группы семантических конфигураций «недоброй (смерти)»:

1. неожиданность, преждевременность смерти:

(1) Русск. фолькл. *Ночь крадци пришла скорая смертушка. / Побралась в наше хоромное строенице* (Барс ПСК, I, 167);

(2) Русск. фолькл. *злодей – скорая-смеретушка* (примеры приводятся ниже).

Это – осложненное определение смерти через элемент «злодейности» и элемент «скоропостижности».

2. «злая (т. е. недобрая) смерть»:

(3) Др.-русск. *Того ради и Богъ на него наведе сию злую смерть* (Новгородская 1-ая летопись по Срезн. Мат. III, столб. 761);

(4) Др.-русск. *Тот во гръсехъ да будетъ и умретъ злую смертию* (Ярлык хана Бердибека митрополиту Алексею 1357 г. – там же);

(5) Русск. *Говорятъ Ему: злодеевъ сихъ предасть злой смерти* (Матф XXI, 41 – по СРЯ II. отд., т. II, столб. 2680).

Синонимом определения *злой* выступает определение *лютый*:

(6) Белорусск. фолькл. *Што сустрела тябе нечастная минуточка, / Повалила люта смертуня* (Шейн Мат, I, 2, 69).

3. «смерть-злодей»/«смерть-злодейка»:

(7) Русск. фолькл. *Кабы видели злодейную смеретушку. / Мы бы ставили столы да ей дубовые..* (Барс ПСК, I, 3);

(8) Русск. *Чуждалась она злодейственных смертей. / И жалость завсегда господствовала в ней* (Богданович, Думенька – по СРЯ II. отд., т. II, столб. 2675);

(9) Средне-русс. *Ахъ смерть злодья хто можетъ убьжати тя...* (Симони ССРП, 75);

(10) Русск. ... *смерть-злодейку / Он (русский) считает за пустяк* (Вяземский. Масляница на чужой стороне – по СРЯ I I. отд., т. II, столб. 2673);

(11) Русск. фольк. *На пути злодей-смертушка встретила* (Барс ПСК, I, 287).

Наконец, встречаются примеры, осложненные двумя уже упомянутыми элементами:

(12) Русск. фолькл. *Отвечала злодей-скорая смертушка* (Барс ПСК, I, 4);

(13) Русск. фолькл. *Ты возьми, злодей-скорая смертушка* (Барс, *ibidem*);

(14) Русск. фолькл. *Кабы знала Я горяща про то ведала, / Я сегодняшнего денечка Господнего, / На пяту дановых дверей не откинула б, / Я железны бы заложечки задвинула б, / Не пустила б этой птиченькой незнамой, / Уж я злодей-скорой смертушки...* (Барс ПСК, I, 212).

В конце моей небольшой заметки я хотел бы подчеркнуть следующее:

Во-первых, поражает континуум фразеологической подсистемы единиц в русском языке, связанных с понятием смерти, начиная с ранне-прасл. (и поздне-европейского) **umirěti suoioN sumirtioN* (русс. *умереть своей смертью*), а также прасл. **naglaja sьmьrtь* и кончая современным русским оборотом *скоростижная смерть (кончина)*.

Во-вторых, абсолютно ясно, что для историко-этимологического изучения фразем совершенно необходимо привлечение материала, извлеченного из древних памятников (разных эпох), из текстов современных языков, из диалекта и из произведений фольклора и, конечно, из родственных славянских и других индоевропейских языков. В нашем случае я сосредоточился на древнерусских источниках, русских диалектных материалах и на фактах из русского и белорусского фольклора.

В-третьих, для моего небольшого разыскания в области исторической фразеологии (существенно расширенного и углубленного в других работах – см. Эккерт 1999, Эккерт 1999 а, Эккерт 2001) на сей раз неопредимое значение имело привлечение Шахматовского словаря-тезауруса

(СРЯ II. отд., т. II и др.), который по богатству материала превосходит все другие лексикографические источники в отношении русского языка.

Использованная литература

- Барс ПСК, I - Причитания Северного края, собранные Е. В. Барсовым, ч. I: Плачи похоронные, надгробные и надмогильные. М., 1872.
- Иванов, В. В. - Топоров, В. Н. К реконструкции праславянского текста. In: Славянское языкознание. Доклады советской делегации. Международный съезд славистов (София, сентябрь 1963). М. 1963, с. 88-156.
- Симони ССРП - Старинные сборники русских пословиц, поговорок, загадок и проч. XVII-XIX столетий. Собрал и приготовил к печати П. Симони. СПб. 1899, I-II (сб. ОРЯС, т. 66).
- Срезн Мат III - Материалы для словаря древне-русского языка по письменным памятникам. Труд И. И. Срезневского. Т. 3. СПб. 1903 (Изд. М., 1958).
- СРЯ II отд., т. II - Словарь русского языка, составленный Вторым отделением Императорской Академии Наук. Т. II. СПб. 1903-1907.
- Шейн Мат I, 2 - Материалы для изучения быта и языка русского населения северо-западного края. Собранные и приведенные в порядок П. В. Шейном. Т. I, ч. 2. Бытовая и семейная жизнь белоруса в обрядах и песнях. СПб. 1890.
- ЭССЯ - Этимологический словарь славянских языков. Праславянский лексический фонд. Вып. 1-27. М. 1974-2000 (вып. 22 - М., 1995).
- Eckert, R.: Zur Entlehnung slawischer Phraseologismen ins Litauische. In: *Incontri linguistici*, 22. Pisa - Roma 1999, s. 183-193.
- Eckert, R.: Ein slawisches Lehnwort in der «postille» des Mikalojus Daukša und seine synonymischen und phraseologischen Beziehungen. In: *Baltistica*, XXXIV (2). Vilnius 1999, s. 263-270 (Eckert 1999 a.).
- Eckert, R.: Different Ways of Borrowing from Slavic into Old Lithuanian. In: *Zeitschrift für Slawistik*. T. 46 (4). Berlin 2001, s. 413-417.
- Eckert, R.: In memoriam Akademiemitglied Oleg Nikolaewiĉ Trubačev. In: *Zeitschrift für Slawistik*. T. 48 (1). Berlin 2003, s. 107-109.
- ChStp - Wydra, W. - Rzepka, W. R.: *Chrestomatia staropolska. Teksty do roku 1534*. Wrocław - Kraków - Gdańsk - Łódź 1984.
- Sl stpolsk - *Słownik staropolski*. T. V, N-O. Wrocław - Warszawa - Kraków, 1965-1969.

Key words:

Ancient idioms, the meaning "unexpected death", the reconstruction of the Slavic phraseology, the importance of the dialectal and folklore materials

Summary

The paper deals with the possibility of the reconstruction of the ancient idioms with the meaning “unexpected death” – **naglaja (skoraja) smьrtь* in the Russian, Lithuanian and other european languages. The article shows the importance of using the materials of the ancient literature and dialectical and folklore facts.

E. KRONIKA

Personální stav katedry slavistiky

Vedoucí katedry:	doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc. (vedoucí sekce ruské filologie)
Zástupce vedoucí katedry:	PhDr. Milena Machalová
Tajemník katedry:	PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D. prof. Josef Anderš, DrSc. (vedoucí sekce ukrajinské filologie) PhDr. Iva Dobrotová, Ph.D. prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc. (vedoucí lingvistického oddělení rusistiky) Mgr. Michal Hanczakowski, polský lektor (od 1. 10. 2003) doc. Nataliya Malinevská, CSc., ukrajinská lektorka Jekaterina Mikešová, ruská lektorka Mgr. Jitka Komendová, Ph.D. Mgr. Marie Kratochvílová doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc. (vedoucí literárněvědného oddělení rusistiky) Mgr. Jindra Pilátová, Ph.D. Dr. Dariusz Tkaczewski, polský lektor (do 31. 8. 2003) prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc. (vedoucí sekce polské filologie) doc. L. I. Stěpanova, CSc. PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc. Mgr. Petra Zavřelová
Sekretářka katedry:	Michaela Dadáková
Externisté:	Mgr. Jarmila Potomková prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

Diplomové práce obhájené na katedře rusistiky

Vedoucí: PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

Bakalářské práce:

Ewa Paździorová: Kompozita v současném polském tisku

Václav Hus: Polská sportovní terminologie

Jiří Halko: Polská sportovní frazeologie

Dagmar Klimczaková: Neologické frazeologizmy v polské publicistice

Vedoucí: prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc.

Bakalářské práce:

Adriana Makúchová: Lexikálně-gramatická charakteristika textů předpovědi počasí v ruštině ve srovnání s češtinou

Vedoucí: Mgr. Marie Kratochvilová

Diplomové práce:

Martynková Monika: Jerzy Pilch – próba tłumaczenia i jego analiza

Hořáková Jana: Próba tłumaczenia tekstów Manueli Gretkowskiej i analiza stylistyczna wybranych tekstów jej twórczości

Vedoucí: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Bakalářské práce:

Lenka Filipová: Fenomén osobnosti Alexandra Složenicyna v 2. polovině 20. století

Petr Tilkeridis: Grossmanův román „Život a osud“ jako historický dokument

Vedoucí: prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

Diplomové práce:

Jana Nováková: St. Ignacy Witkiewicz (Witkacy) – autor syntezy i eksperymentu w sztuce

Linda Křenovská: Zjawiska parapsychologiczne oraz wpływ Dostojewskiego w dziele Wł. St. Reymonta

Irena Szkanderová: Współczesne pisarstwo gwarowe na Śląsku Cieszyńskim i jego miejsce w polskiej twórczości literackiej

Vedoucí: PhDr. Ladislav Vobořil, Ph. D.

Bakalářské práce:

Elizabeth Besplachotná: Komplexní analýza textů smluv

Vedoucí: PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

Bakalářské práce:

Gabriela Konečná: Činnost Pravoslavné akademie Vilémov

Marianna Kuzněcovová: Fungování termínů ze sociální oblasti v ruské publicistice

Diplomové práce:

Radek Luzar: Ruská právní terminologie v porovnání s češtinou

Vedoucí: doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

Bakalářské práce:

Iva Nožková: Sociální problematika na stránkách ruského tisku

Hana Horáčková: Dotazy čtenářů v ruském tisku

Diplomové práce:

Václav Tomanik: Заимствованные слова и их применение в языке русской рекламы

Vedoucí: Mgr. Petra Zavřelová

Diplomové práce:

Koky Filip: Nowi autorzy w poezji polskiej lat dziewięćdziesiątych XX wieku.

Próba analizy porównawczej i interpretacji poezji Jacka Podsiadły i Eugeniusza

Tkaczyszyna Dyckiego pod względem tematów Bóg, dom i ciało

Účast na mezinárodních a domácích konferencích

prof. Josef Anders, DrSc.

25.–27. 9. 2003, Kyjevská národní lingvistická univerzita, mezinárodní vědecká konference „Проблеми зiставної семантики“. příspěvek: „Struktura a sémantika deagentních vět v ukrajinštině ve srovnání s češtinou“.

22.–23. 10. 2003, Masarykova univerzita, mezinárodní vědecká konference... „Ukrajnistika v minulosti, přítomnosti a budoucnosti“. příspěvek: „Etapy a způsoby přechodu podstatného jména v příslovce“.

PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

19.–21. 5. 2003, mezinárodní konference bohemistů ve Walbrzychu, příspěvek: „K některým projevům internacionalizace jazyka“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek: „Okazionalizmy nebo stálice? Nové frazeologické jednotky v polské a české publicistice“.

prof. PhDr. Helena Flídrová, CSc.

25.–27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – National’nyje issledovanija ruskogo jazyka i literatury v kontekste jevropskoj rusistiki“, referát na plenárním zasedání ve spoluautorství s E. Vysloužilovou „Диалог в письме на страницах газеты.“

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „К проблематике членения научного текста“.

Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

13. 3. 2003 FF UP Olomouc, odborný seminář „Obraz Petrohradu v ruské literatuře“, příspěvek „Konfrontace kultur v prózách Jurije Rytcheu ze sovětského období“.

5.–6. 6. 2003, Uniwersytet Gdańsk, Polsko: mezinárodní konference „Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechniej“, příspěvek „Петербург и Арктика: Столкновение культур в прозе Юрия Рытхэу до конца 80-х гг.“.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj rusistiki“, příspěvek „Город в древнейшей литературе Руси (до XIII в.)“.
11. 9. 2003, Ústav translátologie FF UK, Praha, odborný seminář „Český překlad 1945–2003“, příspěvek „Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana“ (spolu s J. Pilátovou).

doc. Nataliya Malinevská, CSc.

22. 10. 2003, FF MU Brno, mezinárodní vědecká konference „Ukrajiništka v minulosti, přítomnosti a budoucnosti“, referát na téma: „Latinka jako prostředek předávání fonetického systému ukrajinského jazyka XVII. st.“.

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

13. 3. 2003 FF UP Olomouc, odborný seminář „Obraz Petrohradu v ruské literatuře“, příspěvek „Dvojník F. M. Dostojevského“.

5.-6. 6. 2003, Uniwersytet Gdańsk, Polsko: mezinárodní konference „Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechnej“, příspěvek „Дихотомный контекст Петербурга и Двойник Достоевского“.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj rusistiki“, plenární referát „Художественный образ города в русской литературе“.

13.-14. 11. 2003, Uniwersytet Gdańsk, Polsko: mezinárodní konference „Literatura rosyjska przelomu XIX i XX wieku“, příspěvek „Жанр повести М. Горького и перегруженность личности“.

14. 10. 2003, FF UK Praha – Slovanská knihovna, Kolokvium k osmdesátinám doc. PhDr. Jiřího Honzika, příspěvek „Kotik Letajev Andreje Bělého“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „Двоемирие у Ф. М. Достоевского“.

Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.

12.-14. 5. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference mladých lingvistů „Jazyky v kontaktu, jazyky v konfliktu“, příspěvek „Volná přímá řeč v češtině, ruštině a angličtině“.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj

rusistiki“, příspěvek „Kontrast standarta i ekspresii v informacionnom gazetnom tekste“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskoohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „Osobnosti kompozicii teksta v informacionnoj gazetnoj zametke“.

11. 9. 2003, Ústav translátologie UK Praha, odborný seminář „Český překlad 1945–2003“, příspěvek ve spolupráci s Mgr. J. Komendovou, Ph.D. „Ruská literatura v edičním díle Josefa Floriana“.

prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

10.–11. 9. 2003, FPF SU, Slezská univerzita v Opavě

Ústav bohemistiky a knihovnictví, „Homo ludens v české a slovenské literatuře“, příspěvek „Hra jako životní postoj v českých a polských textech o Eulenspiegelovi ze 16. a 17. století.“ Spolu s Jiřím Fialou.

30.–31. 10. 2003, FF UP, Olomouc, katedra bohemistiky, „Genologický systém kultury na Moravě“, příspěvek „O polských textech z rakouského státního vězení v Olomouci a v Josefově na konci 18. století“.

3.–5. prosince 2003, Akademia Pedagogiczna Kraków, Międzynarodowa Konferencja Naukowa pt. Dzieło i życie K. I. Gałczyńskiego, příspěvek „Konstanty Ildelfons Gałczyński w środowisku czeskim“.

doc. Ludmila Stěpanova, CSc.

25.–27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional'nyje issledovanija ruskogo jazyka i literatury v kontekste jevropeskoj rusistiki“, referát na plenárním zasedání „Диахронический анализ русской фразеологии: результаты и размышления“.

PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

25.–27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional'nyje issledovanija ruskogo jazyka i literatury v kontekste jevropeskoj rusistiki“, příspěvek: „Договор как коммуникат“.

9.–13. 9. 2003, Instytut Filologii Rosyjskiej Uniwersytet im. Adama Mickiewicza, Poznań, Polsko, mezinárodní rusistická konference „X Международная конференция Европейская русистика и современность – Русское слово в изменяющейся картине мира“, příspěvek: „Лексические и другие средства когезии текста (на материале русского договора)“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „Деловое письмо – жанр, язык, текст“.

PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj rusistiki“, příspěvek „Русская литература в оломоуцких издательствах между двумя мировыми войнами“.

11. září 2003, Ústav translátologie FF UK v Praze, seminář „Český překlad v letech 1945–2003“, příspěvek „O. F. Babler jako překladatel z ruštiny“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „Употребление местоименных дейктико-анафорических средств в чешском и русском языках в свете контактов немецкого языка с чешским“.

doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

5.-7. 2. 2003, IV. mezinárodní konference FIPLV (PdF Univerzity Karlovy Praha), referát: „K problematice dovednostního modelu učitele cizího jazyka“.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj rusistiki“, referát na plenárním zasedání ve spoluautorství s H. Flídrovou „Диалог в письме на страницах газеты“.

15. 10. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci“, příspěvek „Читательское письмо как многоуровневый текст“.

prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

5.-6. 6. 2003, Uniwersytet Gdańsk, Polsko: mezinárodní konference „Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechniej“, referát „D. Granin – petrohradský spisovatel“.

25.-27. 8. 2003, FF UP Olomouc, mezinárodní konference „XVII ODR – Nacional’nyje issledovanija russkogo jazyka i literatury v kontekste jevropejskoj rusistiki“, příspěvek „Город и города в названиях литературных произведений (Тезисы и материалы к главе)“.

Cesty do zahraničí

prof. Josef Anderš, DrSc.

25.–27. 9. 2003, Kyjiv (Ukrajina), mezinárodní vědecká konference

PhDr. Ivana Dobrotová, Ph.D.

19.–21. 5. 2003, mezinárodní konference bohemistů ve Walbrzychu

1.–19. 5. 2003, odborná stáž na Varšavské univerzitě v rámci CEEPUSU

Mgr. Jitka Komendová, Ph.D.

5.–6. 6. 2003, Gdaňsk (Polsko): mezinárodní konference „Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Petersburga i jego rola w historii powszechniej“

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

28. 4. – 6. 5. 2003, Velká Británie, Durham University

24.–31. 5. 2003, Německo, Greifswald, Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Institut für Slawistik

prof. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

3.–5. prosince 2003, Akademia Pedagogiczna Kraków, Międzynarodowa Konferencja Naukowa pt. Dzieło i życie K. I. Gałczyńskiego

PhDr. Ladislav Vobořil, Ph.D.

9.–13. 9. 2003, Instytut Filologii Rosyjskiej Uniwersytetu im. Adama Mickiewicza, Poznań, Polsko, mezinárodní rusistická konference „X Международная конференция Европейская русистика и современность – Русское слово в изменяющейся картине мира“

PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

květen 2003 – Vídeňská univerzita, měsíční stipendijní pobyt (CEEPUS)

prof. PhDr. Miroslav Zahrádka, DrSc.

4.–6. června 2003, účast na mezinárodní konferenci v Gdaňsku na téma Obraz Petrohradu v ruské literatuře.

Jiné aktivity

prof. Josef Anderš, DrSc.

- předseda oborové rady pro obor ruský jazyk
- člen oborové rady pro obor srovnávací slovanská filologie
- člen oborové rady pro obor polský jazyk
- školitel doktorandů (Mgr. Marta Vágnerová, Mgr. Ševcova, E. Opletalová)
- člen Komise „Gramatická stavba slovanských jazyků“ při Mezinárodním komitétu slavistů
- člen výboru České asociace ukrajinistů (Praha)
- člen hodnotící komise u jmenování doc. PhDr. Jiřího Marvana, Ph.D. profesorem slavistiky
- člen kolegia z oboru Filologie

prof. PhDr. Helena Flídrová, Csc.

- předsedkyně komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu na UP; komise ve složení prof. Flídrová, doc. Vysloužilová, doc. Šiška a dr. Vychodilová vyzkoušela za rok 2003 13 postgraduantů
- členka oborové rady pro ruský jazyk na FF UP v Olomouci a na FF MU v Brně
- členka oborové rady pro srovnávací slovanskou filologii na FF UP
- školitelka doktorandů Mgr. J. Skácelové a Mgr. T. Kupčíka
- hlavní řešitelka grantového úkolu OSI „Textová lingvistika – specifika současných textových útvarů (ve srovnávacím česko-rusko-německém plánu)“

PhDr. Milena Machalová

- výuka češtiny na Letní škole slovanských studií

doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

- grantový projekt: Integrovaná skupina filologických oborů – „joint degree courses“
- člen Vědecké rady FF
- člen oborové rady FF UP a FF UK – slovanské literatury
- přednášky na LŠSS, spolupráce s pedagogickými centry v Českých Budějovicích a Ostravě – cyklus přednášek ze světové literatury. Přednášky ze světové literatury pro kurs Další vzdělávání učitelů češtiny FF UP Olomouc

Mgr. Jindřiška Pilátová, Ph.D.

- Ve spolupráci s PhDr. Z. Vychodilovou, Csc., a Mgr. J. Komendovou, Ph.D., účast na řešení grantu „Morava“ (garant: Katedra bohemistiky FF UP, hl. řešitel prof. Petruš, doc. Machala), téma „Překlady ruské literatury na Moravě v letech 1900–1936“

doc. PhDr. Marie Sobotková, CSc.

- školitelka doktorských disertací:

a) doktorský studijní program Dějiny české literatury – česká literatura: celkem 5 doktorandek:

Jekatěrina Stacenko (absolventka bohemistiky z Běloruska): Místo tvorby Josefa Škvoreckého v současné české a běloruské literatuře

Jana Znojilová: Mariánský kult v moravské homiletice 18. století

Magdalena Nobis (absolventka Slezské univerzity v Katovicích): O jazyce současné české prózy

Jana Vernerová: Proměny funkce kalendáře v české písemné kultuře v 18. a 19. století

Karla Vozáková: Moravské paměti 18. století jako věcná a estetická informace

b) doktorský studijní program Srovnávací slovanská filologie – polská literatura: celkem 4 doktorandi

Katarína Laučíková, absolventka FF Prešovské univerzity v Prešove; téma disertační práce: Mýtus horala v polskej, českej a slovenskej literatúre

Kateřina Tichá, absolventka FF UP v Olomouci; téma disertační práce: W śladach Tadeusza Micińskiego: Z mroku gwiazd do Złotego pałacu. Apel do potomnych

Jakub Pacześniak, absolvent Jagellonské univerzity Krakov; téma disertační práce: Obraz rzeczywistości najnowszej literaturze polskiej i czeskiej, realizm, czy groteska? Przemiany po roku 1989

Lenka Mičáková, absolventka FF UP v Olomouci; téma disertační práce: Proza kobieca od XIX wieku do współczesności w ujęciu porównawczym słowiańsko-zachodnim

- examínátorka u dílčí zkoušky doktorského studijního programu na FF KU Praha (dějiny polské literatury)

- řešitelka grantového projektu FRVŠ Otevřená polyfunkční laboratoř polonistiky, dotace z FRVŠ 420 000,- Kč + 1/3 z prostředků FF UP, tj. celkem 560 000,- Kč; obhajoba 27. 1. 2004
- spoluřešitelka grantových úkolů:
 Výzkumný záměr MŠMT ČR *Historie a kultura Moravy jako modelu euroregionu* (hlavní řešitel prof. PhDr. Eduard Petrů, DrSc.) – dílčí výstup: „O polských textech z rakouského státního vězení v Olomouci a v Josefově na konci 18. století“
 Grantový projekt Grantové agentury ČR Databáze západoslovanských literatur v českém prostředí (hlavní řešitel PhDr. H. Filipová, Ph.D.) – dílčí výstup: Česká a polská literatura od roku 1914 do roku 1944
 Výzkumný záměr MŠMT ČR *Emigrace z českých zemí v novověku* (hlavní řešitel prof. PhDr. Miloš Trapl, DrSc.)

PhDr. Zdeňka Vychodilová, CSc.

- examinátorka komise pro odborné zkoušky doktorandů z ruštiny na CMTF UP
- členka komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu na UP
- externí vyučující ruštiny na VOŠS v Olomouci
- spoluřešitelka česko-rakouského výzkumného projektu OSI Textová lingvistika – specifika současných textových útvarů (ve srovnávacím česko-rusko-německém plánu)
- spoluřešitelka výzkumného záměru MŠMT ČR *Historie a kultura Moravy jako modelu Euroregionu*

doc. PhDr. Eva Vysloužilová, CSc.

- člen komise pro zkoušky z ruštiny v rámci doktorského studijního programu na UP; komise ve složení prof. Flídrová, doc. Vysloužilová, doc. Šiška a dr. Vychodilová vyzkoušela za rok 2003 13 postgraduantů
- členka oborové rady pro ruský jazyk na FF UP v Olomouci a na PdF UK v Praze
- člen ústřední rady ČAR
- předseda oborové rady pro rigorózní zkoušky z oboru ruský jazyk na FF UP
- školitelka doktorandů Mgr. Věry Kozákové, Mgr. P. Kotyzy a Mgr. Evy Vostřejžové

- řešitelka grantového úkolu OSI „Textová lingvistika – specifika současných textových útvarů (ve srovnávacím česko-rusko-německém plánu)“
- oponent grantových úkolů z GA a FRVŠ
- oponent CERMATU (Ústav pro informace a vzdělávání – reforma maturit)

Mgr. Petra Zavřelová

- účast v panelové besedě na téma překladatelství – v rámci česko-polského literárního festivalu „Z druhé strany“ v Ostravě ve dnech 13.–15. března 2003
- účast v panelové besedě na téma současná polská a česká literatura – tamtéž
- nastudování vystoupení a prezentace se studenty na česko-polském literárním večeru „Dvojhlas“ v Brně v klubu Skleněná louka – komorní čtení studentských překladů básní žijících polských básníků – dne 30. října 2003

Bibliografie publikační činnosti členů katedry slavistiky FF UP za rok 2003

- a) vědeckovýzkumné stati a monografie
- b) odborné stati
- c) recenze vědeckých prací
- d) recenze literárních a jiných děl
- e) učebnice a skripta
- f) překlady
- g) zprávy a glosy v denním tisku
- h) ostatní
- ch) recenze na práce členů katedry, ohlasy

Josef Anderš

- a) 1. Русский языковой материал при построении типологии простого славянского предложения. – In: Rossica Olomucensia XL (za rok 2001), 1. část. Olomouc 2002, s. 181–187.
- 2. K typologickému studiu slovanské věty: základ srovnávání. – In: Česká slavistika 2003. České přednášky pro XIII. mezinárodní kongres slavistů (Ljubljana 15.–21. 8. 2003). Ivo Pospíšil, Miloš Zelenka (editoři). Academia, s. 17–25.
- 3. Zum typologischen Studium des slawischen Satzes: Grundlage zum Vergleich // 13. Mednarodni slavistični kongres. Zbornik povzetkov. 1. Del. Jezikoslovje. Ljubljana 2003. – S. 51.
- 4. Структура і семантика деагентивних речень в українській мові в зіставленні з чеською. In: Проблеми зіставної семантики. Випуск 6. Збірник наукових статей. Київ 2003, s. 323–326.
- c) 5. Nová učebnice ukrajinského jazyka. Halyna Myronova: Praktický kurs ukrajinštiny. I. Brno 1999, 440 s.; II. Brno 2001, 318 s. – In: Rossica Olomucensia XL (za rok 2001), 2. část. Olomouc 2002, s. 531–532.
- 6. Oponentský posudek na disertační práci k získání titulu Ph.D. J. Skácelové „Příslovce a infinitiv ve funkci přívlastku v ruštině ve srovnání s češtinou“.
- 7. Posudek na autoreferát disertační práci k získání titulu DrSc. N. F. Balandinové „Funkčně pragmatická a lingvomentální analýza českých pragmatických klišé“.

8. Баландіна, Н. Ф.: Функції і значення чеських прагматичних кліше в комунікативному контексті. Видавництво „АСМІ“, Київ 2002, 331 s. Opera Slavica XIII, 2003, č. 2, s. 57–59. ISSN 1211-7676.

Helena Flídrová

- a) 1. ... E. Vysloužilová: K profesionálnímu aspektu komunikační kompetence. In: Rossica Olomucensia XL (za rok 2001), 2. část, Olomouc 2002 (vyšlo 2003), s. 519–524, ISBN 80-244-0538-5, ISSN 0139-9268.
2. К именованному сказуемому в русском научном стиле в сопоставлении с чешским. In: Русское слово в мировой культуре. Чешская ассоциация русистов, Прага–Оломоуц 2003, с. 108–112, ISBN 80-7329-041-3.
- c) 3. Učebnice současné ruštiny a odborné terminologie pro pokročilé. Recenze: Csiriková, M. – Vysloužilová, E. „Ruština v praxi“. Leda, Praha 2002. Cizí jazyky, 46, 2002–3, č. 3, s. 108.
4. Oponentský posudek na doktorskou disertační práci Mgr. V. Kozákové „Nová ruská terminologie v oblasti managementu a cizí vlivy na její tvorbu“.
5. Oponentský posudek na doktorskou disertační práci Mgr. M. Vágnerové „Strukturně-sémantická organizace ruských vět s dějovými predikáty“.

Ivana Dobrotová

- b) 1. К některým frazeologickým koncepcím. In: Zborník z mezinárodnej slavistickej konferencie Braslav 1. Bratislava 2003. str. 241–244.
2. К proměnám slovtvorného systému polštiny. In: České, polské a slovenské jazykové a literární souvislosti. Acta Universitatis Palackianae Olomucensis Facultas Philosophica, Philologia 78, Supplementum 2003. Olomouc 2003. Str. 165–170.

Jitka Komendová

- a) 1. Образ чужих культур в письменности Руси 11.–14. столетия (докторская диссертационная работа).
2. Образ чужих культур в письменности Руси XI–XIV вв. (резюме диссертационной работы) In: Rossica Olomucensia XLI, Olomouc (za rok 2002) 2003, s. 67–76, ISBN 80-244-0694-2, ISSN 0139-9268.

- b) 3. Prostor cizích kultur v Putování igumena Daniila a Putování za tři moře Afanasije Nikitina. In: Dialog kultur II. Sborník z příspěvků vědecké konference. Ústí nad Orlicí 2003, s. 225–231.
- 4. Модель диалога культур как методологическая основа для изучения литературы средневековой Руси, Philologica LVII – Tradície a perspektívy rusistiky. Bratislava 2003, s. 367–372.

Marie Kratochvílová

- g) 1. Profesor M. Głowiński v Olomouci. UP Žurnál 27/2002 s. 4, Olomouc 2003.

Nataliya Malinevská

- a) 1. „Morfonolohični javyšča v ukrajinkij movi XVII – poč. XVIII st. // Sučasni doslidžennja z inozemnoji filolohiji. Užhorod, 2003, s. 75–80.
- e) 2. „Ukrajinské reálie 1“. Olomouc 2003. 96 s.

Zdeněk Pechal

- a) 1. Dostojevského Dvojník a Kafkova Proměna (II). In: Rossica Olomucensia XLI. Olomouc 2003 s. 91–102. ISBN 80-244-0694-2.
- 2. Роман Владимира Набокова: Прием просвечивания как элемент композиционный и стилевой. Universitas Comenia. Philologica. LVII. UK Bratislava 2003. s. 283–290. ISBN 80-223-1808-6.
- 3. Kotil Letajev Andreje Bělého jako polyfonie metamorfózy. Litteraria Humanitas. Moderna, avantgarda, postmoderna. MU Brno 2003. s. 201–208.
- 4. Феномен эмигранта в романе Владимира Набокова и прием просвечивания мира „родного дома“ и мира „чужбины“. Русское За рубежом – духовный и культурный феномен. с. 99–107. Москва 2003. ISBN 5-901617-09-06.
- 5. Реализм и действительность. In: Rossica Olomucensia XL. Olomouc 2002 s. 103–110. ISBN 80-244-0538-5.

Jindřiška Pilátová

- a) 1. Žánr krátké zprávy v ruském a českém publicistickém stylu. Nepublikovaná disertační práce. FF UP Olomouc, 2003, 170 s.
2. Ruská předložková konstrukce typu „по словам кого“ ve funkci odkazu na zdroj informace a její ekvivalenty v češtině. In: *Rossica Olomucensia XLI*, Olomouc (za rok 2002) 2003, s. 67–76, ISBN 80-244-0694-2, ISSN 0139-9268.
3. Средства, указывающие на источник сообщения в современной чешской, русской и английской газетной заметке. In: *Studia i szkice slawistyczne 5. Dialog w literaturach i językach słowiańskich*. Tom 2. Językoznawstwo. Opole, 2003 s. 119–122. ISSN 1644-4191.
4. „Kompresivní pojmenování v ruském a českém textu“ In: *BraSlav 1*. Zborník z medzinárodnej konferencie. Bratislava 2002 (vyšlo 2003), s. 231–235.
- b) 5. „Газетные заголовки-аллюзии“. In: *Informační bulletin ČAR*, č. 17, 2003. <http://web.quick.cz/rossica>, s. 14–19.

Marie Sobotková

- b) 1. Adam Mickiewicz und das Bild der tschechischen Literatur im 19. Jahrhundert. XIII. mezinárodní sjezd slavistů – Lublaň 2003. Resumé českých příspěvků. *Literární věda*. *Slavia* 72, 2003, s. 2, s. 247. Spolu s Jiřím Fialou
2. Literatura i film – podwójny dialog międzykulturowy w dydaktyce polonistów czeskich. V tisku, nakladatelství Univerzity ve Vratislavi, předpokládáné ukončení tisku do konce roku 2003.
3. Z kulturních styků Olomouce a Vratislavi do roku 1648. In: *Wrocław w Czechach – Czesi we Wrocławiu*. V tisku, nakladatelství Univerzity ve Vratislavi, předpokládáné ukončení tisku do konce roku 2003.
4. Konstanty Ildefons Gałczyński w środowisku czeskim. In: *Międzynarodowa Konferencja Naukowa pt. Dzieło i życie K. I. Gałczyńskiego*, Akademia Pedagogiczna Kraków, 3.–5. prosince 2003.
5. Hra jako životní postoj v českých a polských textech o Eulenspieglovi ze 16. a 17. století konference v Opavě. In: *Homo ludens v české a slovenské literatuře, Ústav bohemistiky a knihovnictví, FPF SU, Slezská univerzita v Opavě*, 10.–11. 9. 2003. Spolu s Jiřím Fialou. Tisk začátek r. 2004.

6. O polských textech z rakouského státního vězení v Olomouci a v Josefově na konci 18. století. In: Genologický systém kultury na Moravě, Katedra bohemistiky FF UP, 30.-31. 10. 2003. Tisk začátek r. 2004.
7. Z historie česko-polských literárních souvislostí první poloviny 19. století. AUPO tisk začátek r. 2004.
- d) 8. Recenzja wydawnicza dla Serii Kultura i Język Polski dla Cudzoziemców - Edycji dla początkujących pt. Czytaj po polsku: Bolesław Prus „Kamizelka“ oraz „Z legend dawnego Egiptu“. Katowice 2003.
9. Recenze disertační práce O polských překladech vybraných novel a románů Bohumila Hrabala Mgr. Lenky Vítové. FF MU Brno 2003.
- ch)10. Bogusław Bakula: Litteraria Humanitas VIII. Komparatistika - Genologie - Translatologie. Krystyna Kardyni-Pelikánová. Masarykova univerzita, Ústav slavistiky. Brno 2000, 270 stran. In: Slavia Occidentalis, t. 58 (2001), Wydawnictwo Poznańskiego Towarzystwa Przyjaciół Nauk, cz. Przeglądy i recenzje, s. 242.
11. Pavera Libor: Marie Sobotková, Studie z české a polské literatury. Pět století v historii česko-polských souvislostí. BOHEMISTYKA 1/2003, roc. III, s. 63-66. (rec.).
12. Libor Pavera: Alternativa plus. Literatura, umění, kritika, historie. Roč. VII. 2003, s. 111-112. (rec.).
13. Pavera Libor: Marie Sobotková hledá souvislosti. MF Dnes - Střední Morava, 14. května 2003, s. C/4. (rec.).

Ludmila Stěpanova

- a) 1. Очерки по истории чешской фразеологии. СПб., 2003. - 206 s. ISBN 5-288-03044-8.
2. К фразеологии древнерусских памятников. In: Русское слово в мировой культуре. Прага - Оломоуц, 2003. С. 104-107. ISBN 80-7325-041-3.
3. О взаимодействии книжной и народной стихии во фразеологии. In: Frazeologické štúdie III. / Editori J. Mlacek, P. Ďurčo. Bratislava, 2003. S. 212-220. ISBN 80-8898-37-5.
- e) 4. Vychodilová, Zd.: Reálie ruské pravoslavné církve. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2003. - 63 s. ISBN 80-7067-857-7.

Ladislav Vobořil

- b) 1. К одной текстообразующей категории на материале современного народного анекдота. In: *Rossica Olomucensia XL* (za rok 2001) 1. část, Olomouc 2002, s. 283–287.
ISBN 80-244-0538-5, ISSN 0139-9268.
2. Отглагольные предлоги в русско-чешском сопоставительном плане. In: *Русское слово в мировой культуре (Чешская русистика после IX конгресса МАПРЯЛ)*. Repronis, Ostrava 2003, s. 73–76.
ISBN 80-7329-041-3.

Zdeňka Vychodilová

- a) 1. „Синтаксический эллипсис и синтаксический нуль – две сущности одного явления“. In: *Русское слово в мировой культуре. Чешская ассоциация русистов – X конгресс МАПРЯЛ Санкт-Петербург 2003. Прага – Оломоуц 2003*, с. 77–82.
ISBN 80-7329-041-3.
2. „К одной функции славянской местоименной лексемы ‚ten‘ (на материале современного чешского и русского языков)“ In: *Tradície a perspektívy rusistiky. Philologica LVII, Bratislava, UK, 2003*, s. 77–80. ISBN 80-223-1808-6.
- c) 3. *Nově o tvorbě pojmenování v ruštině (Jana Sokolová: Tri aspekty jazykovej nominácie. UKF Nitra 2002)*. In: *Rossica Olomucensia XLI* (za rok 2002), Olomouc 2003, s. 109–111.
ISBN 80-244-0694-2, ISSN 0139-9268.
- e) 4. ...Stěpanova L.: *Reálie ruské pravoslavné cirkve. Olomouc, UP 2003*. 2., přepracované vydání, 91 s. ISBN 80-244-0658-6.
- h) 5. *Česko-slovenský seminář Odborná komunikácia v zjednotenej Európe (Banská Bystrica, 2.–3. 10. 2002)*. *ToP, XIV, č. 67, s. 29*.
ISSN 1210-4159.

Eva Vysloužilová

- a) 1. ...H. Flídrová: К профессиональному аспекту коммуникативной компетенции. In: *Rossica Olomucensia XL* (za rok 2001), 2. část, Olomouc 2002 (vyšlo 2003), s. 519–524,
ISBN 80-244-0538-5, ISSN 0139-9268.

2. К прагматике формальной коммуникативной ситуации. In: Русское слово в мировой культуре. Чешская ассоциация русистов, Прага-Оломоуц 2003, с. 83-87, ISBN 80-7329-041-3.
3. К составляющим коммуникативной компетенции. Tradície a perspektívy rusistiky. Sb. Fil. Fak UK v Bratislavě, Philologica LVII, Bratislava 2003, 197-200.
4. Сосуществование языкового и социокультурного в учебном тексте. In: Zborník vedec. Prác z medzinár. konferencie „Kulturológia v procese osvojovania cudzích jazykov“, Nitra 2003, 25-34. ISBN 80-8069-179-7.
5. К социокультурным компонентě translátologické kompetence. In: Sborník příspěvků z vědecké konference s mezinárodní účastí pořádané ve spolupráci se Společností Franka Wollmana při FF MU v Brně, Hradec Králové 12. 11. 2002, Ústí nad Orlicí 2003, 27-33.
- b) 6. ..., Žofková, H. (UK Praha): Чешская лингводидактика русского языка за 1999-2003 годы. Русское слово в мировой культуре. Чешская ассоциация русистов, Прага-Оломоуц 2003, 14-17, ISBN 80-7329-041-3.
- ch) 7. Flídrová, H.: Učebnice současné ruštiny a odborné terminologie pro pokročilé. Recenze na: Csiriková, M. - Vysloužilová, E.: Ruština v praxi. Leda, Praha 2002. Cizí jazyky, 46, 2002-2003, 3, 108.
8. Jankovičová, M.: Recenze na: Csiriková, M. - Vysloužilová, E.: Ruština v praxi. Leda, Praha 2002. In: Русский язык в центре Европы. Методический центр Банска Быстрица, 2003, ISBN 80-8041-249-9.

Miroslav Zahrádka

- a) 1. Ruská literatura XX. století (Literární proudy a osobnosti), Periplus Olomouc 2003, 236 stran.
2. Toulky s ruskými spisovateli, Univerzita Palackého Olomouc 2003, 120 stran.
3. (spolu s Rolandem Opitzem): Realizm? Realizm!, Rossica Olomucensia XL (za rok 2001), 2. část, Olomouc 2002, s. 35-45.
4. Poetika zaglavij v ruskoj literature XX veka (nabrosok glavy uz issledovanija). In: Sine arte, nihil. Sbornik naučnych trudov v dar professoru Milivoje Jovanoviču, Belgrad-Moskva 2002, s. 109-120.

5. Russkaja zarubežnaja literatura i literatura v Rossii. In: Russkoje Zarubežje – duchovnyj i kulturnyj fenomen. Materialy meždunarodnoj naučnoj konferencii, časť I, Moskva 2003, s. 8–13.
 6. O problémech výzkumu rusko-českých literárních vztahů v nedávné minulosti a dnes. In: Dialog kultur II, Sborník příspěvků z vědecké konference, Hradec Králové 12. 11. 2002. Ústí nad Orlicí 2003, s. 173–179.
- c) 7. Sborník na počest sedmdesátin profesora Milivoje Jovanoviče. Opera slavica, 2003, č. 1, s. 61–62.
- d) Divadelní recenze:
8. Drdovy Hrátky s čertem (Rec.: J. Drda, Hrátky s čertem, Divadlo Šumperk 16. 11. 2002), Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 26. 11. 2002.
 9. Jednoznačný úspěch Shakespeara i Hilského v Moravském divadle (Rec.: W. Shakespeare, Jindřich IV., Moravské divadlo Olomouc 20. 12. 2002). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 28. 12. 2002.
 10. Taškařice se v Šumperku povedla (Rec.: V. Renčín – J. Brabec – H. Čiháková, Nejkrásnější válka. Divadlo Šumperk, 11. 1. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 14. 1. 2003.
 11. Brilantní je Gottwaldův brankář (Rec.: Didier Kaminka, Osamělost fotbalového brankáře. Divadlo Šumperk 25. 1. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 30. 1. 2003.
 12. Brazilský dramatik je objevem dramaturgie Moravského divadla (Rec.: Ariano Vilar Suassuna, Závěť psa aneb Hra o naší Milé Paní Soucitné, Moravské divadlo Olomouc 7. 2. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 11. 2. 2003.
 13. Janečkův příjemný bulvár na scéně (Rec.: Marc Camoletti, A do pyžama! Divadlo Šumperk 8. 3. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 11. 3. 2003.
 14. Osudy a dílo Němcové na jevišti: hra měla ještě zrát. (Rec.: V. Mašková, Mně zašlá léta vraťte... Moravské divadlo Olomouc, 18. 4. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 24. 4. 2003.
 15. Divadelní Flora: malá zklamání i silné chvíle (recenze festivalu). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 10. 5. 2003.
 16. Klasická romantika na konec divadelní sezóny v Olomouci (Rec.: Clavijo, podle J. W. Goetha napsal J. Vostrý. Moravské divadlo Olomouc 6. 6. 2003). Mladá fronta – Dnes, Střední Morava 23. 6. 2003.

17. Euripidés, tentokrát v podání Moravského divadla (Rec.: Euripidés, Ifigenie v Aulidě, Moravské divadlo Olomouc 5. 9. 2003). Mladá fronta - Dnes, Střední Morava 9. 9. 2003.
- ch) 18. Jitka Komendová, Zahradka zavede do tajů Ruska (Rec.: M. Zahradka, Ruská literatura XX. století, Olomouc 2003). Mladá fronta - Dnes, Střední Morava 7. 6. 2003.
19. František Všeticka, Miroslav Zahradka - Ruská literatura je ošemetná záležitost (Rec.: M. Zahradka, Ruská literatura XX. století, Olomouc 2003). Olomoucký den 16. 9. 2003.

Petra Zavřelová

- b) 1. Na skok v Polsku, Listy 9/2003, s. 22-23.
- f) 2. Tulli Magdalena: Sny a kameny, OWP Praha, 2003.
- h) 3. „Rozhovor s Magdalenou Tulli“, Labyrint revue, 13-14/2003.

Přednášková činnost členů katedry slavistiky

- a) přednášky vědeckovýzkumné a odborné
- b) vědeckopopulární
- c) ostatní

Josef Andersš

- a) 1. Структура і семантика деагентивних речень в українській мові в зіставленні з чеською. Кújevská národní lingvistická univerzita, 25.-27. 9. 2003.
- 2. Етапи й способи переходу іменників у прислівник. MU Brno, 22.-23. 10. 2003.
- c) 3. К типологии východoslovanských jazyků. Vystoupení v semináři k životu a dílu doc. M. Zatovkaňuka, CSc. a doc. V. Židlického, CSc. Praha 30. 1. 2003.

Helena Flídrová

- a) 1. ... E. Vysloužilová: Диалог в письме на страницах газеты. Plenární referát na mezinárodní rusistické konferenci Olomoucké dny rusistů, FF UP, Olomouc, 25. 8. 2003.
- 2. К проблематике членения научного текста. Referát na mezinárodní konferenci Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci, FF UP, Olomouc, 15. 10. 2003.

Zdeněk Pechal

- a) 1. Dvojník F. M. Dostojevského. Příspěvek na odborném semináři „Obraz Petrohradu v ruské literatuře“. FF UP Olomouc 13. 3. 2003.
- 2. Дихотомный контекст Петербурга и Двойник Достоевского. Příspěvek na mezinárodní konferenci „Okno na Europę. Zagadnienia kulturowej tożsamości Peterburga i jego rola w historii powszechniej“. Uniwersytet Gdańsk, Polsko 5.-6. 6. 2003.
- 3. Художественный образ города в русской литературе, plenární referát. Mezinárodní konference Olomoucké dny rusistů 2003. UP Olomouc 25.-27. 8. 2003.

4. Kotik Letajev Andreje Bělého. Příspěvek na kolokviu k osmdesátinám doc. PhDr. Jiřího Honzika. FF UK Praha – Slovanská knihovna. 14. 10. 2003.
5. Двоемирие у Ф. М. Достоевского. Příspěvek na mezinárodní konferenci Грацкие славистические дни в Оломоуце. UP Olomouc 15. 10. 2003.
6. Жанр повести М. Горького и перегруженность личности. Příspěvek na mezinárodní konferenci „Literatura rosyjska przelomu XIX i XX wieku“. Uniwersytet Gdańsk, Polsko 13.-14. 11. 2003.
7. Образ Петербурга и Двойник Ф. М. Достоевского. Německo, Greifswald, Ernst Moritz Arndt Universität Greifswald, Institut für Slawistik 29. 5. 2003.

Marie Sobotková

- b) 1. Jan Blahoslav (1523–1571) a jeho místo v české kultuře 16. století. Přednáška k 480. výročí autorova narození pro studenty bohemistiky Slezské univerzity v Katovicích.

Ludmila Stěpanova

- a) 1. Диахронический анализ русской фразеологии: результаты и размышления – Olomoucké dny rusistů, plenární referát.

Zdeňka Vychodilová

- a) 1. „Русская литература в оломоуцких издательствах между двумя мировыми войнами“. Příspěvek na Olomouckých dnech rusistů, FF UP Olomouc, 8. 2003.
2. „O. F. Babler jako překladatel z ruštiny“. Referát na semináři „Český překlad v letech 1945–2003“ v Ústavu translologie FF UK v Praze, 11. 9. 2003.
3. „Употребление местоименных дейктико-анафорических средств в чешском и русском языках в свете контактов немецкого языка с чешским“. Referát na česko-rakouské konferenci „Оломоуцко-грацкие славистические чтения“, FF UP Olomouc, 15. 10. 2003.

Eva Vysloužilová

- a) 1. ...Н. Флидрова: Диалог в письме на страницах газеты. Plenární referát na mezinárodní rusistické konferenci Olomoucké dny rusistů, FF UP, Olomouc, 25. 8. 2003.
2. Читательское письмо как многоуровневый текст. Referát na mezinárodní konferenci Štýrskohradecké slavistické dny v Olomouci, FF UP, Olomouc, 15. 10. 2003.

Miroslav Zahrádka

- a) 1. 25.-27. srpna 2003, účast na Olomouckých dnech rusistů. Úvodní slovo a v sekci referát na téma „Město a městečko v názvech ruské literatury“.

Petra Zavřelová

- a) 1. Polská kinematografie 90. let 20. století – přednáška v rámci česko-polského literárního festivalu „Z druhé strany“ v Ostravě ve dnech 13.-15. března 2003.

ROSSICA OLOMUCENSIA XLII

(ZA ROK 2003)

2. část

Výkonný redaktor: doc. PhDr. Zdeněk Pechal, CSc.

Odpovědný redaktor: Mgr. Jana Kreiselová

Technický redaktor: Jitka Bednaříková

Publikace neprošla ve vydavatelství jazykovou redakcí

Vydala a vytiskla Univerzita Palackého v Olomouci,

Křížkovského 8, 771 47 Olomouc

www.upol.cz/vup

e-mail: vup@upol.cz

Olomouc 2004

1. vydání

Ediční řada – *Sborníky*

ISBN 80-244-0830-9

ISSN 0139-9268